

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2022

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинз (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 4 (87) 2022

К 30-летию Школы

- Вместо послесловия: ответы основателей Школы на вопросы
авторов книги о людях и идеях Школы*
Юрий Сенокосов, Лена Немировская 5

Тема номера

- Демократические и авторитарные достижения
постсоветской политики. Эпитафия на могиле эпохи*
Михаил Минаков 10
- Каринна Москаленко: «Самые типичные нарушения прав
россиян – это бесчеловечное обращение и несправедливый суд»* 32

Опыт истории

- Михаил Горбачев: «Ядерное оружие спасло мир» –
это опасный миф в опасном мире* 43
- Центральная и Восточная Европа в XXI веке:
историческая перспектива*
Василий Жарков 46
- Споры о Германии. Ремейк в России*
Андрей Колесников 53
- Памяти Горбачева*
Дмитрий Муратов: «Он подарил нам тридцать лет мира» 58
- Леон Арон: «Свобода сводит на нет
слепое поклонение человеку или государству»* 60

Дневник войны

- Полгода войны*
Анна Гин 64

Государство и общество

- От «пятой колонны» к «приводным ремням»*
Всеволод Бедерсон 66

Международные отношения

О сценариях будущего
Николай Петров 73

О реформе ООН
Игорь Грецкий 78

*По направлению к глобальной политической интеграции:
время Всемирной Парламентской ассамблеи*
Андреас Буммель 88

Общество и личность

Поэзия мышления
Анатолий Михайлов 97

Наш анонс

Стичка
Владимир Жбанков 112

Стич
Юрий Сенокосов 112

Книги

Герой нашего времени
Андрей Симбирцев 113

Nota bene

О наследии христовом и «репрессивной ментальности».
Задумываюсь
Владимир Зелинский 116

Теории личности: от Фрейда и Юнга в наши дни
Денис Яковлев 122

В 2017 г. была издана книга Андрея В. Колесникова «Опыт свободной жизни. Юрий Сенокосов, Елена Немировская и Московская школа гражданского просвещения».

В конце 2022 г. в соавторстве с известным английским журналистом Джоном Ллойдом она вышла на английском языке.

Предлагаем читателю ответы основателей Школы на вопросы авторов книги о людях и идеях Школы.

Вместо послесловия

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

— За три десятка лет Школа прожила непростые времена, что, вероятно, после фукуямовского благополучного «конца истории» вами тоже не планировалось. Несмотря на существенную разницу в периодах работы вашего проекта, что стало для вас фундаментальным итогом деятельности Школы за прошедшие годы?

— Мы лично выражаем этот итог двумя словами: уверенность и понимание.

Во-первых, уверенность, что Школа получилась. И она нужна не только нам, ее создателям, и не только России, так как очевидно, что человечеству в условиях переживаемого кризиса — и это относится уже к пониманию — необходимо мировое право, способное вернуть силу универсальным ценностям.

Во-вторых, сохраняющаяся вера в актуальность и важность, необходимость просвещения. А именно — следование двум школьным девизам:

Обществу граждан — гражданское просвещение!

Наша гражданская задача — не надеяться на искусственный интеллект, на создание искусственной головы, а помочь думать живой голове.

И, в-третьих, понимание, что сегодня все мы — люди на планете Земля — живем уже не в привычных хронологических рамках XXI века, где есть прошлое и будущее, а в рамках вечного настоящего, которое может исчезнуть, если будем продолжать мерить время

прошлым и будущим. И поэтому мировое право для нас не цель, а движение к цели, ибо целью и в этом случае является мораль, конвертируемая в право. Закон обязывает, а право позволяет, открывает возможности. Именно эта тема в последние годы становится для Школы все более актуальной.

— Школа — это труд многих людей, и прежде всего тех гуманитарных мыслителей, которые стояли у ее истоков и способствовали ее становлению в первые годы существования. Их много, и об этом рассказывает наша книга. Но кто самые главные?

— Самые главные, конечно, философ Мераб Мамардашвили и о. Александр Мень. Оба они должны были участвовать в декабре 1990 года в одном из первых семинаров будущей Школы, который состоялся в Лондонском университете. Но 9 сентября был убит о. Александр, а 25 ноября умер Мераб.

А в число тех, кто помог нам реально создать Школу и кому мы бесконечно благодарны за продолжение ее существования, входят: Алексей Салмин, Юрий Левада, Александр Согомонов, Диана Пинто и Доминик Моизи, Катрин Лалюмьер, Эрнест Геллнер, Джон Ллойд, Джеффри Хоскинг, Родрик Брейтвейт, баронесса Ширли Уильямс, Джампьеро Боргини, Михаэль Мертес, Альваро Хиль-Роблес, Михаэль Сольман, Тоби Гаги.

— Школа просвещала и учила, а чему научили вас ее слушатели?

— Они не научили, а скорее, подтвердили то, о чем мы уже хорошо знали в свои 50 лет, когда создавали Школу. Как это действительно трудно в нашей стране родиться второй раз и стать

взрослыми, то есть видеть, слышать, воспринимать окружающий мир, оставаясь свободными.

Со временем мы уже понимали, что выпускники Школы, возвращаясь в регионы, где они живут, не могут не обращать внимания на местные обычаи, не считаться с привычками и образом жизни сограждан. Не говоря уже о существующих государственных органах власти и соответствующих институтах, ведомствах, учреждениях, в которых кто-то из них хотел или собирался служить и делать карьеру. Но мы перестали понимать саму власть, принимающую репрессивные законы против НКО, да, работающих в том числе и на деньги зарубежных фондов. Поскольку международные фонды, как частные, так и государственные, создавались после Второй мировой войны для преодоления ее разрушительных, страшных последствий и развития общественных инициатив и гражданских некоммерческих организаций. А сегодня их помощь не менее необходима. Наблюдая за тем, что происходит сейчас в мире: за отходом от базовых либеральных ценностей (в том числе и в демократических странах), за желанием отдельных государств использовать новые технологии для установления тотального контроля над гражданами, за доминированием экономических целей и пренебрежением правами человека, — трудно не видеть, что в гражданском просвещении нуждается в наши дни не только российское общество.

— Школа — европейский проект. Что для вас Европа и европейские ценности?

— Да, европейский. И поэтому мы предпочитаем, не забывая о философии и ее родине — Европе, обращать

Лена Немировская и Юрий Сенокосов

больше внимания не на конец истории, а на ее начало.

В одной из своих лекций Мераб Мамардашвили как-то отметил, что впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама впервые завязывает историю.

Этот акцент на «понижающей мысли», на наш взгляд, особенно важен именно сегодня во время кризиса. Стоит напомнить, что древнегреческое слово *κρίσις*, означающее «решение, исход», образовано от глагола *κρίνω* — «определять, выбирать».

Мы судим дела, говорил Мераб, а не людей, то есть состояния, а не их носителей. Людей же пусть судит Бог. Почему? Потому что наше упование на Бога, гласит старая истина, должно быть настолько полным, чтобы не оставалось никакой надежды на Его участие

в наших делах. Так как это мы, люди, теряя человеческий облик, совершаем зло. И преодолеть его можем, только возвращаясь, как это происходило не раз в европейской истории, к чувству общего блага и здравого смысла в наших делах. А это и значит возвращение к пониманию. К пониманию очевидно-го для всех языка рождения и смерти. И одновременно к доверию — основе здравого смысла.

Нет сомнения, что, совершая очередную научно-техническую, компьютерную революцию, человечество вступило в конце XX века на опасный путь виртуализации реальности, то есть создания имитированной «вычислительной» среды вместо привычной для нас объективной реальности, физической среды, а точнее — на путь подмены реальности сознания виртуальным сознанием, что несет с собой, по

словам современного австралийского философа Дэвида Чалмерса, огромную опасность, потому что виртуализация реальности становится инструментом реализации архаического предсознания.

Под предсознанием Д. Чалмерс подразумевает зародышевое состояние сознания, которое вышло из инстинктивной формы, но при этом еще далеко от развитого рефлексивного сознания и

Эксперимент ставят, а жизненный опыт извлекают

от сознания мифологического, обладая способностью к симуляции или паразитированию на продуктах развитого сознания. И в ситуации виртуализации практически невозможно без сложной интеллектуальной работы отличить предсознание от сознания.

— *В течение всех трех десятков лет, да и всей жизни, вы вели себя как свободные люди и пытались привить чувство свободы и вкус к свободе своим слушателям. Но страна после короткого периода развития демократии и рынка погрузилась в самую откровенную форму авторитаризма.*

Вы разочарованы — и какое самое главное разочарование? Почему не получилось превратить Россию в демократическую страну? И удастся ли в будущем путем просвещения вернуть нашу страну на «столбовую дорогу цивилизации», построив в ней общество настоящих граждан и государство, соблюдающее гражданские права и подчиненное интересам гражданского общества?

— Разочарования не было, пришло понимание, что невозможно превратить не только Россию, но и любую другую страну в демократическую без свободной политической и экономической конкуренции.

Разве можно было это осуществить без накопленного двумя-тремя поколениями соответствующего **жизненного опыта**? Конечно, нет. И в результате фактически снова был поставлен **физический эксперимент** и получен отрицательный результат. Потому что жизненный опыт извлекается иначе — в условиях свободы на основе законодательства и права, а для физического эксперимента нужна соответствующая технологическая база и математика. Эксперимент ставят, а жизненный опыт извлекают.

И сейчас в Европе и не только тоже фактически ставится эксперимент, называемый виртуализацией реальности, из которого человечеством либо будет извлечен жизненный опыт, либо он закончится коллективным самоубийством.

И возвращаясь к известному выражению «умом Россию не понять»... Главная трудность понимания России состоит в том, что постоянная государственная опека и подневольная жизнь, не лишив русских людей надежды, постепенно, на протяжении столетий привели к тому, что свои недостатки они незаметно для себя превратили в достоинства и властную добродетель, лишённую здравого смысла. Но это не является препятствием для понимания российских проблем в контексте существующих европейских ценностей свободы и демократии.

Цель гражданского общества, говорится в Манифесте нашей Школы гражданского просвещения, сохранять либерально-демократический характер стран, в которых оно существует.

В авторитарных государствах современное гражданское общество рождается в противоборстве с репрессивным законодательством и коррумпированной бюрократией.

Без гражданской морально-нравственной и правовой основы осуществить переход в иное, подлинно демократическое состояние из авторитарного государства не может.

Задача гражданского просвещения — утверждать жизненные ценности и развивать человеческие способности к осмыслению происходящего. Только это может гарантировать выживание человечества как вида в XXI веке с его технологическими, пандемическими и политическими вызовами и угрозами.

Школа гражданского просвещения — это место определения ценностного основания экономики, политики, социальных отношений. Ее слушатели обсуждают ценностные основания демократического устройства общества, следуя девизу архитектора Европейского союза Жана Монне: «Мы не создаем коалиции государств, мы объединяем людей».

Наша Школа — место для дискуссий и размышлений о смысле человеческой жизни в эпоху интернета и возросшей потребности в просвещении. Ее задача — наводить языковые мосты между лидерами разных культур, но примерно одного поколения, одного призвания и близких приверженностей.

Задача гражданского просвещения – утверждать жизненные ценности и развивать человеческие способности к осмыслению происходящего

Увеличение в современном мире числа авторитарных режимов ставит задачу включения в программы помощи развитию демократии проведение семинаров, посвященных проблеме просвещения.

Всеобъемлющего ответа на современные глобальные проблемы изменения климата, пандемии, разоружения не существует. Для того чтобы приблизиться к такому ответу, нужно прежде всего осознание важности более тесного сотрудничества и общения граждан на региональном и глобальном уровне. Для этого и существует Школа.

Михаил Минаков,
доктор философских наук

Демократические и авторитарные достижения постсоветской политики

Эпитафия на могиле эпохи*

В прошлом году мы с коллегами издали книгу о постсоветской истории Украины за 30 лет¹. Чтобы ее написать, мы собрали ученых из Украины и западных университетов. Каждую из глав этой книги, как правило, писали авторские пары — один украинец и один иностранец. Если пара не сходилась, раздел оставался ненаписанным. Поэтому в книге нет глав о военной истории, об истории дипломатии или об истории образования в современной Украине. Но те пары, которые состоялись, написали девять глав, среди которых — политическая история, социальная история, история современного искусства... И по-своему книга получилась нестандартной, интересной. Но главное — мы писали эту книгу как историю с открытым концом. Мы описывали постсоветское 30-летие, которое вело куда-то — и мы не знали куда. Так вот, если бы мы писали эту книгу сегодня (а ведь немногим больше полугода прошло с момента печати), то это была бы не незавершенная история постсоветской Украины, а история Украины межвоенного периода, который начался цезурой завершения Холодной войны и распада СССР и завершился другой цезурой, российско-украинской войной.

Напомню, цезура — это разрыв во времени онтологического характера. Это не просто некая прерывность некоей тенденции, не какая-то историческая остановка, а момент пересборки культурного дления и даже самого человека. Когда мы говорим о связи

* Доклад на семинаре *Sapere Aude* Школы гражданского просвещения. Юрмала, 21 марта 2022 г.

¹ Minakov M., Kasianov G., Rojansky M. From 'The Ukraine' to Ukraine. *A Contemporary History*. Stuttgart, 2021.

бытия, истины и человека, то в истории есть моменты, когда не отдельный индивид в своей личной жизни попадает в пограничную ситуацию и встречается с ничто, а целые культуры, целые большие сообщества людей переживают опыт встречи с ничто и перезапуска коллективной жизненной ситуации.

Философ Мишель Фуко когда-то предложил понимать цезуру как исторический разрыв, где истина, власть и человек переустанавливаются и фундируют друг друга наново.

Так из цезуры мы выходим другими людьми, с другими властными иерархиями и иными главенствующими истинами.

Социально-политический порядок таким образом запускает условия существования для индивида, индивид — для истины, а истина — для власти. И все это происходит в ничто, без каких-либо иных оснований, кроме этого, взаимного фундирования.

И тут самое время вспомнить Мераба Мамардашвили, утверждавшего, что воля к существованию, к присутствию в бытии — это и есть то, что устанавливает нас, наши знания и наши порядки. Это то усилие барона Мюнхгаузена, который за волосы вытаскивает самого себя из болота «ничто». Пересобирая себя и наш мир, мы «подвешиваем себя в ничто» в акте крайней, абсолютной бытийной воли и свободы. Потому что это — свободное воление быть человеком и знать, что есть истина.

Для наших культур важной была цезура 1917–1922 годов — пятилетие, когда произошло набрасывание массы коллективных проектов Восточной Европы и Северной Евразии: политических, гносеологических и экзистенциальных. И в конце 1922 года, когда был подписан союзный договор, большевики победили — началась новая история, новый порядок и новый человек. За цезурой последовали 1920–1930-е годы — время попыток создания нового человека. В работах Александра Зиновьева, Юрия Левады и в двухтомнике, вышедшем недавно у Льва Дмитриевича Гудкова², повторяется идея о постсоветском человеке: Советский Союз существует, пока живут люди, рожденные в 1920-е годы. С их старостью Союз потерял свою жизненную силу и пришел к концу... Впрочем, я помню и наши разговоры с Юдифью Добровольской, родившейся в 1917 году и, по идее, бывшей человеком нового советского мира. Она утверждала, что вся советская история — это история, враждебная самому понятию истины, свободы и человеческого существования. Но для большинства советского населения это было не так.

Вторая цезура в нашем регионе — это 1989–1991 годы. Когда Лев Дмитриевич [Гудков] представлял свой двухтомник о постсоветском человеке в январе 2022 года, он указал, что в России эта цезура не была столь же глубокой, как в Украине или Грузии. И путинизм — это как раз

² Гудков Л. Д. *Возвратный тоталитаризм. В 2 т. М.: НЛО, 2022.*

восстановление советского состояния, хотя и с новым словарем. В то же время в украинском обществе, которое в эти дни показывает невероятную волю к сопротивлению, победе, преодолению оккупации, очевидны элементы, указывающие, что цезура в Украине произошла, произошел разрыв с советским.

Отсюда мой тезис: советский человек как типаж был один, а «постсоветских человек» много, как и постсоветских стран. Идеологический, культурный плюрализм, который принес 1991 год, — это общий постсоветский опыт. Этот опыт есть и в России, но там он не стал определяющим. А в других постсоветских странах был крайне важен.

В моем докладе будут две части. Одна посвящена «светлой стороне» постсоветского опыта: мы обсудим то, какие демократические достижения были совершены за 30 лет, за межвоенный период в Восточной Европе с 1991 по 2022 год. И куда пришли, что мы смогли узнать такого, что потом можно будет принести в послевоенный период, чтобы отстраивать мир и в Восточной Европе, и в Северной Евразии.

Сейчас уже ясно, что от тех социально-политических образований, которые существовали в межвоенный период, мало что останется. Мы с вами провалились в новую цезуру. И в следующие год-два-три будем существовать в этом разрыве...

Многие из вас уже говорили, что не понимаете, в каком мире и в каком состоянии находитесь. Я в той же ситуации, в боли и гневе. Но я также вижу, как люди вокруг меня делают сейчас свой экзистенциальный выбор: одни идут в сопротивление, другие эмигрируют, третьи замирают...

Поколение украинцев — ровесников моей дочери преимущественно делает выбор в пользу сопротивления российской оккупации. Моя дочь встретит свое 26-летие в военной форме, защищая Киев. Она сделала свой выбор 24 февраля и теперь участвует в сопротивлении. С первой ракетой, упавшей на Киев, она встретила с ничто и сделала свой выбор в пользу сопротивления до конца.

Есть выбор людей, которые остаются и не бегут ни в Западную Украину, ни в Европу. Они окапываются, как мои родители — или как аграрии, с которыми я часто разговариваю в эти дни. Для них вопрос — сеять или не сеять, обрезать сад или бросить, длить жизнь или готовиться к смерти? Это еще один аспект того экзистенциального опыта, который мы приобретаем в нынешней цезуре. Потому что сеять — это значит: будем жить, будем бороться.

Эти опыты свидетельствуют, что прежняя постсоветская эпоха завершилась. Новая эпоха скоро начнется. Итак, мы закрыли тот тридцатилетний этап, который можно назвать постсоветской — межвоенной — эпохой. И это было также тридцатилетием Школы. И теперь мы вошли в процесс обновления Школы и обновления нас самих. И наше будущее зависит от того, какие уроки — позитивные и негативные — мы вынесем из завершившейся эпохи.

Конструктивистский посыл моего доклада: нужно решать, чего нам нужно бояться в нас самих, чего не допустить после войны, с наступлением нового мира.

* * *

В 1990-е годы мы переизобрели экономики, общественные устройства, государства, национальности. Культурный мир очень сильно менялся, особенно в начале 90-х, пока новые общества пребывали в революционной открытости изменениям.

Но к началу 2000-х эта открытость сменилась страхом перед будущим, а в 2022 году постсоветский опыт уже закрылся, окуклился — теперь он целостный предмет исторического анализа, и мы можем ретроспективно на него смотреть для того, чтобы делать выводы и готовиться к конструированию нового мира более разумно и ответственно...

Цезура 1989–1991-х связана с третьей волной демократизации. В ней распадается Советский Союз и возникают новые государства — или восстанавливаются старые (как Латвия, например)... Но даже в этом восстановлении Балтийские страны себя переизобретают, а не только восстанавливают былое республиканское устройство. С точки зрения государственного строительства, строительства правовой и экономической системы созданы очень отличающиеся политические единицы.

В этой третьей волне демократизации постсоветские общества попали на ее гребень. И наше государственное строительство было связано с силой гораздо большей, чем просто воля к изменениям позднесоветского населения. Демократической волной нас захватило и понесло в радикально иное будущее. И эта волна не только привела к падению восточного блока и запуску посткоммунистического транзита, но и поддержала революционную креативность, открытость политическому и социальному творчеству. Мы создали новые государства как плюралистические демократии.

Посмотрите на значимые политические документы 1990-х — на декларации о суверенитете, декларации о независимости, первые проекты Конституций, утвержденные Конституции... В них видно, как либерально-демократическое политическое и законотворческое воображение создает новую политическую, экономическую и социальную реальность.

В период до середины 90-х годов опьянение и элит, и масс возможностями постсоветской революции было огромно. Но за всяким опьянением приходит похмелье. И это «революционное похмелье» происходит в разных странах по-разному. Где-то заставляет мигрировать, и начинаются первые волны большой миграции в Балтийских странах, в Молдове. Огромное количество людей выбирают другие страны сначала для временной работы, а потом остаются. Других «похмелье» подталкивало к выбору в пользу автократов или «системной коррупции»...

В 90-е национализация поддерживала демократизацию, но к 2009 году эта связка распалась

А за похмельем пришло и отрезвление. Например, Украина «тянула» со своей Конституцией, и в результате ее основной закон уже довольно сильно отличался от раннепостсоветских конституций. А российская конституция 1993 года была более «воодушевляющей». Впрочем, оба

эти документа были далеки от того, чтобы быть проектами новых государств, они не писались для того, чтобы их выполняли. Но как тексты, в которых зафиксирован определенный тип консенсуса элит и масс по поводу определенных элементов воображаемого (к чему мы стремимся), они указывают, что раннее постсоветское воображение

было направлено на будущее. Там очень много фраз, в которых говорится: «...исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...» В этих выражениях есть чувство того, что «мы работаем на будущее, мы создаем будущее».

Украинская конституция 1996 года тоже содержит эти конструктивные футуристические элементы, но она куда более трезвая. Это отрезвление было связано с тем, что надежда на «великую посткоммунистическую трансформацию» уже отступила. Но оставались малые надежды хотя бы на «демократизацию», на частичное переустройство политики и государства. И эта тенденция будет в центре украинского публичного внимания, наверное, до 2009 года. Даже в странах, где состоялись «цветные революции», слово «демократия» с 2009 года уходит на маргиналии. Демократия больше не воодушевляла. Было много критики постсоветского развития, много разочарования в демократии — и в первое десятилетие XXI века возникают иные силы, с иными, недемократическими интересами.

В тени демократизации происходил и другой процесс — национализация социально-политической жизни. Странная категория советских «национальностей» получила новую перспективу. «Национальности», которые были в Советском Союзе, — это отчасти бюрократический термин, в нем очень много того, что было привнесено лично Сталиным, но это понятие продолжало жить в позднесоветскую эпоху. Прижилось оно и в постсоветские времена. Для Украины, Молдовы или Беларуси, где позднесоветское население во многом происходило от тех, кто приехал после Второй мировой войны, «национальность» стала формативной идентичностью, хотя подвижной и адаптивной к изменениям. В некоторых странах национализация проходила быстро и травматично, а где-то — медленно и более инклюзивно. В 90-е национализация поддерживала демократизацию, но к 2009 году эта связка распалась. Национализация становилась все более антилиберальной тенденцией.

Recycle Group (Георгий Кузнецов, Андрей Блохин). Инсталляция Artificial Environment. 2018

С 2008 года — с российско-грузинской войны — в Восточной Европе начался период углубления конфликтов. Милитаризация национальностей ускорилась в 2014 году с войной в Донбассе и аннексией Крыма. Стало понятно, что конфликты в постсоветских обществах из внутренних перерастают в межнациональные. И Северная Евразия, и Восточная Европа погружаются в период локальных войн.

Итак, постсоветскую эпоху можно описать в терминах трех периодов — революция 1991-го и последующий период преобразований (1991–1995), отрезвление и рост внутренней конфликтности (1996–2007) и период межнациональной конфликтности (2008–2022).

Хотя качество политических процессов в эти периоды было очень разным, крайне важно отметить, что политическая свобода была испытана и как личный, и как коллективный опыт всеми постсоветскими народами. Этот опыт был у всех: у украинцев, у киргизов, у россиян, у туркменов (пусть и очень недолгий, как в последнем случае)... Например, буквально вчера вступил в должность Сердар Бердымухамедов — третий член династии, тиранически правящей в Туркменистане. Но в 1990–1992 годах был период, когда туркмены пытались установить разделение ветвей власти в своем новом государстве. Республиканское строительство было, однако, быстро подорвано. Но яркая и незабываемая попытка свободы там была...

Если измерять «индекс либеральной демократии», то есть то, как право поддерживает и определяет политические процессы, то в случаях Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана очевидно, что хотя рывок к свободе в Средней Азии был скромнее и короче, чем в среднем «по постсоветской палате», но он тоже был. То есть опыт свободы, опыт создания демократических институтов и жизни в этих институтах есть и у этих народов. Кроме того, Кыргызстан будет возвращаться к революционному опыту 1991 года и позднее в своих многочисленных революционных попытках, начиная с 2005 года («Революции тюльпанов»).

Конечно, опыт достижения политической свободы в этом регионе связан не столько с демократией, сколько с полиархией, но опыт политического плюрализма создает предпосылки для свободы граждан и бизнеса. Эта свобода не была долгой и стабильной, но она была тем опытом, который доказывает, что и в Средней Азии возможны относительно свободные полиархические режимы.

Те же рывки и та же нестабильность свободы заметны в странах Восточной Европы, но со своей спецификой. Измерения индекса либеральной демократии, например, в Армении, России и Украине в 1991–2021 годах показывает, что рывок к свободе в этой части постсоветского пространства был дольше и имел более значительные достижения... Здесь также мы видим схожесть и различие опытов свободы у постсоветских народов. Поначалу для всех была характерна волна демократизации в 1990–1994 годах (с недолгим срывом в Армении). Затем ползучая автократизация с 1995 по 2004 год. И потом «оранжевая революция» в Украине, на пять лет вернувшая страну к большей демократии и политическим свободам. В то же время реакция на «цветные революции» усилила автократические тенденции в России, Беларуси, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане и Армении. Индекс либеральной демократии понижается в Украине с приходом к власти президента Януковича в 2010 году и не растет во времена Донбасской войны вплоть до «электоральной революции» Зеленского в 2019 году. Годом раньше Армения благодаря волне массовых протестов изменила политический режим, войдя в клуб самых политически свободных постсоветских стран. Будем надеяться, что война против Украины приведет и Россию к падению путинского режима и новому рывку к свободе.

Так или иначе, измерение индекса либеральной демократии в постсоветских странах в 1991–2021 годах показывает, что у граждан этих стран есть опыт приобретения свободы, ее утраты и попыток возвращения к демократическому развитию. При этом измерение индекса либеральной демократии, а также двух других индексов — партициптивной и электоральной демократии — позволяют увидеть, что постсоветское тридцатилетие было временем приобретения и потери свободы, волн демократизации и автократизации. У названных стран — от Туркменистана до Украины — есть опыт свободы и есть воля к ней. Но те

государственные и политические институты, которые были нами созданы в последнее тридцатилетие, не были способны стабильно поддерживать политическую свободу.

И это урок для нас всех. Видимо, не только ООН нужно реформировать (о чем говорили предыдущие докладчики), но нужно реформировать и само постсоветское государство. В будущем нужно продумать, как обеспечить сохранность разделения властей, не допустить их слияния в коррупционных сетях или авторитарных «вертикалях власти». Потому что коррупция совершается кланами, т.е. приемными властными семьями, существующими как раз за счет неформального объединения представителей судебной, законодательной, исполнительной власти для защиты интересов собственников клана.

Впрочем, даже коррупция может производить как свободу (пусть и дурную, неэффективную), так и автократию. Россия и Беларусь управляются классическими монопирамидальными структурами, где неформальные структуры и госорганы склеены в единой вертикали власти.

Напротив, в Украине, Грузии и Молдове кланы существенно сильнее формальных институтов государства и успешно сопротивляются попыткам встраивания их в единую пирамиду. Благодаря существованию многих коррупционных пирамид происходит конкуренция как формальных институтов (например, министерств, партий, политических групп), так и неформальных структур. Кланов конкурируют друг с другом и оставляют большие лакуны политической свободы для граждан, партий и СМИ.

Политическое творчество в плане построения постсоветских государств не было особо успешным. Но этот опыт дает нам уроки успеха и провалов, которые необходимо учитывать в будущих проектах государственного строительства.

Отдельные достижения демократического творчества можно отметить и в попытках установления верховенства права — не просто как идеи, а как системной устойчивой практики. Суды отчасти запускали этот процесс. Автономия судебной власти переживала разные периоды. Но какие-то ее рудименты существуют до сих пор. Даже в моменты авторитарных поворотов суды могли противостоять всемогущей исполнительной власти и практиковать верховенство права, в том числе в коррупционных интересах. Например, в 2012 году в Киеве пытались понять, почему «крепкий хозяин Украины» Янукович не может добиться от ряда судов определенных решений. Оказывается, в некоторых случаях судебные династии ценили свое единство больше, чем подчинение

*Государственные
и политические институты,
которые были нами созданы
в последнее тридцатилетие,
не были способны стабильно
поддерживать политическую
свободу*

звонку хозяина. Когда в пределах «династии» внуки принимали решение в нижней судебной инстанции, дети подтверждали это решение в судах второго уровня, а дедушка и бабушка поддерживали решение в третьей, высшей инстанции, не подчиняясь воле автократа. Такие же кейсы были замечены в Узбекистане и Казахстане. По России не знаю, но представляю себе, что и это было возможно в непринципиальных вопросах. Такой опыт неформальной и формальной автономии в судах тоже вероятен; это практика, на которую можно опираться в будущем. Судьи способны сопротивляться влиянию авторитарной исполнительной власти и неформальных структур.

Среди демократических достижений постсоветского опыта следует назвать также практику свободы прессы и совести. Этот опыт был значителен и в России, и в Украине, и в Балтийских странах, и в Молдове. Новая волна российской эмиграции (2022 года) во многом связана с людьми, для которых практика свободы слова и совести стала частью личной идентичности. Они не могут существовать в политических и социальных условиях, где свобода слова и совести невозможна. Нынешняя эмиграция из России и Беларуси — это экзистенциальный выбор.

Также среди демократических достижений постсоветской поры есть опыт участия в конкурентных выборах на центральном и местном уровнях. Выборы как институция в большинстве постсоветских стран стали едва ли не первой жертвой автократизации. На этот институт стали нападать очень быстро. Если с либеральным аспектом демократии расправлялись с помощью неформального подчинения судов, то демократическое качество выборов подрывали и через неформальные структуры, и посредством постоянных манипуляций с законами о выборах.

Но для граждан постсоветских стран личное участие в выборах как избирателя и как кандидата является неотъемлемым демократическим опытом. Этот опыт никуда уже не денется. Он институализирован и в политических культурах. Если посмотреть внимательно, добрая часть протестных движений в автократических (Казахстан, Россия, Беларусь) и более свободных (Армения, Грузия, Молдова и Украина) государствах связана с оскорбленным достоинством избирателей. Даже в авторитарных странах подмена волеизъявления — явно непростительный «политический грех».

Выборы в идеале — это неконтролируемый канал ротации элит. С помощью выборов граждане могут делегировать своих представителей в важнейшие центры принятия решений. Электоральная система становится жертвой автократических тенденций, когда создаются условия, при которых на этапе (1) выдвижения кандидатов, (2) проведения кампании, (3) дня голосования и (4) ночи подсчета — на всех четырех избирательных этапах устанавливается контроль над «неконтролируемым каналом ротации» в интересах правящих групп. И этот опыт участия, конкуренции, манипуляции на выборах и сопротивления им — крайне важный опыт постсоветского периода.

Свобода во время выборов была практикой и внеполитического толка. Свобода выбора в постсоветских обществах на порядок отличалась от советской. Это касалось и личной жизни, и участия в экономике, в социальной и политической жизни. Она касалась места проживания, свободы передвижения по стране и по миру... Эта «кочевая» динамика определяла мироощущение постсоветского человека.

Этот опыт свободы выбора был важен для выдвижения многих лидеров постсоветской поры. Мои студенты делали биографические зарисовки того, как свобода выбора создавала лидеров. Например, Арсен Аваков — уникальная фигура, украинский олигарх и политик, который несколько раз терял и восстанавливал свой клан. Его опыт — это опыт армянина, бежавшего из Азербайджана и нашедшего в Украине свою новую родину. Он был уникальным министром внутренних дел, правившим семь лет, во время которых был «не первой, но и не второй» фигурой в стране. Он, как и многие другие лидеры, благодаря опыту свободы обладал огромной политической креативностью. Такие же фигуры можно найти в российской, грузинской или узбекской политике.

Опыт участия, конкуренции, манипуляции на выборах и сопротивления им — крайне важный опыт постсоветского периода

Еще одно демократическое достижение постсоветского периода — идеологический и культурный плюрализм. Этот плюрализм возникает уже в позднесоветские времена, раскрывается в 90-е годы и с ним активно борются в последнее постсоветское десятилетие (2012–2022).

Культурный плюрализм находил отражение в инклюзивных образовательных и правовых системах 1990-х. Но этот плюрализм был замечен и в межкультурных международных диалогах. В Украине большая интеллектуальная группа работала над тем, чтобы представить Украину как центральноевропейскую страну. Для молдаван важным был диалог с современной румынской культурой. Для белорусов — белорусско-литовско-польский диалог.

Разнообразие политических идеологий стало настолько неотъемлемой частью, что оно остается важным элементом даже в большинстве постсоветских автократий. Попытки идеологической монополизации можно заметить и в автократиях, и в гибридных режимах, но им противостоят как властные элиты, так и значимые социальные группы. Ни в России, ни в Беларуси, ни в любой другой постсоветской стране (кроме разве Туркменистана) полная идеологическая монополизация не удалась. Опыт этого разнообразия преодолеть почти невозможно.

Особо стоит отметить демократические достижения в создании парламентов. Верховный Совет Советского Союза по гамбургскому счету парламентом не был. В этом советском институте намешаны элементы и исполнительной, и законодательной, и контролирующей власти. Постсоветские народы изобретают парламенты в 1990-е годы.

Примером может быть Государственная дума, получившая как опыт борьбы с сильным президентом, так и опыт подчинения с помощью танков и при посредстве нефтекоррупции.

Украинская Верховная рада — сильный парламент, переживавший взлеты и падения. Но главное — Рада трижды (в 1993, 2004 и 2014 годах) была платформой для национального диалога, спасшего единство страны. И тут коррупция позволяла президентам устанавливать контроль над парламентом. Но в кризисные моменты этот контроль давал сбой, а парламентская идея возрождалась.

Так или иначе, в постсоветскую эпоху происходила работа по созданию парламентской системы и парламентов как точки сборки нации — нового элемента в постсоветском опыте. Парламент и был местом «нациостроительства». А там, где парламенты теряли свою роль площадки для диалога, возникали проблемы с национальным строительством. Там же, где они оставались пространством диалога и идеологического разнообразия, с национальным строительством проблем было меньше.

В постсоветское время само государство переживает период переосмысления. Почти везде восточноевропейский-североевразийский Левиафан дает о себе знать. Но опыт республиканского строительства в 1990-е годы был очень важен. В новых обществах возникает общее дело, публичное благо — республика. И это республиканское строительство — еще один опыт, на который необходимо опираться для того, чтобы создавать новый мир в Восточной Европе и Северной Евразии.

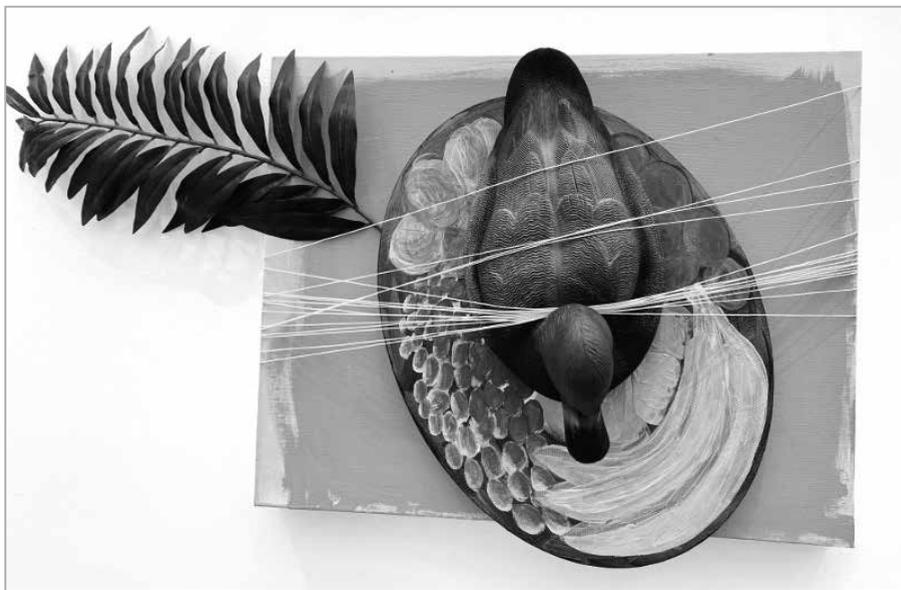
Республика строилась и в конституционных процессах. Поначалу на волне демократизации постсоветские конституции были либеральными и ориентированными на будущее. Однако к началу XXI века консервативный путь становился все заметнее.

В частности, недавние поправки к Конституции РФ — яркий пример консервативного поворота в госстроительстве. Они же совпадают с отказом от горизонтального принципа разделения власти и переходом к выстраиванию вертикали власти.

Частью государственного строительства как живого республиканского проекта было внедрение партийного разнообразия и активизма гражданского общества.

Партийное разнообразие возникает незадолго до распада СССР. С 1989 года сначала в Балтийских республиках, потом в России, Украине, Беларуси, Казахстане появляется масса разных партий. Это бесценный опыт самоорганизации активных граждан вокруг идеологических и политических программ. Как человек, участвовавший в создании трех партий в начале 90-х и даже в 2010-х годах, помню, что мы с товарищами обсуждали один и тот же вопрос: «Как бы не воссоздать КПСС?»

Давление советского партийного опыта сказывалось, но была и новизна в постсоветских партийных проектах. Партии, несмотря на подчас избыточность своего присутствия, являются важнейшей

Арт-группа «ЕлиКука» (Олег Елисеев, Евгений Куковеров). Культурный багаж. Охота. Утка. 2020

конструктивной силой в национальном диалоге. Именно они способны переводить социальный консенсус в политические решения. И именно они могут прерывать монолог власти, заставляя властные элиты общаться с обществом.

По поводу гражданского общества только замечу, что независимые гражданские организации стали неотъемлемой частью политической культуры постсоветских народов, но с оговоркой, так как очень часто они попадали под влияние правящих групп и кланов. Нельзя забывать, что радикальные идеологии проникают и в гражданские организации. В некоторых странах возникал эффект NGO-сгасу — НПО-кратии, когда группа «грантополучателей» влияла на политические элиты в интересах внешних доноров. Все это правда, но это — часть политического и социального плюрализма, дискомфорта и противоречивого. В плюралистическом открытом обществе транснациональное взаимное влияние, в том числе и на уровне НПО, неизбежно — и именно она позволяет политическим свободам продолжаться и влиять на политику как в страновом, так и в международном контекстах. Там же, где гражданское общество ограничено законами, политической полицией и определениями «национал-предателей» и «иностранных агентов», там современное гражданское общество прекращает существовать. Возникает несовременное, консервативно-реакционное общество подданных, опирающееся на соседские общины, церковные приходы, родоплеменные структуры.

Эти элементы демодернизированного «гражданского общества» не участвуют в создании политических свободных режимов или систем.

Демодернизация приводит к тому, что «гражданское общество подданных» теряет свою эмансипирующую роль. Но несомненный опыт прогресса, который обеспечивало гражданское общество, — еще одно достижение в сокровищнице нашего демократического постсоветского опыта.

* * *

У нашего политического творчества в постсоветский период были не только демократические, но и автократические достижения

Итак, политическое творчество, как известно, может вести не только к созданию практик и институций свободы. Человек многомерен: он имеет и светлую, и темную, и сумеречную стороны. Вольтеру противостоит его современник Калиостро, Канту — Гаман, Гегелю — Шопенгауэр и так далее. Так и у нашего политического творчества в постсоветский период были не только демократические, но и автократические достижения. То, что мы видим сегодня в России, в Азербайджане, в Беларуси, в Узбекистане, — это тоже результаты политического творчества.

Это тоже необходимо учитывать в нашем списке уроков постсоветской межвоенной эпохи.

Для постсоветского периода характерно противостояние политической свободы и экономической успешности. Если вывести из расчетов Балтийские страны, то в развитии 12 признанных и четырех непризнанных государств есть общее правило: чем свободнее политическая система, тем меньше доход домохозяйств и ВВП на душу населения. Если мы сравним показатели политической свободы и ВВП на душу населения Азербайджана, Беларуси, Грузии, Молдовы, России и Украины, то это противоречие будет особо заметно.

О причинах противоречия можно и нужно спорить. Мне близка гипотеза, что наше постсоветское творчество привело к созданию странного капитализма. Все больше появляется философов, политэкономов и экономистов, которые не уверены в том, что в постсоветских обществах капитал действительно возник.

Метафизически капитал — это некая отчужденная от человека сущность, проявляющая себя как постоянно растущая стоимость. «Маленькое чудо» прибавочной стоимости — источник, из которого вырастают все формы капиталистического отчуждения, идеология как необходимая часть социальной реальности.

Совсем недавно, в ноябре-декабре прошлого года, я работал над исследовательским отчетом, связанным с описанием истории коррупции в Украине. В методику исследования входил элемент интервью с людьми, не понаслышке знающими разные коррупционные практики в Украине. Я говорил с губернаторами, судьями, прокурорами, детективами из национального антикоррупционного бюро. А также провел

интервью с двумя украинскими олигархами из первой украинской двадцатки Forbes. И во время интервью я их спрашивал о капитале: «Как вы считаете, то, чем вы владеете, — это капитал или богатство?» Оба ответили, что капиталом они бы назвали лишь ту часть основного капитала, которую вывели за пределы Украины. А то, что осталось внутри страны, — это является скорее богатством, накопленными средствами, стоимость которых не растет и требует постоянной многоуровневой защиты в постсоветской политэкономической системе.

Итак, близкая мне гипотеза состоит в том, что постсоветские политические, экономические и правовые системы устроены для приобретения и защиты богатства, а также превращения его в капитал путем вывода на Запад или в офшоры. Этому соответствует и судебная система, и устройство кабинета с парламентом, и бюджетная система, и налоговая система и т.п. Раз капитал проблематичен, раз рост не обеспечен политическими, экономическими и социальными институтами, значит, возникает некое иное качество политической экономики постсоветских обществ. В этих условиях государство должно быть системой редистрибуции, занимающейся сбором доходов и их перераспределением через государственные структуры по разным сословиям и местным сообществам.

В этом случае государство не может быть республикой, так как речь идет не об общем благе, а о благе определенных властных семей и сословных иерархий. Государство в этом контексте противоречит логике республики, гражданственности и предпринимательства. Оно способствует неправовой концентрации власти-собственности в руках малой несменяемой группы людей, контролирующей центры власти, — Нацбанка, правительства, Генштаба, политической полиции... и всей системы организаций, которые из нее выросли. Количество структур, которые в постсоветское время возникли из одного ядра, из КГБ — КПСС — комсомола, поразительно. В большинстве постсоветских стран они плодились, размножались, усиливали свое влияние формально и неформально, подминая демократический порыв под свои автократические или олигархические цели.

Если мы посмотрим на то, что происходит сегодня со свободой и подчинением в мире, то вынуждены говорить о глобальном усилении автократических тенденций с конца первого десятилетия XXI века. Отчасти это связано с мировым финансовым кризисом 2008–2009 годов. Рынок в установлении новых недемократических, антидемократических, антилиберальных и автократических режимов был совершен в 2012 году. Во многом это связано с «арабской весной», приведшей к новым войнам,

Постсоветские политические, экономические и правовые системы устроены для приобретения и защиты богатства, а также превращения его в капитал путем вывода на Запад или в офшоры

в которых республики потеряли и свободу, и экономическую состоятельность, а монархии приобрели громадное региональное и глобальное значение. Также выросло количество несвободных политических систем в Африке и Латинской Америке. Даже «старые демократии» стали терять свое демократическое качество. Все эти плачевные процессы получили название «третьей волны автократизации»³.

Если мы посмотрим теперь в контексте третьей волны автократизации на постсоветские страны, то увидим, что большинство политических систем поддались этой волне. Но есть три чемпиона в антиавтократическом движении нашего региона: Грузия и Армения улучшили свои позиции, а Молдова не ухудшила. То есть если все «проседают», а эти три страны показали неплохой результат, то, следовательно, есть надежда, что и другие постсоветские народы могут воспользоваться опытом противостояния автократии своих соседей⁴.

Если разделить глобальные волны демократизации и автократизации за последние сто двадцать лет на культурные ареалы, то у нас, на «Православном востоке» (как определяют нашу часть мира авторы доклада), особо заметен резкий демократический рывок в начале 1990-х и постепенное авторитарное затухание в XXI веке — с колебаниями из-за революций в Украине и Грузии. Но последние не оказывали радикального влияния на общую ситуацию в регионе. Мало того, цветные революции создали уникальную ситуацию в постсоветском пространстве: они поделили все постсоветские страны на революционные и реакционные лагеря. И эта поляризация ускорила автократический поворот в таких странах, как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Правительства этих стран опасались того, что в них проникнут практики протестов из Украины и Грузии. В этой связи они стали усиливать организации — наследницы НКВД, ужесточать контроль над СМИ, ограничивать горизонтальную коммуникацию своих граждан с гражданами из революционных стран. Так что в этом плане тоже появилась дуальность: рывок вперед у одних отбрасывал «тень» у соседей...

Постсоветская автократизация вписалась в глобальный тренд. На нашей планете увеличивается количество закрытых автократий: на декабрь 2021 года их число достигло 34, а электоральных автократий — 60. При этом 26% населения Земли живет теперь в закрытых автократиях, а 44% — в электоральных автократиях. Хотя еще пять лет назад ситуация была иной и большинство населения Земли жило в разного рода гибридных и свободных политических системах.

³ Hellmeier S. et al. *State of the world 2020: Autocratization turns viral*. DOI 10.1080/13510347.2021.1922390.

⁴ Там же.

Аслан Гойсум. *People of No Consequence*. 2016

Этот результат — «жестокая оплеуха» нашим надеждам. В среде политических ученых и политических философов еще недавно шла дискуссия: «Может быть, все-таки эта волна автократизации приведет к возобновлению протестных движений и протестные движения усилят демократии в среднесрочной перспективе?» Но оказалось, что статистически начиная с 2018 года количество успешных протестных движений («успешных» — это означает «приводящих к качественной смене политического режима») радикально уменьшилось. Автократии стали более стабильными, их институты работают более эффективно, и даже воистину массовые протесты имеют меньше шансов привести к смене режима. Или же приводят к нежелательной смене режима, как в случае Беларуси, где протестное движение 2020 года завершилось заменой адаптивного патриархального авторитаризма на закрытую репрессивную автократию.

Самым опасным процессом для мировой демократии является то, что все больше и больше стран автократизируется. То есть они еще могут быть демократическими, но тенденции в них устойчивые и ведут к уменьшению пространства свобод. Это касается Центральной Европы, Латинской Америки и ряда азиатских стран. Например, Индия быстро теряет свое демократическое качество.

На нашей планете увеличивается количество закрытых автократий: на декабрь 2021 года их число достигло 34, а электоральных автократий — 60. При этом 26% населения Земли живет теперь в закрытых автократиях, а 44% — в электоральных автократиях

⁵ Там же.

Также отчет «State of the world 2020: Autocratization turns viral» позволяет увидеть, по какому из направлений автократизация действует особенно сильно за последние 10 лет в Восточной Европе и Центральной Азии⁵.

В нашем регионе автократизация начинается с изобретения институций, контролирующих свободу выражения и горизонтальную коммуникацию граждан. В этом наши режимы похожи на режимы на Ближнем Востоке и в Северной Африке после «арабской весны», в Латинской Америке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

О чем это говорит? Можно предположить, что автократии учатся друг у друга. В последние десять лет было заметно, что автократические лидеры общаются между собой и взаимодействуют в постсоветском пространстве для усиления собственных позиций. Есть целый ряд формальных и неформальных организаций, где постсоветские автократы поддерживают друг друга и помогают друг другу. Но, судя по всему, Латинская Америка (бразильский режим, например), и Китай, и Индия тоже изучают «лучшие авторитарные модели» друг друга. Сейчас неоимпериалистическая воюющая Россия, видимо, становится полем автократических экспериментов, «обогащая» близкие по духу режимы.

Тот же отчет указывает, что в центре внимания автократов оказывается свобода собраний (Freedom of Association). Все больше становится авторитарных инноваций в законах, которые не позволят гражданам отстаивать свои права совместно. Это же происходит не только в постсоветском регионе, но и в Центральной Европе. До сих пор продолжается дискуссия вокруг конституционных изменений и решений Конституционного и Верховного судов Польши. Если консервативная волна продолжится, то мы увидим серьезные изменения во всей Европе. Уже сейчас Орбан и ряд других значимых политиков в Центральной и Южной Европе создают новый союз партий, который будет также новой фракцией в Европейском парламенте. Для них старая правая фракция Европейского парламента — Европейская народная партия — недостаточно правая. Новая крайне правая фракция объединит силы Меллонни — Сальвини, Orbana и, возможно, Качиньского — Дуды.

Итак, наш политический опыт в постсоветскую межвоенную эпоху касался как творчества в терминах свободы, так и подчинения. Попытка создать капитализм, дружественный политической свободе, верховенству права и гражданственности, по большому счету провалилась. Биографический анализ успешных постсоветских капиталистов показывает, что они были позднесоветскими социопатами — людьми из Академии наук или из криминального мира, где собирались личности, склонные нарушать советские нормы и правила. Именно им легче всего было принять логики нового капиталистического мира. Советский же человек в постсоветское время очень долго отказывался от своего

прежнего мировоззрения. Цезура 1989–1991 годов, о которой я говорил выше, в наших странах срабатывала с разной скоростью и глубиной. В Балтийских странах — относительно быстро и глубоко. В Украине и Грузии — медленно, но глубоко. А вот Россия...

Российскому опыту цезуры посвящен двухтомник Л. Д. Гудкова, о котором я уже говорил. Гудков показывает, как всплеск надежды на постсоветского человека сменился разочарованием живучестью советского. Надежды на постсоветского человека в России не оправдались. Все больше и больше советского проявляется в постсоветском человеке в России...

Строительство постсоветского капитализма было сопряжено и с новым социальным опытом — опытом жизни в богатстве или бедности. В книге по истории современной Украины, о которой я упоминал в самом начале доклада, есть глава о том, как украинцы учились быть бедными или богатыми и принимать социально-экономическое неравенство как «естественное состояние». Постсоветская бедность — это новый опыт неравенства возможностей и сужения выбора, который во многом подталкивал к поддержке автократизации. Возможно, именно отсюда проистекает крен автократов в социальный консерватизм с его заботой об определенном доходе домохозяйств. Ну и отсюда же общественный автократический договор: стабильный доход в обмен на свободу.

Позднесоветские поколения не были готовы к бедности. С одной стороны, 90-е годы для меня лично — это счастливые времена. Но для моих родителей и их ровесников — трагичные. Цезура прервала их карьерный рост, изменила социальные траектории, уничтожила доходы. Наша семья из среднего класса перешла в бедный, учителя из среднего класса перешли в класс бедняков.

Эти структурные изменения вели к постсоветской, очень несправедливой политической экономии, заставляя многие социальные группы либо отказываться от участия в политике, либо принимать в ней участие «на стороне тьмы», на стороне автократии.

Бедность склоняла к отказу от гражданственности в пользу подданничества. А если есть подданные, то должен быть и суверен. И эти суверены начинают возникать уже в 90-е годы в Средней Азии и Беларуси. Забавно, что «прорабы перестройки» — молодые партийные бюрократы-горбачевцы в Средней Азии — стали первыми тиранами в своем регионе. Люди, боровшиеся с номенклатурой и коррупцией в 1980-е, после 1991 года приватизировали власть и даже запустили династические процессы.

Еще одно изобретение постсоветских автократий — политическая роль малых войн. Война отменяет гражданственное пространство мира и повышает спрос на стабильность и безопасность. Сильные потрясения, гражданские войны, а потом и международные войны создавали

запрос на стабильность и безопасность. В состоянии войны речь идет о выживании, а не о правах. И раз есть спрос на выживание и бесправную стабильность, значит, будет и предложение со стороны автократов. Спрос и предложение в данном случае работают не в пользу демократии.

Постсоветские государства были устроены с набором системных противоречий, обеспечивавших неравенство, враждебность к соседям и нестабильность. Эта нестабильность, пожалуй, была рукотворной и намеренной. Та часть правительства, которая отвечает за права, поддержку жизни и социального благополучия, была слабой. Парламенты развивались так, чтобы роль коррупции в них была велика, а доверие в обществе — минимально. Социальный капитал должен был работать на автократов.

Постсоветское автократическое творчество связано с построением нестабильных государств, основанных на давней традиции неразличения

Постсоветские государства были устроены с набором системных противоречий, обеспечивавших неравенство, враждебность к соседям и нестабильность

публичной и приватной сфер. Для обеспечения политической стабильности нужны были кланы — неформальные организации, чья эффективность восполняет неэффективность государства.

И постсоветские кланы, в отличие от госорганов, учились на кризисах. Клановая система росла, постоянно учась. Например, украинские олигархические кланы учились

на первом политическом кризисе 1993 года, после которого они сумели подчинить себе процессы приватизации. К концу 1990-х они создали спрос на президентов как «честных брокеров» в отношениях между кланами и на президентские администрации как вершину властной пирамиды, управляющей формальными госорганами, и неформальными сетями, и спецслужбами. К началу 2000-х все чаще воспроизводится, но уже на новом этапе, опыт советского подданства. С одной стороны, работают демократические институты, продвигающие гражданственность, а с другой — формальные и неформальные группы, которые поддерживают подданство (системы образования, например).

Подданство, ориентированное на стабильность, воспринимает гражданственность как некое бремя — это же нужно в чем-то участвовать, двигаться, рисковать. А тут можно спокойно и стабильно жить. Хороший «отец нации» обеспечивает доход: из газопровода «капают» на всех. И вот у нас появляется постсоветский опыт бегства от свободы... Нам нужно ждать своего Эриха Фромма, который опишет этот опыт. А ведь этот опыт заметен, ощутим. Фактически все постсоветское время мы

находимся между попытками строить республики и «тешить Левиафана». «Левиафанские структуры» деполитизированного государства становились все сильнее, и в результате возникает государство, которое строит общество.

1 марта 2022 г. у нас вышла книга, которая называется «Изобретая большинство»⁶. В нескольких ее главах мы рассматривали идеологию суверенизма — в форме путинизма, трампизма и в других формах. Эта идеология — особый консерватизм, который легитимирует исключительное право правящей группы определять, кто есть большинство, то есть некая традиционная сущность, лежащая в основе государства и всего порядка. Государства создавали большинства с идентичностью, которая приобретала особые права, а все остальные группы маргинализировались.

Подданство, ориентированное на стабильность, воспринимает гражданственность как некое бремя — это же нужно в чем-то участвовать, двигаться, фисковать

Особое творчество проявляли при этом постсоветские пенитенциарные системы и карательные органы. Институты — наследники НКВД, получив контроль над ресурсами, оказали огромное влияние на развитие постсоветских стран. Их творчество еще только предстоит изучать, особенно в сравнительной, не только российской перспективе.

Потенциал карательных органов, например, оказался сверхэффективен в Беларуси 2020 года. Творческий потенциал протестующих схлестнулся с авторитарным творчеством Межведомственного комитета. В январе 2022 года то же самое происходило и в Казахстане.

Своеобразное творчество связано с жизнью постсоветского негражданского общества. Раз есть подданные, существующие в современном обществе потребления, значит, оно по-своему как-то структурируется. У него особая религиозная жизнь, особая жизнь местных общин. Примером может служить современная Чечня, пережившая две войны и глубокое подданничество последних четырнадцати лет. Или аннексированный Крым, за восемь лет ставший самым верноподданным регионом России. Крымчане сегодня — уникальное сообщество, в котором очень быстро отказываются от ставшей в украинские времена привычной практики свободы — полиархии — плюрализма — безалаберности. Они стали специфично упорядоченным, несвободным сообществом.

И коррупция — важнейшая часть постсоветской истории, когда все происходит в рамках диалектики дара и взятки. Взятка — это подтверждение верноподданнического статуса: «Я участвую в дарении, в любой из ролей, и это подтверждает мой статус в обществе». То есть

⁶ Minakov M. (ed.). *Inventing Majorities. Ideological Creativity in Post-Soviet Societies*. Stuttgart, 2022.

Тимофей Радя. Сушка. 2016

пребывание в коррупции — даже если ты не «в доле», но «в теме» — делает тебя важной фигурой. Ты — в структурах общества, ты — его часть. Но при этом достоинство и добрая воля принципиально неприемлемы в такой ситуации.

В постсоветские времена «творческая жилка» наших народов привела к возникновению практик и институций управления, где власть деполитизируется и становится все больше административной и контролирующей в дегуманизированной и внеправовой системе. И тогда возникают не только президентские администрации и властные пирамиды, но и общий эффект *bad governance* — «недостойного правления», как переводит это выражение Владимир Гельман⁷. Вместе с другими аспектами автократического политического творчества коррупция создает государство, политическую систему и политическую культуру, где достоинство гражданина принципиально выносится за пределы отношений подданного и начальника.

⁷ Гельман В. Недостойное правление. Политика в современной России. СПб.: Изд-во ЕУ, 2019.

В системах, построенных на коррупции, возникают способы ухода от ущерба со стороны начальников системы. Это автономизация сообществ или атомизация индивидов. Симон Кордонский писал об этом в начале XXI века⁸. Но он описывал только ситуацию в России. Если же посмотреть на постсоветское пространство в целом, то можно увидеть автономизацию и атомизацию и в «федерациях», и в «унитарных государствах». Везде местные сообщества имеют тенденцию «закраться», защитить себя и свое достоинство, свой интерес с помощью неформальных иерархий, а не публично-правовых структур.

Постсоветское автократическое творчество проявило человека в целом, его склонность

к «унтерсубъективности» (подданничеству) и отказу от человеческого достоинства в пользу весьма условной защищенности. Речь об эффекте «злой разумности», злой предусмотрительности автократии. Режимы, подобные путинскому, лукашенковскому или алиевскому, построены не только на реакции; их эффективность зиждется на предусмотрительности, превентивности, делающей протесты неэффективными. Их злая разумность создает такие механизмы и институты, которые, не позволяя протесту по-настоящему начаться, лишь симулируют его, но так или иначе оказывается, что привычная модель автократий, создающих «снежный ком» ошибок и подрывающих свою эффективность и легитимность, срывает все реже.

* * *

Подводя итоги и глядя из цезуры 2022 года, отмечу: в постсоветское межвоенье злой разум автократии показал себя более эффективно, чем добрая воля демократии. Поэтому нам нужно продолжать изучать постсоветский опыт, чтобы понять, в чем мы, люди доброй воли и свободы, были успешны, а где допустили ошибки. Мы должны быть готовы к деавторитаризации наших стран. Нужно готовиться к будущей реконструкции, к судебному наказанию военных и политических преступников, к построению справедливого мира и общеевропейского пространства взаимного сотрудничества.

*В постсоветские времена
«творческая жилка» наших народов
привела к возникновению практик и
институций управления, где власть
деполитизируется и становится
все больше административной
и контролирующей в
дегуманизированной
и внеправовой системе*

⁸ Кордонский С. Россия. Поместная федерация. М.: Европа, 2010.

16 сентября 2022 года Россия окончательно перестала являться стороной Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод — международного договора, заключенного между государствами — членами Совета Европы и гарантирующего соблюдение основных гражданских и политических прав своим гражданам. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию в 1998 году и с тех пор находилась под юрисдикцией Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Это давало возможность россиянам жаловаться в ЕСПЧ на нарушение государством декларируемых Конвенцией прав.

После исключения Российской Федерации из Совета Европы, с 16 марта 2022 года, российские власти денонсировали Европейскую конвенцию и отказались исполнять все решения ЕСПЧ, вступившие в законную силу после 15 марта 2022 года. Но Комитет министров Совета Европы, рассмотрев правовые последствия исключения России, принял резолюцию, в которой постановил принимать к рассмотрению любую жалобу в отношении России на нарушения, имевшие место до 16 сентября 2022 года.

Что будет с правами человека в России после выхода из Европейской конвенции, где искать защиты против произвола властей, есть ли еще какие-то международные механизмы, кроме ЕСПЧ, доступные для граждан России, — с этими и другими аналогичными вопросами «Власть» обратилась к адвокату и правозащитнику Каринне Москаленко. Пожалуй, Каринна Акоповна — самый компетентный в России юрист в области международной защиты прав человека: не случайно она была первым российским адвокатом, выступившим в Европейском суде в Страсбурге.

Римма Поляк,
журналист

**Каринна Москаленко:
«Самые типичные нарушения
прав россиян —
это бесчеловечное обращение
и несправедливый суд»***

— Большинство людей, и я в их числе, воспринимали ЕСПЧ как последнюю инстанцию, в которой можно было добиться справедливости, но куда было сложно подать документы и потом нужно было очень долго ждать результата (а теперь мы в России и вовсе лишены возможности дождаться справедливости в суде). И все же, пусть и постфактум, хотелось бы понять, в чем суть ЕСПЧ, что он значил для России и что мы потеряли 16 сентября 2022 года?

— Да, не все жалобы в ЕСПЧ можно было составить самому, потому что некоторые составы нарушений

* Republic. 23 сентября 2022 г.

сложно сформулировать незнающему человеку. Ну, например, люди говорили, что они очень плохо живут, и значит, это нарушение права на жизнь. То есть существовало несколько таких словесных «ловушек», как «право на жизнь», «право на защиту от пыток», которые могли людей ввести в заблуждение. На самом деле, когда есть реальное нарушение Конвенции, составить жалобу нетрудно. И многие люди сами обращались в Европейский суд и выигрывали дела без всякой помощи адвокатов. В более сложных случаях, конечно, нужна помощь адвокатов. Вообще, есть дела, по которым мы весьма серьезно готовимся, потому что в них очень спорные позиции.

Большинство типичных нарушений прав россиян – это право на защиту от бесчеловечного обращения

Конечно, это бывает долго и дорого. Российский суд сам по себе долгов и дорог. А в ЕСПЧ жалобу можно было подать только после исчерпания средств правовой защиты и еще в течение четырех месяцев после завершения рассмотрения дела в последней инстанции своего государства.

Большинство типичных нарушений прав россиян — это право на защиту от бесчеловечного обращения. Некоторых пугало слово «пытки»: меня же не пытали. Да, не пытали, но медицинской помощи не оказывали, например, когда человек со сломанным позвоночником должен был выполнять режимные мероприятия. То есть мало того, что вам там сломали позвоночник, так еще и заставляли выполнять режимные мероприятия, притом что я, пережив перелом позвоночника, хорошо понимаю, что в такой ситуации даже двигаться невыносимо больно, не говоря уже о том, что опасно. Понимаете, такое обращение можно приравнять к пыткам, и уж точно это является бесчеловечным обращением.

Или, например, экологическая обстановка возле химического предприятия делает невозможной нормальную жизнь вокруг. Но это не нарушение права на жизнь, как многие думают, которое регулируется статьей 2 Конвенции, тут чаще всего речь идет о качестве жизни, то есть о нарушениях личных прав, которые гарантируются статьей 8 Конвенции. Вот такие тонкости и сложности, которые могли быть. Кроме того, много жалоб было подано самими заявителями, и они имели успех.

Как я уже сказала, самые типичные нарушения прав россиян — это бесчеловечное обращение и несправедливый суд (статья 6 Конвенции) и по уголовным, и по гражданским делам, когда не обеспечивается равенство сторон и справедливое судебное разбирательство. По уголовным делам очень часто — это статья 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность», когда человека держат под стражей без законных оснований. Сейчас уже многие знают, что статья 5 Конвенции защищает задержанного, арестованного, по каким бы основаниям он ни содержался под стражей, если допущено нарушение его прав, если

задержание и содержание под стражей необоснованно и незаконно. По 5-й статье было много жалоб из мест лишения свободы, там быстро-быстро распространялась эта азбука правовой грамотности, и люди вполне успешно подавали жалобы самостоятельно.

Поэтому, поверьте мне, очень много жалоб, которые пришли, что называется, «самоходом», и они не стоили заявителям ни копейки, только стоимость пересылки документов.

Но иногда жалобы бывают очень сложные. Последние годы мы писали только сложные, усложненные или чрезвычайно сложные жалобы. И тогда уже может быть определенный гонорар адвокату. Но по многим жалобам, где речь шла об основных свободах, о свободе слова, мы

С 1994 года мы представляли интересы заявителей перед Комитетом по правам человека при ООН

писали обращения бесплатно, потому что мы все-таки правозащитная организация. Мы — это Центр содействия международной защите. Наша организация существует с 1994 года, она одна из старейших правозащитных организаций в России, и каким-то чудом мы не признаны «иностранными агентами». С нами старались не связываться, после нескольких очень

серьезных наездов и решений Европейского суда нас оставили в покое, и мы эффективно работали. Но сегодня неприкасаемых нет, поэтому нас могут признать «иноагентами» в любой момент.

С 1994 года мы представляли интересы заявителей перед Комитетом по правам человека при ООН, о котором мы как раз с вами поговорим, ведь сейчас, когда Европейский суд стал для нас недоступен, остается Комитет по правам человека при ООН. А потом, начиная с 1998 года, мы, конечно, большинство жалоб подавали в Европейский суд, потому что он является реальным международным судом. Комитет по правам человека — это все же квазисудебный орган, в нем собираются самые опытнейшие судьи со всего мира, чтобы рассмотреть жалобы только в письменном виде, без судебного заседания. В Европейском суде тоже большинство дел рассматривается по документам, но все дела Большой палаты рассматриваются только лично.

Но теперь, после 16 сентября 2022 года (а по мнению российских властей, и раньше, с 15 марта 2022 года), эта юрисдикция для нас недоступна. То есть все нарушения прав граждан России, которые будут происходить после 16 сентября 2022 года, вне юрисдикции Европейского суда. Но я хочу подчеркнуть, что если нарушения были совершены российскими органами власти до 16 сентября 2022 года, они должны быть предметом рассмотрения Европейского суда. Такова позиция самого Европейского суда, очень скрупулезно рассмотревшего этот вопрос, в точном соответствии со статьей 58 Конвенции, в соответствии

со своими обязательствами поддерживать международное правосудие и в соответствии с российскими обязательствами. И конечно, те примерно 18 тысяч жалоб, которые были приняты и зарегистрированы до 16 сентября, но еще не были рассмотрены Европейским судом, тоже будут рассмотрены. С моей точки зрения, Европейский суд осознал свою моральную ответственность за ситуацию с правами человека в России.

Конечно, есть много однотипных дел, которые можно рассматривать в коллективной жалобе, объединив их по одному общему нарушению. Это так называемые «табличные» дела. В соответствии с прочно установившимся в ЕСПЧ прецедентным правом эти решения выносятся достаточно быстро по сравнению с обычными делами. С такими делами у юристов много технической работы, но в смысле нарушений уже есть установившаяся практика Европейского суда. Для россиян, ставших заложниками в своей стране, на мой взгляд, это очень важно. Возьмите хотя бы дела с организациями, признанными иностранными агентами, это же одно из принципиальнейших дел.

Поэтому мы продолжаем подавать жалобы и после 16 сентября, сейчас у нас в центре готовятся три новые жалобы.

— *Это прекрасно, что ЕСПЧ продолжает рассматривать дела по фактам нарушений, произошедших до 16 сентября, но будет ли Россия выполнять эти решения после того, как она вышла из Конвенции по правам человека?*

— Это очень важный вопрос. Бывало и раньше, когда Россия не выполняла решения ЕСПЧ. В этом смысле ситуация изменилась серьезно, но не тотально. Что изменится серьезно, так это то, что российские власти, надо отдать им должное, всегда выплачивали компенсации. Говоря «всегда», я сознательно избегаю единственного дела, по которому были назначены очень большие выплаты, почти два миллиарда евро, которые Россия отказалась производить. Это дело ЮКОСа. Я сознательно вывожу это дело за скобки из-за его исключительности. Но по обычным делам Российская Федерация назначенные ей компенсации выплачивала.

Конечно, теперь заявители лишатся этих выплат. Для многих это важно. Но все-таки Европейский суд — это суд не для денег. Суд этот для восстановления справедливости, для того, чтобы власти, кроме выплаты компенсации, обязательно признали нарушенное право. Если его не признают, заявители ходатайствуют о передаче дела в Большую палату. Большая палата рассматривает дела вовсе не для того, чтобы отменять или пересматривать вынесенное решение, а для того, чтобы вопросы права были реализованы. 17 судей Европейского суда собираются, чтобы более глубоко рассмотреть дело о нарушении прав. Бывало, что Российская Федерация, не признавая решение ЕСПЧ, сама обращалась в Большую палату. Наш центр принимал участие в рассмотрении одного

из дел Навального по статье 18 Конвенции — это особенная статья, которая касается не нарушения конкретного права, а ненадлежащих целей ограничения прав, которые всегда идут в совокупности с другими статьями Конвенции. Это цели, противоречащие Конвенции и национальным правовым институтам. Все государства, подписавшие Конвенцию, ратифицировали статью 18.

К чему я это говорю? Европейский суд — это суд справедливости. Частые ошибки при обращении в ЕСПЧ связаны с тем, что заявитель полагает, что ЕСПЧ может пересмотреть вынесенное решение по его делу. Но это не так. Приговор на заседании Европейского суда не разбирается. При этом признание человека жертвой несправедливого судебного разбирательства — это очень важный факт. Но в то же время, если ЕСПЧ признавал, что была нарушена статья 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство), то Российская Федерация была обязана, согласно статьям 415 и 418 УК РФ, пересмотреть дело. И председатель Верховного суда РФ господин Лебедев — много было таких случаев — выносил представления Президиума Верховного суда РФ о пересмотре дела. Это было очень серьезным фактором для восстановления прав заявителей. Теперь таких последствий уже не будет.

Люди по-разному реагируют на эту ситуацию. Одни говорят, что если приговор не отменят и компенсацию выплачивать не будут, а для человека, который находится под властью пенитенциарной системы, обращение в ЕСПЧ может иметь и опасные последствия, то теперь не имеет смысла подавать жалобу в ЕСПЧ. И некоторые отказываются от своих жалоб. Например, совсем недавно заявитель, которому оставалось только дослать один документ для заседания Европейского суда, отказался от своей жалобы, передав через сына (сам он находится в колонии), что считает это неактуальным. А другой, уже будучи на свободе, отказался от своей жалобы, не объясняя причин. Но другие, наоборот, упорно проверяют, могут ли они еще обратиться в Европейский суд, несмотря на то, что Россия вышла из-под его юрисдикции. Есть люди, которые настойчиво просят нас заниматься их делами до конца. И теми, которые уже были коммуницированы, и теми, которые еще не были коммуницированы, и теми жалобами, которые сейчас только готовятся для подачи в ЕСПЧ. И мы считаем, что это важно — продолжать представлять интересы этих людей в их стремлении добиться справедливости.

— *Скорее всего, это принесет только моральное удовлетворение, потому что решения по этим делам исполняться Россией не будут.*

— Понимаете, когда человека обвиняют в корыстном преступлении, а он демонстрирует, что не виновен, моральное удовлетворение очень важно. Оно имеет огромное значение. Или, например, если человек сидит 24 года как террорист, а Европейский суд признает, что он не террорист, а

Тимофей Радя. «Огонь должен жечь». Перформанс. 2020

жертва несправедливого судебного разбирательства, для него это очень важно. И даже сотрудники ФСИН улавливают эту разницу. Это очень важный момент. И в то же время это имеет и практическое значение. Мой доверитель в 24 года оказался в тюрьме в отсутствие какого-либо состава преступления, и его приговорили к 24 годам. Но у него есть все основания надеяться, что решение ЕСПЧ или Комитета по правам человека ООН (в зависимости от того, куда мы обратимся) будет иметь для его судьбы серьезное значение рано или поздно. Лучше, конечно, рано, чем поздно.

Ведь Навальный тоже сидит, хотя Европейский суд признал нарушение его прав не только по статье 6, но и в том, что он подвергся уголовному наказанию, не совершив никакого преступления. То есть в его случае Верховному суду РФ даже не надо было отправлять его дело на новое рассмотрение, потому что там нет состава преступления. Его должны были освободить.

По многим нерезонансным делам российские власти спокойно исполняли решение ЕСПЧ, но по некоторым громким делам они не то чтобы отказывались их исполнять (они не присылали ноту о том, что отказываются исполнить решение ЕСПЧ), а бесконечно переносили заседания ВС РФ, делая вид, что какая-то работа ведется, то есть просто затягивали дело, видимо, надеясь, что в итоге выполнять решение не придется.

Моральное удовлетворение имеет огромное значение. Я считаю, что международное право — это, конечно, не абсолют. Международное право существует в разных областях, в том числе в коммерческих и личных. Но есть публичное международное право, и это серьезная отрасль правового поля государства. Государство должно демонстрировать, что оно его признает и старается исполнять, иначе оно перестает быть правовым государством, оно теряет свое доброе имя и свой позитивный имидж и может превратиться в изгоя, и этот ярлык приклеивается надолго. Поэтому каждое государство стремится этого избежать.

Единственный действенный инструмент, который появился совсем недавно в соответствии с протоколом 14, заключается в том, что если государство последовательно демонстрирует свое нежелание исполнять решения Европейского суда, то есть такая форма, вынесение резолюции Совета министров ЕС о неисполнении (статья 46), согласно которой это государство ждут очень неприятные последствия. Какие именно,

Сегодняшние российские политики не видят необходимости выполнять международные обязательства, а завтрашние могут считать по-другому

никто вам сейчас сказать не может, потому что единственное государство, которое упорно не исполняло решение ЕСПЧ и в отношении которого Советом министров ЕС была вынесена резолюция о неисполнении, — это Азербайджан. Однако он сам выполнил решение, не дожидаясь последствий резолюции, и освободил человека, которого ранее отказывался освобождать, несмотря на решение ЕСПЧ. То есть эта

резолюция является действенным механизмом, заставляющим выполнять решения Европейского суда. Такую же резолюцию начали готовить и в отношении Российской Федерации.

— Но теперь, после выхода Российской Федерации из-под юрисдикции ЕСПЧ, видимо, в отношении нее этот механизм работать не будет? Никакого способа воздействовать на российскую власть у ЕСПЧ не осталось?

— Ну почему? Мы же не знаем, что будет дальше. Мы не знаем, как Россия будет строить свою правовую политику. Бывает смена парадигмы. И завтра, чтобы Россия могла стать частью Совета Европы, ей придется исполнить решения, вынесенные Советом министров ЕС.

— Получается, что после 16 сентября все решения ЕСПЧ по России будут иметь отложенное действие, они начнут исполняться только тогда, когда в России изменится политическая ситуация?

— Конечно, пересмотры приговоров могут быть только по великому соизволению судебных органов Российской Федерации. Но мы по-прежнему продолжаем бороться за права осужденных, несправедливо

осужденных. Конечно, адвокаты, которые занимаются международным правом, они, как вы говорите, работают на будущее. Сегодняшние российские политики не видят необходимости выполнять международные обязательства, а завтрашние могут считать по-другому. При этом очень важно, что юридическое суждение по соблюдению права на справедливый суд будет вынесено.

— Кроме ЕСПЧ, есть какие-то международные механизмы, которые могут помочь несправедливо осужденным в России? Осталась ли у нас какая-то возможность защитить свои погрязшие права?

— Россия денонсировала не все международные конвенции. Она денонсировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, но Конвенция против пыток действует. Основные органы по защите прав человека, конечно, сейчас перебазировались в ООН. Вот я завтра уезжаю в Женеву [интервью состоялось 20 сентября 2022 г.] и буду там в очередной раз рассказывать о том, как готовить документы и юристов для подачи заявлений в Комитет по правам человека ООН.

Но КПЧ не хватит на все страны, входящие в ООН, если Россия туда ворвется всем своим потоком дел. И на этот случай есть также целый ряд спецпроцедур ООН. Вот, например, когда президента Адвокатской палаты Удмуртии арестовали за выражение своего мнения, мы подготовили экстренную жалобу в Рабочую группу по произвольным задержаниям.

То есть, кроме Комитета по правам человека ООН как квазисудебного органа, рассматривающего и выносящего решения, есть спецпроцедуры ООН, которые работают по аналогичным или только по экстренным обращениям, например, спецпроцедуры по бессудным казням, по недобровольным исчезновениям, по произвольным задержаниям; есть также Рабочая группа по защите юристов и правозащитников — и все эти спецпроцедуры работают. Обращение туда составляется прямо на сайте ООН, там есть формуляр, который заполняется. Все это сейчас достаточно сильно систематизировано.

Мы уже сигнализировали в ООН, что поток жалоб со стороны граждан России значительно увеличится. Раньше мы подавали незначительное число жалоб в ООН. В практике Европейского суда срок подачи заявления был шесть месяцев после исчерпания права на защиту в своей стране, а затем он сократился до четырех месяцев. Не все успевали за такой срок подать жалобу в ЕСПЧ, и те, кто пропускал срок, обращались в Комитет по правам человека ООН. Конечно, эффективность работы ЕСПЧ намного выше, но и в ООН сейчас существует механизм контроля за исполнением решений.

Но не следует путать КПЧ ООН и СПЧ ООН. СПЧ — Совет по правам человека — приостановил членство Российской Федерации, что очень печально, так как это весьма эффективная правозащитная организация.

— *Сейчас в Женеве как раз проходит Совет по правам человека ООН. Вы едете именно туда?*

— Да. Я еду туда по целому ряду вопросов, но основная цель моей поездки — принять участие в 51-й сессии СПЧ по вопросам нарушения прав человека в Беларуси. Я являюсь главой экспертной группы при Верховном комиссаре ООН по ситуации в Беларуси после выборов в 2020 году. И как глава экспертной группы я принимаю участие в выработке позиции Верховного комиссара ООН по этому вопросу. Мы работали с Мишель Бачелет, сейчас будет новый комиссар — Фолькер Тюрк, и мы будем с ним знакомиться, обсуждать ситуацию в Беларуси, поэтому эта встреча необходима. Кроме того, будет озвучен публичный промежуточный доклад нашей миссии по Беларуси и будет решаться вопрос о продлении нашего мандата еще на один год. Также у меня будет много других важных встреч, в том числе с Международной комиссией юристов, с которой я последний год очень активно работаю. А еще нашу миссию переводят из Женевы в Вену, куда я затем поеду и где мы продолжим работу по нашему мандату по Беларуси.

— *А на Совете по правам человека вы будете обсуждать какие-то вопросы по России?*

— Я ничего определенного сказать вам сейчас не могу. Безусловно, российские проблемы для меня самые главные, самые важные, поэтому, разумеется, все свои знания, весь свой опыт по работе с нарушениями прав человека я буду рада применить как адвокат для решения этих проблем.

— *Как вы думаете, на этой сессии в Женеве СПЧ сумеет найти какой-то способ компенсировать гражданам России последствия выхода РФ из Европейской конвенции и из-под юрисдикции ЕСПЧ?*

— Дело в том, что ЕСПЧ — это региональный орган, а ООН — всемирный. Поэтому ООН всегда рассматривает вопросы России на своих сессиях независимо от ЕСПЧ.

Применительно к ЕСПЧ я считаю очень важным заявление Генерального секретаря Совета Европы, в котором она подчеркнула, что российские проблемы остаются проблемами Европы и что не будут забыты ни гражданское общество России, ни те, кто страдает от нарушений прав человека. Именно в этом выступлении она заявила, что ЕСПЧ продолжит рассматривать жалобы граждан России и будет выполнять свою часть работы в интересах правосудия. Это было очень важно.

В ООН, конечно, будет обсуждаться ситуация в России. Российские правозащитные организации инициировали создание спецпроцедуры по России. Я надеюсь, что до конца месяца в этой связи произойдут некоторые важные события, к которым я имею отношение. Сейчас, я считаю, еще рано об этом говорить, но когда они произойдут, я обязательно вам про них расскажу.

— Я очень надеюсь, что мы с вами вернемся к этому разговору, потому что это крайне важно.

— Российская тема, конечно, будет подниматься в разных ракурсах на текущей сессии ООН. Но какие будут приняты решения, мы с вами поговорим после окончания сессии [51-я сессия ООН в Женеве длилась до 7 октября 2022 года].

— Каринна, напоследок я хочу вам задать вопрос, который стоит немного в стороне от нашего сегодняшнего разговора. Вы как юрист-международник, как адвокат с большим стажем и опытом работы, как вы считаете, преступления, которые совершаются сейчас на наших глазах, дойдут до Страсбурга, до Гааги, будет трибунал по тем событиям, которые мы сейчас переживаем, или нет?

— Я вам так скажу: если бы вы меня спросили, заслуживают ли эти деяния оценки со стороны международных судов, я бы вам ответила «да». Эти деяния заслуживают внимательного изучения и решения международных судов. А будут ли? Знаете, это очень трудный вопрос. То, о чем вы спрашиваете, относится одновременно и к тематике суда по правам человека, и суда уголовного. В фокусе этих двух разных судов находятся вопросы, касающиеся и прав человека, и международного гуманитарного права, и международного уголовного права. Это, конечно, разные области права. Но то, что происходит сейчас в Украине, — это нарушение и того, и другого. Иногда в некоторых делах Европейский суд не рассматривает вопросы, относящиеся к международному гуманитарному и международному уголовному праву, так как для этого существуют свои суды. Но в то же время сейчас нарушаются права человека, и на второй день «специальной военной операции», 25 февраля 2022 года, были поданы первые жалобы группы заявителей в Европейский суд по правам человека о нарушении прав украинских граждан, которые страдали от бомбежек, от необходимости с детьми, родственниками, домашними животными сутками проводить время в подземельях, которые тоже особо не защищали их от бомбежек; они вынуждены были покидать свое место жительства, возвращаться, снова уезжать. В общем, все, что они претерпевали, даже не будучи лишены жизни, все это, по нашему глубокому убеждению, подпадает под ту область права, которой я занимаюсь, — международное право в области защиты прав человека.

У нас многонациональная команда адвокатов, и мы считали своим долгом эту жалобу подать, как только к нам обратились заявители. Эта жалоба была коммуницирована, по ней были приняты экстренные меры, она находится на рассмотрении в Европейском суде и соединена с межгосударственной жалобой (это тоже очень интересный юридический казус). Мы держим связь с нашими заявителями, мы внимательно отслеживаем их судьбу, пересылаем время от времени в ЕСПЧ продолжение этой жалобы и обновления по фактам. И эта жалоба обязательно будет рассмотрена Европейским судом.

А вот то, о чем вы спрашиваете — будет ли в Гааге рассмотрено это дело, — скажем так: на сегодняшний день в Российской Федерации юрисдикция этого суда не признается. Есть разные идеи создания спецсуда, спецтрибунала, даже без признания юрисдикции, для правовой оценки событий специалистами в этих отраслях права. Но предсказать будущее невозможно, даже эти специалисты не могут этого сделать. Заслуживают ли эти события рассмотрения в международном трибунале? Да, безусловно.

Есть еще такая форма, как общественный трибунал. Сегодня в Страсбурге в рамках общественного трибунала проходят заключительные слушания по убийствам ваших коллег-журналистов, Анны Политковской и других наших друзей, убитых самым варварским образом.

Получится ли такой общественный международный трибунал по теперешним событиям, я не берусь прогнозировать. А вот что касается ЕСПЧ, я надеюсь, что поданная нами жалоба будет признана приемлемой, по ней, собственно, уже были запрошены российские власти, и они даже успели прислать ответ.

— *И что же они ответили?*

— Я не могу это оглашать. Но я думаю, что все это станет предметом публичного судебного разбирательства в Страсбурге.

Михаил Горбачев: «Ядерное оружие спасло мир» — это опасный миф в опасном мире*

Джордж Шульц, Уильям Перри и Сэм Нанн опубликовали в газете *The Wall Street Journal* статью, которая начинается с сурового предостережения: «США, их союзников и Россию поразил опасный политический паралич, который — будь то по ошибке или недосмотру — может привести к военной конфронтации и даже применению ядерного оружия впервые за 74 года его существования». Налицо непосредственная угроза «ядерного противостояния, еще более опасного, дезориентирующего и экономически затратного, чем холодная война».

Патриархи американской политики знают, о чем говорят. На протяжении нескольких десятилетий они находились в гуще событий, связанных с проблемами безопасности и ядерного оружия. В 2007 году они вместе с Генри Киссинджером выступили за реальные шаги по направлению к миру без ядерного оружия. Тогда я поддержал их, подчеркнув, что для этого необходима прежде всего демилитаризация мировой политики и политического мышления.

И сегодня я разделяю тревогу авторов статьи. Я также согласен с первоочередными шагами, которые они предлагают. Согласен потому, что неоднократно предлагал сделать именно это: возобновить стратегическое взаимодействие между США и Россией, выделить во всем комплексе российско-американской повестки дня как главный приоритет вопросы предотвращения новой гонки вооружений и дальнейшего сокращения ядерного оружия, а также обеспечения

* Этот текст опубликован одновременно в «Новой газете» и *The Wall Street Journal* 13 мая 2019 г.

стратегической стабильности; подтвердить заявление, сделанное мною и президентом Рональдом Рейганом в 1985 году: в ядерной войне не может быть победителя, она никогда не должна быть развязана.

Недавно стало известно, что в ноябре прошлого года (накануне сорванной впоследствии встречи президентов Трампа и Путина) Россия обратилась к США с предложением подтвердить женевскую констатацию. Я приветствую этот шаг. Не теряю надежду на то, что здравый

смысл возобладает по обе стороны океана и серьезный диалог возобновится.

*Я глубоко убежден,
что ядерное сдерживание
вообще не защищает мир,
а держит его под
постоянной угрозой*

Считаю, что в этом диалоге необходимо рассмотреть не только конкретные вопросы (например, проблему ракет средней дальности, которая обострилась в результате решения США выйти из Договора РСМД, и продление Договора СНВ-3), но

и принципиальные вопросы мира и безопасности, и прежде всего необходимость возобновить движение к миру без ядерного оружия.

Не могу не отметить тот факт, что ветераны американской политики убедительно критикуют концепцию «ядерного сдерживания». «Опирайтесь на ядерное оружие ради сдерживания, — пишут они, — становится тем опаснее и тем менее эффективно, чем больше государств обзаводится ядерным оружием. США и другим ядерным государствам еще предстоит предпринять решительные шаги по направлению к безъядерному миру — пока же угроза только нарастает. Сдерживание не защитит мир от ядерной ошибки или ядерного терроризма. А и то и другое становится все более вероятным, если между Вашингтоном и Москвой отсутствует прочный и содержательный диалог».

Скажу больше: я глубоко убежден, что ядерное сдерживание вообще не защищает мир, а держит его под постоянной угрозой.

Вспоминаю свои горячие дискуссии на этот счет с Маргарет Тэтчер. Мы с ней о многом спорили, нередко находили общий язык, но по вопросу о ядерном оружии она, что называется, стояла насмерть. Именно ядерное оружие, утверждала госпожа Тэтчер, обеспечило мир во второй половине XX века. Если бы его не было, разразилась бы Третья мировая война. Я спрашивал ее: «Неужели вам удобно сидеть на бочке с ядерным порохом?» Показывал ей диаграмму, на которой сотнями клеточек были схематически изображены накопленные в мире ядерные арсеналы. Одной такой «клеточки», говорил я, достаточно, чтобы покончить с человеческой цивилизацией, какой мы ее знаем.

Убедить Маргарет Тэтчер мне тогда не удалось. Но мы слышим такие же аргументы и сегодня, в том числе в США и России, где сторонников ядерного оружия, надо это признать, немало. Тем не менее я убежден: обе наши страны вполне в состоянии обеспечить свою безопасность без ядерного оружия, для этого у них достаточно возможностей, ресурсов и

технологий. И это важный, но далеко не единственный аргумент в пользу сокращения и в конечном счете отказа от ядерных арсеналов.

Ядерное оружие подобно ружью, которое висит на стене в пьесе, написанной и поставленной не нами. Мы не знаем замысла драматурга. Ядерное оружие может «выстрелить» случайно, из-за технического сбоя или ошибки — человека или компьютера. Это меня особенно беспокоит.

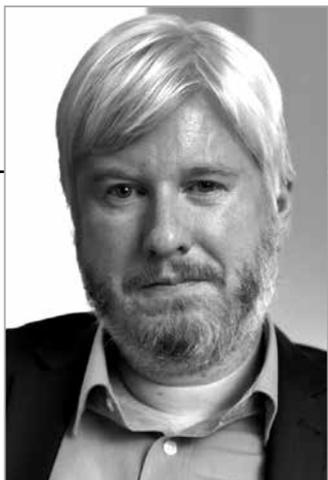
Компьютерные системы сейчас применяются везде. Но сколько примеров — в авиации, в промышленности, в различных системах управления — аварий, связанных с электроникой, с компьютерами. Ядерное оружие может быть применено в ответ на ложную тревогу, а если подлетное время ракет к цели будет сокращаться, то вероятность такого применения будет возрастать.

«Ядерное оружие спасло мир» — это опасный миф в опасном мире. Тем, кто верит в этот миф, хочу напомнить, что по крайней мере один раз в годы холодной войны именно это оружие стало причиной кризиса, который поставил мир на грань войны между ядерными державами. Я имею в виду Карибский кризис в октябре 1962 года.

Опубликованные в последнее время документы показывают, как близко подошел тогда мир к роковой черте. Все буквально висело на волоске. И спасло мир тогда не ядерное оружие, а отрезвление руководителей двух стран — Джона Кеннеди и Никиты Хрущева. Уверен: немало дум передумали они тогда и впоследствии, многое изменили в своих взглядах на ядерное оружие. Во всяком случае, отказались от «похвалы атомной бомбе» в своих речах. И не только это: договорились о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в космосе и под водой — а это не только замедлило совершенствование оружия, но и избавило окружающую среду от отравления смертоносными продуктами атомных взрывов.

Впоследствии шанс на продолжение движения вперед был упущен. Победил не здравый смысл, а военно-промышленный, военно-силовой комплекс.

Остановить запущенный им процесс раскручивания гонки вооружений удалось лишь к концу 1980-х годов. Сегодня, подойдя к опасной черте, Россия и США должны остановиться и одуматься. Поколение ветеранов сказало свое слово. Теперь слово — и дело — за лидерами наших стран.

*Василий Жарков,
кандидат исторических
наук (Вильнюс)*

Центральная и Восточная Европа в XXI веке: историческая перспектива

Исторический регион между Священной Римской империей на Западе и Московским царством на Востоке был некогда объединен Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. В наши дни он представляет собой совокупность стран, отличающихся друг от друга размерами и особенностями политической структуры. Однако прямо сейчас этот регион объединен общим вызовом — угрозой поглощения новой Российской империей. За редким исключением правительства и все без исключения гражданские общества стран региона объединены миссией защиты европейских ценностей свободы, верховенства права и демократии в противовес поднимающемуся с Востока новому самодержавию.

Современные Беларусь, Латвия, Литва, Польша и Украина являются наследницами принципов республиканизма и федерализма, заложенных на их территории федерацией польских, литовских и восточнославянских земель. Чарльз Тилли ошибочно считал Речь Посполитую империей, однако на самом деле Rzeczpospolita в переводе с латыни на польский буквально означает «республика». Ключевое понятие аристократической республики польской, литовской и восточнославянской шляхты — панство — можно также перевести как «общее дело» панов. На протяжении нескольких столетий в эпоху раннего Нового времени это панство противостояло государству — московскому пониманию политической формы организации общества как личной вотчины государя.

В конце XVIII века эта «Федеративная республика Центральной и Восточной Европы» была уничтожена в результате раздела между тремя империями. Восстания поляков, литовцев, белорусов и украинцев

жестоко подавлялись властями Российской империи. Трагедия этих «кровавых земель» (Тимоти Снайдер) с новой чудовищной силой повторилась на протяжении большей части XX века, когда народы региона понесли все тяготы двух мировых войн и на десятилетия оказались в советском рабстве. Однако дух свободы не исчез здесь полностью даже в самые мрачные годы и обрел новое дыхание после падения Берлинской стены и роспуска СССР.

Последние 30 лет страны региона не демонстрировали единства в отношении понимания своего будущего в мире. Польша и страны Балтии вернули себе национальную независимость, восстановили демократические институты и сделали выбор в пользу членства в Европейском союзе и НАТО. Украина прошла

долгий и болезненный путь от заигрывания с советским прошлым к нынешнему решительному повороту в сторону единой Европы. «Колхозный строй» Лукашенко превратил Беларусь в уменьшенную копию брежневского СССР и на фоне утраты легитимности в последнее время балансирует на грани прямой и окончательной московской оккупации.

Несмотря на приведенные различия, есть все основания ожидать, что обрушившееся на Украину новое нашествие с Востока способно объединить и сплотить нации Центральной и Восточной Европы в их борьбе за собственный суверенитет и присущие им ценности свободы (вольности). Своим вторжением в Украину Кремль раз и навсегда закрыл вопрос о своем участии в делах ближайших западных соседей на правах soft power и взаимовыгодного торгового обмена. Россия, какой бы она ни оказалась по итогам этой войны, еще очень долго будет восприниматься не иначе как brutальная и беспощадная угроза своим европейским соседям. Оставляя за скобками будущее Российской Федерации как государственного и территориального образования, куда важнее представляется понять будущее исторических территорий свободы, самоуправления и толерантности в Европе между новой Германией и новой Москвией.

*Россия еще очень долго
будет восприниматься не
иначе как brutальная и
беспощадная угроза своим
европейским соседям*

Свободная и толерантная Европа за пределами гран-тура

Страны Центральной и Восточной Европы иногда называют новой Европой в противоположность Европе старой, куда относятся в первую очередь Франция, Германия и Италия. На их фоне Восточная Европа выглядит не совсем «настоящей». Ведь здесь нет руин Древнего Рима и роскошных виноградников Бордо. Здесь мало богатых и модных мегаполисов, таких как Париж, Милан или Вена. Здесь долгие годы у власти находилась диктатура Советов, поэтому граждане этих стран считаются

советскими и политически менее свободными, чем жители старых демократий Западной Европы. Такое разделение заведомо ставит восточноевропейские народы в положение младшего, подмастерья или бедного родственника.

В своей книге «Изобретая Восточную Европу» американский историк Ларри Вульф дает ясное объяснение снисходительно-пренебрежительному отношению к странам и народам за пределами так называемого «большого путешествия», зародившемуся в эпоху Просвещения. В XVIII веке прусский король Фридрих II говорил своим французским гостям, что Европа заканчивается к востоку от Берлина. Вместо колонизированных и благоустроенных еще во времена Древнего Рима Бургундии, Баварии и Савойи путешественников по пути из Берлина в Санкт-Петербург встречали совсем другие декорации. Римские дороги, виноградники и ветряные мельницы сменялись бескрайними лесами и снегами. Жившие здесь люди представлялись дикарями, не знавшими постельного белья и прочих на тот момент уже привычных атрибутов западноевропейского городского быта. Ощущение дикости усугубляло присутствие «неевропейских народов» — татар, евреев и цыган с их непонятным европейцам обликом и образом жизни. Все это пугало и отвращало благородного англичанина, француза или немца. Правда, наиболее честные из них не могли не заметить добродушия и гостеприимства местных жителей.

Профессор Вульф объясняет столь высокомерное отношение западноевропейских путешественников их скрытым стремлением к подчинению и колонизации земель и народов Восточной Европы. Отсталые и неразвитые могли «догнать» развитый Запад только на условии подчинения «цивилизованному миру». Так ориентализация восточноевропейских стран становилась прологом к их завоеванию и подчинению. Собственно, век Просвещения в этой части Европы закончился разделениями Польши.

Между тем, находясь на значительном удалении от античных центров Европы, именно территории Великого княжества Литовского и Королевства Польского еще в Средние века стали местом зарождения современных европейских ценностей веротерпимости, открытости и добрососедства. Немецкие переселенцы принесли на эти земли правовые нормы «Саксонского зеркала». Это гуманистическое по своей сути право укоренилось и использовалось здесь даже последовательнее и дольше, чем в самой Германии. Таким образом в регионе Центральной и Восточной Европы столетиями сохранялись и действовали принципы самоуправления, общественного контроля над королевской властью и защиты слабых слоев общества.

Будучи заинтересованными в заселении и развитии довольно обширных территорий, местные правители активно привлекали иммигрантов вне зависимости от их языка и вероисповедания. В результате

именно Литва и Польша стали убежищем для многочисленных еврейских общин, изгнанных из Западной Европы. Со времен позднего Средневековья, в частности, на территории современной Литвы проживают армяне, евреи, караимы, русские старообрядцы и татары.

Толерантная атмосфера сложилась здесь задолго до современного состояния умов в странах Западной Европы и в свое время была частично утрачена под воздействием скорее внешних, чем внутренних факторов. Сегодняшние страны Центральной и Восточной Европы имеют свой прочный фундамент свободы, самоуправления и толерантности. Война, диктатура и бесправие привносились сюда извне на основе политики культурного доминирования с Запада или Востока. Собственный культурный бэкграунд восточноевропейских народов не менее располагает к открытости, демократии и прогрессу, нежели в старой Европе.

Имперский фактор

Протестантские общины процветали в Полоцке и других городах Великого княжества Литовского во второй половине XVI века, когда по всей Европе «большого путешествия» уже бушевали ожесточенные религиозные войны. Первый ощутимый удар по протестантизму в Литве был нанесен извне, когда войска московского царя Ивана Грозного устроили в Полоцке резню протестантов и евреев. В дальнейшем, когда Польша и Литва оказались вовлечены в многочисленные и длительные религиозные войны на территории Священной Римской империи, местные правители отказались от прежнего курса веротерпимости. Нарушение прежнего баланса между религиозными группами ослабило «республику» и способствовало ее захвату и расчленению в долгосрочной перспективе. Католики и протестанты, православные и евреи утратили существовавший здесь гражданский мир и были вынуждены покориться соседним империям.

При этом вторжение имперских сил с Востока и Запада не способствовало развитию территорий Центральной и Восточной Европы. Напротив, за этими землями было прочно закреплено положение провинции: с одной стороны, восточных окраин Пруссии и Австрии, с другой — черты оседлости Российской империи. Народы веками тратили свой экономический и человеческий потенциал на благо соседних «великих держав». Одни ехали делать карьеру в Санкт-Петербург и Москву, другие — в Вену, Кенигсберг и Берлин. В результате интеллектуальные элиты империй пополнялись и обогащались за счет выходцев из Вильнюса и Риги, Киева и Одессы, Кракова и Львова. Многие выдающиеся ученые, изобретатели и художники из Беларуси, Литвы и Украины во всем мире определяются как русские, хотя многие из них не имели отношения ни к России, ни к русским и даже не всегда имели право селиться в пределах нынешней Российской Федерации из-за своей этничности или вероисповедания родителей.

Главный ущерб, нанесенный империей, касался политической культуры. Вольность и самоуправление, магдебургское право и университет — все это многократно подвергалось уничтожению и искоренению. Вместо сейма генерал-губернатор, вместо ратуши — столоначальники и урядники. Советская власть была навязана еще более жестоким путем войны, массового террора и голода. При этом литовцы, латыши и эстонцы оставались наименее советскими народами в бывшем СССР.

Главный ущерб, нанесенный империей, касался политической культуры

Поляки даже в коммунистической Польше продолжали ходить в костел, а украинцы избавляются от всего советского прямо сейчас — через боль и страдания.

Последние без малого три столетия стали надежной прививкой от имперской идеи в Центральной и Восточной Европе. На карте мира сегодня трудно найти точку, где гражданские нации пребывали бы в такой же решимости сражаться и побеждать своего врага в лице очередной империи, нависающей над Европой и миром. Именно в этой части земного шара прямо сейчас происходит решающая битва между силами свободы и силами рабства. Эта война еще не закончена, а потому мы не можем ручаться за ее исход. Но если свету суждено победить тьму, это будет сделано руками и умами свободных наций Центральной и Восточной Европы.

План на будущее

Вопрос о формах дальнейшего существования стран Центральной и Восточной Европы решается прямо сейчас. Большинство правительств региона демонстрируют сплоченность и решимость в борьбе с российской агрессией, которая направлена против всех них сразу. При этом западные державы, особенно в старой континентальной Европе, продолжают колебаться ввиду соблазна очередного «геополитического раздела» с Россией ради сохранения собственного благополучия. Сегодня Юрген Хабермас и Ноам Хомский предлагают правительствам западных стран отдать Путину Украину.

Страны Балтии и Польша должны быть готовы к отражению весьма вероятной агрессии с Востока независимо от степени поддержки со стороны их западных союзников. Регион Центральной и Восточной Европы сегодня и на долгосрочную перспективу должен стать фронтиром на пути новых имперских амбиций российской диктатуры.

Война в Украине в силу ее масштабности существенно расширяет географию региона. На севере существует и действует коалиция Польши и стран Балтии. На юге в защиту Украины и Молдовы готовы выступить Румыния и Болгария. В центре располагаются близкие к украинскому Закарпатья Венгрия, Словакия и Чехия. Несмотря на наличие правительств-оппортунистов в регионе (Беларусь, Венгрия), в той или иной степени выступающих коллаборационистами путинского режима, эти

Павел Альтхаммер. Бурлаки. 2012

страны имеют общий экзистенциальный вызов и должны искать на него общий ответ. Совокупная экономическая и военная мощь в сочетании с человеческим капиталом всех перечисленных стран способна не только остановить агрессора, но и заложить фундамент для превращения этого мегарегиона в одну из мировых точек роста.

Политическим условием возможного успеха должна стать особая позиция стран региона внутри единой Европы. Эта позиция должна быть четко антиимперской, исключающей возможность превращения земель и народов Центральной и Восточной Европы в разменную карту в геополитических играх «квартета великих держав». Возвращение к европейским практикам XIX века, о которых говорят Джон Миршаймер и некоторые немецкие политологи, в настоящее время категорически недопустимо. Они не принесут неимперским странам ничего, кроме новых войн и лишений.

В противовес старым европейским империям странам Центральной и Восточной Европы стоит заняться поиском нового формата проекта «Междуморье», предлагавшегося ранее Владиславом Сикорским.

Однако в XXI веке этот проект ни в коем случае не может выглядеть как очередная империя. Скорее, это должен быть кантианский «союз республик», создаваемый на добровольной основе равноправными партнерами в целях сохранения и поддержания свободы и суверенитета каждого из участников. Свой философский проект «К вечному миру» Иммануил Кант символическим образом написал в год третьего раздела Речи Посполитой и впервые опубликовал его в Риге. Возможно, сейчас настал момент, когда идеи кенигсбергского мыслителя будут реализованы здесь, на пространстве Центральной и Восточной Европы.

На пути проекта такой «конфедерации» стоит масса известных препятствий. С одной стороны, в этом вряд ли заинтересованы крупные страны Западной Европы и совсем не заинтересована Россия. С другой стороны, на пути объединения подобного рода всегда выступают (этно)националисты и (полу)авторитарные режимы отдельных стран, рассматриваемых в качестве потенциальных участниц. Возможно, для начала такое объединение должно быть неформальным или организованным в формате расширенной Вишеградской группы в рамках Европейского союза.

Такое объединение ни в коем случае не должно противоречить существующим структурам ЕС и НАТО и тем более способствовать их разрушению.

Оставаясь частью единой Европы, страны региона должны максимально нарастить свой демографический, экономический и военный потенциал, с тем чтобы иметь возможность отстаивать свое право на существование перед лицом огромного, жестокого и коварного восточного соседа.

Важным залогом успеха подобного проекта должно стать следование ценностям и нормам, испокон веков присущим народам Центральной и Восточной Европы. Во-первых, это свобода (вольность) как неотъемлемое право каждого человека. Во-вторых, это самоуправление как главный принцип политического устройства. В-третьих, это многовековая привычка к жизни в условиях необычайной культурной пестроты, изначально предполагавшая толерантность к каждому местному и приезжему. Все эти принципы прекрасно продолжают и развивают стандарты единой Европы, и их защита и укрепление должны стать первоочередной задачей текущего столетия.

Письма, статьи и доклады Томаса Манна 1930–1950-х годов показывают, что наши сегодняшние споры о коллективной вине не уникальны. Все уже было, но даже Нобелевский лауреат не находил выхода из этой моральной ловушки.

Споры о Германии. Ремейк в России*

«Иногда вспоминаешь, что воюешь с Гитлером как-никак дольше, чем Америка», — заметил в 1942 году Томас Манн, одновременно и благодарный Штатам за то, что они его приютили, и слегка обиженный на то, что формально он оказался в статусе *enemy alien*, союзника врага. То есть этническим немцем. А статус этот распространялся на всех немцев, итальянцев, японцев вне зависимости от того, боролись они с нацистским режимом или нет. Отсюда и грустное недоумение Нобелевского лауреата, подписавшегося под письмом, которое направили Франклину Рузвельту антифашисты в эмиграции — от Альберта Эйнштейна до Артуро Тосканини, — призывая провести черту между потенциальными врагами американской демократии и «жертвами и заклятыми врагами фашизма».

Как это все томительно напоминает наши сегодняшние дискуссии по поводу того, заслуживаем ли мы, те, кто имеет российское гражданство, запрета на получение шенгенских виз, и как распознать сторонников режима, его противников и равнодушную массу, которой по большому счету все равно, что происходит в стране и в мире.

Томас Манн — великий писатель и очень умный человек с обостренным нравственным чувством. Но и он, как и мы все сегодня, метался между любовью к Германии и ненавистью к тому режиму, который был установлен в этой стране на двенадцать лет и лишил его родины. Все повторяется, и Манн спорил со своими корреспондентами и даже с самим собой, причем в связи с теми же сюжетами, которые возникают в дискуссиях сегодня.

*Андрей Колесников,
журналист и политолог,
автор книг*

* <https://newtimes.ru/articles/detail/220264>

Отмена культуры и языка

В ноябре 1938-го, уже находясь в Штатах, куда он переехал, приняв приглашение Принстонского университета (точно так же, как сегодня выручают некоторых, но очень немногих *scholars at risk*, «ученых в опасности»), Манн отвечает на письмо профессора германистики одного из американских колледжей Анны Джейкобсон. Ее студентки отказывались изучать культуру и язык страны, которая несла миру человеконенавист-

Как это все томительно напоминает наши сегодняшние дискуссии по поводу того, заслуживаем ли мы, те, кто имеет российское гражданство, запрета на получение шенгенских виз

ническую идеологию и войну. «Америке делает честь, что это отвращение и возмущение здесь так сильны», — начинает ответное письмо писатель. Однако замечает, что отвращение к политическому режиму не следует переносить на немецкую культуру, которая «тут совсем ни при чем».

Манн еще поменяет свою точку зрения, но пока разъясняет: «Не надо же забывать, что большая часть немецкого народа живет в вынужденно немой и мучительной

оппозиции к национал-социалистическому режиму и что ужасные преступления, происшедшие там в последние недели, отнюдь нельзя считать делом рук народа». Антисемитизм — «дело исключительно правящей верхушки». Западноевропейские державы проводили близорукую политику по отношению к национал-социалистическому режиму и развязали ему руки. Немецкая же культура — одна из самых богатых и значительных в мире, и когда немецкий народ «покончит» со своими правителями, которые позорят его, эта культура еще принесет свои плоды. «Ужасы нашей растерянной современности» — не повод отказываться от изучения культуры и языка.

Германия злая и Германия добрая

Итак, режим не следует отождествлять с культурой и языком нации. Но и народ не следует отождествлять с его вождем, установившим специфический режим со специфической идеологией. В 1942 году Томас Манн отказался возглавить кампанию по сбору средств на американский бомбардировщик. Возмездие Германии заслуженное, и он даже стойчески считает справедливыми бомбежки родного Любека, места действия «Будденброков», но не готов лично соучаствовать в военном ответе.

В 1943-м в Библиотеке Конгресса и в Колумбийском университете Манн прочитал доклад «Новый гуманизм», в котором призывал не отождествлять понятия «немецкий» и «нацистский»: «Не Германию и не немецкий народ надо уничтожить и стерилизовать, а уничтожить надо отягощенную виной комбинацию власти юнкерства, военщины и тяжелой промышленности, ответственную за две мировые войны».

В мае 1945-го он снова оказался в Библиотеке Конгресса с докладом «Германия и немцы», где уже совсем не столь уверенно отделял немцев от их павшего только что режима и говорил о том, что трудно разделять Германию на добрую и злую, потому что «злая Германия — это и есть добрая, пошедшая по ложному пути». И потому «для человека, родившегося немцем, невозможно начисто отречься от злой Германии, отягощенной исторической виной».

Конформизм и руины

К Манну апеллируют немцы. Один из них, писатель Вальтер фон Моло, проведший годы войны в Германии, уйдя во «внутреннюю эмиграцию», обратился к выдающемуся соотечественнику в открытом письме с призывом вернуться в Германию и помочь ей «советом и делом». Манна все время о чем-то просили — собрать деньги на бомбардировщик, возглавить комитет по восстановлению демократии на родине, похлопотать перед оккупационными властями за коллаборациониста, который себя таковым не считает... Но это письмо хорошо известного ему писателя, критиковавшего тех, кто уехал из Германии в годы национал-социализма, вывело Нобелевского лауреата из себя — и 7 сентября 1945-го он ответил со всей возможной страстностью.

Манн пишет о своем настороженном отношении к Германии. К той Германии, которая травила его, способствовала утрате «привычного уклада жизни, дома, страны, книг, памятных мест и имущества», сопровождавшейся «постыдной кампанией отлучений и отречений». И далее — о главном, о всеобщем конформизме, который привел к тому, что режим утвердил себя в Германии: «Если бы немецкая интеллигенция, если бы все люди с именами и мировыми именами — врачи, музыканты, педагоги, писатели, художники — единодушно выступили тогда против этого позора, если бы они объявили всеобщую забастовку, многое произошло бы не так, как произошло». И далее: «Непозволительно, невозможно было заниматься “культурой” в Германии, куда кругом творилось то, о чем мы знаем. Это означало прикрашивать деградацию, украшать преступление». Эту мысль он повторит в одном из писем 1946 года — горе и стыд он испытывает по поводу «ужасного, бессердечного и безмозглого провала немецкой интеллигенции на экзамене, которому она подверглась в 1933 году». Это из письма Гансу Блунку, председателю Имперской палаты по делам печати при Гитлере, за которого Манн отказался ходатайствовать перед оккупационными властями. Немецкая интеллигенция, продолжал писатель в письме этому коллаборационисту 22 июля 1946 года, «должна сделать много великого, чтобы это забылось».

Аналогичным образом тогда думала Ханна Арендт, которая после всего того, что она испытала в Германии, утратила веру в тот слой, который Манн называл «немецкой интеллигенцией». В интервью

западногерманскому телевидению в 1964 году она вспоминала, как в национал-социалистической Германии вокруг нее — «в любом случае не под давлением террора» — образовался вакуум. Это был тот самый Gleichschaltung — добровольно-принудительное подчинение устанавливаемым сверху правилам, та эпидемия конформизма и казарменной верноподданности, которая охватила сейчас российскую науку, образование, госслужбу. Арендт говорила о том, что никто не обвинял тех, кто приспособился из заботы «о своей жене и ребенке»: «Хуже всего то, что некоторые люди действительно верили в нацизм!» Веру в национал-социализм она потом простила своему бывшему возлюбленному Мартину Хайдеггеру, хотя в эссе 1946 года «Образ ада» назвала его среди тех, кто фабриковал действительность и снабжал нацистов «идеями и методами» («Хайдеггер сделал нацизм respectable среди университетской элиты»), но не простила немцам интеллектуалам как таковым. А вот как происходило их приспособление и падение, превосходным образом на примере артистической среды показал сын Томаса Манна Клаус Манн в своем романе «Мефистофель», который был написан еще в 1936 году.

...Манн продолжал в упомянутом письме 1945 года объясняться с коллегой фон Моло. Он благодарен Штатам, стране, его приютившей: «...у меня подрастают внуки, говорящие по-английски». Ему хочется довести труд своей жизни «в атмосфере могущества, разума, изобилия и мира». Кроме того, «не скрываю, что боюсь немецких руин — каменных и человеческих».

И в то же время: «Довольно разговоров о конце немецкой истории! Германия неравнозначна тому короткому и мрачному историческому эпизоду, который носит имя Гитлера. <...> Пусть Германия вытравит из себя спесь и ненависть, и ее полюбят». В этом же письме весьма точно и прозорливо Манн предрекает характер послевоенного восстановления западного мира — наступление эры глобализации с «уменьшением роли политических границ». Он верил, что Германия способна вписаться в этот процесс. И, в сущности, не прогадал. Хотя разочарования на этом не закончились.

Европейская Германия

Март 1947-го. Снова его зовут в Германию, в Мюнхен. Он пишет письмо младшему брату Виктору, который в годы войны остался в Германии и работал советником по сельскому хозяйству в структурах вермахта, где выражает опасения в связи с возникающей в стране атмосферой, ссылаясь на мнение, согласно которому, приди Гитлер сейчас к власти, «60%, а то и 80% народа встретили бы его возгласами “ура”». Неужели мне ходить по Мюнхену с охраной, спрашивает Томас у Виктора. «А что надо, что можно сказать немцам, если они чувствительны, как мимоза, испуганы, изранены, предельно раздражены?»

Это психологический диагноз, поставленный нации, которая должна нести коллективную ответственность, но совершенно не собирается этого делать. Манн пишет брату: «Немцы, в сущности, не хотят давать в обиду свою Третью империю. Значит, говорить только о будущем! Но ведь оно покрыто сплошным мраком».

И тем не менее в 1949-м он совершит первую поездку в Германию. И уже в 1950-м Манн в письме книготорговцу Мартину Флинкеру (от 21 ноября 1950 года) станет мечтать о Ев-

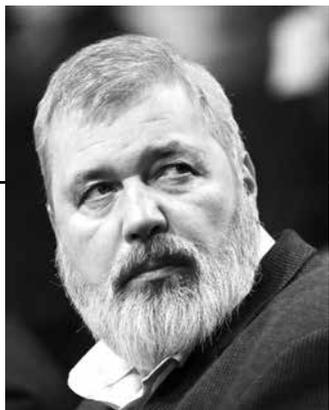
ропе «лучших немцев, которые хотят европейской Германии, а не германской Европы» — безукоризненная формула, которой можно описать определенный слой в российском обществе, европейских русских, которые мучаются совестью и проблемой

История показывает, что наши сегодняшние споры, результат растерянности и отчаяния, не уникальны

коллективной ответственности, ругаются между собой по поводу того, где должен оставаться хороший русский — за границей или в России. Между тем то, чего хотел Путин и чего не добился в предыдущей итерации своей международной политики, — это добровольно заставить Европу жить не по европейским правилам за счет ее раскола, благодаря приходу к власти ультраправых партнеров российского авторитарного режима. Он желал возникновения «русской Европы», превращения ее в орбановскую Венгрию. Чего не случилось, и тогда Путин просто порвал с той Европой, которая не хотела играть по его правилам.

...И в том же году в письме писателю Эмилю Бельцнеру (24 мая 1950-го) — оптимистическое: «Германии нужно время, сосредоточенность, раздумье, мир, чтобы после ужасных нравственных сумятиц и разрушений прийти к самой себе». А в январе 1951-го в письме Агнес Мейер, журналистке и матери Кэтрин Грэм, ставшей впоследствии легендарной хозяйки The Washington Post, Манн ругает Конрада Аденауэра и восхищается бастующими немецкими рабочими: «Благословенна страна, где рабочие думают не только о заработной плате, но и добиваются “права участвовать в государственной жизни” и завоевывают его!» Практически счастливый конец.

История показывает, что наши сегодняшние споры, результат растерянности и отчаяния, не уникальны. История показывает, что она, увы, повторяется. Как и ее уроки, которые никто никогда не желает учить. Каждое поколение учится на собственных ошибках. Выход, наверное, есть. Однако Германии понадобилось «время, сосредоточенность, раздумье, мир». Все это понадобится и России.

Дмитрий Муратов: «Он подарил нам тридцать лет мира»*

Он презирал войну.

Он презирал *реал-политик*. Он был уверен, что время решать вопросы мирового устройства силой прошло. Он верил в выбор народов. Он отпустил политзаключенных. Остановил войну в Афганистане и гонку ядерных вооружений. Он рассказывал мне, что отказался нажимать кнопку ядерной атаки даже на тренировках! Он видел кадры испытаний, где пламя жрало дома, и коров, и овец. Таких же овец, которыми он гордился у себя в Ставрополье.

Он любил женщину больше своей работы.

Я думаю, он просто не смог бы обнимать ее, если б его руки были в крови.

Он не считал убийство доблестью.

Он бескровно попрощался с коммунизмом. Его постоянно упрекали сторонники империи, что он отдал Германию, Чехию, Польшу. Он однажды ответил с непередаваемым сарказмом: «А кому я отдал? Германию — немцам, Польшу — полякам, Чехию — чехам. А кому надо было?»

А спустя несколько лет в разговоре с «Новой газетой» о новых диктатурах вдруг сказал: «Запиши, чтоб все запомнить: у диктатора должно быть одно правило — всегда держать на секретном аэродроме полностью заправленный самолет...» Его черный юмор был очень хорош.

Однажды, два года назад, он написал очень серьезный доклад для ООН и решил прочитать его нам за дружеским столом, когда рюмки уже были подняты. Достал из портфеля толстую пачку бумаги, мы приготовились вежливо слушать... А там, на первой странице, была только одна фраза: «Запретить войну!» «Это всё?» — спросили мы. «А что еще?» — ответил он и разрешил выпить.

* «Новая газета». 31 августа 2022 г.

Михаил Сергеевич Горбачев
(2 марта 1931 — 30 августа 2022)

...Но между миром и ядерным взрывом больше не стоит мужчина по имени Горби. Кто заменит его? Кто?

Запомним навсегда: он любил женщину больше своей работы, права человека ставил выше государства, а мирное небо ценил больше личной власти.

Я слышал, что он сумел изменить мир, но не сумел изменить свою страну. Может, и так.

Но он сделал и стране, и миру невероятный подарок — он подарил нам тридцать лет мира. Без угрозы глобальной и ядерной войны. Кто еще способен на такое?

Но...

Подарок закончился. Подарка больше нет. И больше подарков не будет.

Наследие президента СССР Михаила Горбачева часто называют «противоречивым», но запущенные им изменения сделали его по-настоящему великим реформатором, уверен Леон Арон, старший научный сотрудник Американского института предпринимательства (Вашингтон). Он рассказывает, как Горбачев легко мог просидеть в Кремле не менее 20 лет, подобно своим предшественникам, но не стал этого делать, выбрав свободу.

Леон Арон — автор книги «Дороги к храму: истина, память, идеи и идеалы российской революции 1987–1991», переведенной на русский язык и изданной Школой.

Леон Арон: «Свобода сводит на нет слепое поклонение человеку или государству»*

Михаил Сергеевич Горбачев, советский лидер и реформатор, умерший в возрасте 91 года, вероятно, был величайшим освободителем всех времен — если принять во внимание характер демонтированного им режима и численность освобожденных им людей и народов.

Давнишняя «теория», распространенная врагами Горбачева и принятая многими на Западе, утверждала, что президент СССР якобы был бездельником, который сам не знал, что делает, и споткнулся о свои же реформы, когда кризис зашел слишком далеко и уже ничего нельзя было исправить.

Полный вздор. Его современники — Фидель Кастро на Кубе, семейство Ким в Северной Корее, Никита Хрущев или Леонид Брежнев в Советском Союзе — едва ли обладали сверхъестественными умственными способностями, но точно знали, что делать, когда их власти угрожала опасность: показательные процессы, казни, пожизненные тюремные сроки, голод, танки в Будапеште и Праге или марионеточный режим в Польше.

Нет, Горбачев не прибегал к репрессиям, потому что считал неправильным руководить страной

* <https://thehill.com/opinion/international/3621811-mikhail-gorbachevs-was-a-truly-great-revolution/> (08/31/2022)

с помощью террора и лжи. Впервые за 70 лет понятия морали и нравственной ответственности были введены в советский политический контекст и стали рабочими терминами.

Поэтому горбачевская революция и была поистине великой. В основе любого государственного переворота или других внутриэлитных драг всегда находится власть. Великие революции всегда начинаются с человеческого достоинства и нравственных принципов. «В стране складывается новая нравственная атмосфера», — говорил Горбачев на Пленуме ЦК КПСС в январе 1987 года, том самом, где он заявил о повороте к «гласности» и «демократизации». Произошла «переоценка ценностей», как он сам это назвал. Позже, вспоминая свое ощущение, что «так дальше жить было нельзя, надо было кардинально все менять», он называл это своей «нравственной позицией».

Согласно другой «теории», Советский Союз, погрязший в экономических проблемах, все равно должен был развалиться. Это тоже полная чушь. Режим на Кубе, в Северной Корее и Зимбабве удерживается до сих пор, и сам Советский Союз просуществовал с 1930-х по 1990-е годы в условиях ужасного дефицита и голода миллионов людей. Он существовал бы и дальше, продолжая поработать Восточную и Центральную Европу, если бы не почечная недостаточность Юрия Андропова и фатальная дряхлость Константина Черненко.

К моменту прихода Горбачева к власти советская империя застыла в ужасе и мраке. Все видные диссиденты были либо мертвы, либо сидели в тюрьмах, либо были подавлены и молчали. Западные эксперты давали в основном неопределенные и мрачные прогнозы. Польская «Солидарность» была разгромлена. В Западной Германии готовились к «долгому пути через институты», который занял бы десятилетия: подкупая советских кураторов в ГДР, они надеялись шаг за шагом добиться улучшения отношений и либерализации на Востоке.

Да, был Рональд Рейган и его суровая, так и не реализованная программа Стратегической оборонной инициативы. Однако ничто не угрожало советскому режиму и его господству над всей империей в краткосрочной или даже среднесрочной перспективе. Какой из автократов мыслит дальше этого? Горбачев, пришедший к власти в 54 года, легко мог просидеть в Кремле не менее 20 лет, как и Брежнев.

Конечно, Горбачев начинал как «авторитарный реформатор» — так поступали большинство царей и генеральных секретарей (и нынешний президент России Владимир Путин). Но когда продолжение андроповского полицейского ренессанса — с наказанием особо отъявленных взяточников, запретами продажи водки и дневными облавами в банях и пивных в поисках «тунеядцев» — дало лишь мизерный прирост ВВП,

*Великие революции
всегда начинаются
с человеческого
достоинства
и нравственных
принципов*

Горбачев столкнулся с другой привычной российской дилеммой: провести институциональные реформы или столкнуться с застоём.

Либерализация влечет за собой неопределенность, повышает риск беспорядков и, главное, несет реальную угрозу личной власти. Величайший русский реформатор Александр II был убит. Никита Хрущев, развенчавший культ личности Сталина, был смещен в результате пере-

*Прежде каждый
российский правитель
предпочитал империю
свободе. Горбачев стал
первым, кто порвал
с этой национальной
политической традицией*

ворота. В условиях застоя таких угроз нет, зато есть внешние и внутренние враги, на которых легко свалить необходимость потуже затянуть пояса, и пропагандистские мифы для отвлечения и воодушевления. Горбачев выбрал либерализацию.

Как мы позже узнали из воспоминаний Горбачева и его правой руки, «крестного отца гласности» Александра Яковлева, экономические соображения имели

не первостепенное влияние на решение президента СССР. Он пришел к выводу, что советский режим несовместим с человеческим достоинством. Так началась перестройка: нравственная чистка такого масштаба и интенсивности, которые не имели прецедентов в истории крупнейших европейских государств.

Вскоре перед Горбачевым встала еще одна традиционная российская дилемма: империя или свобода. В отличие от британских или французских колониальных империй, господство России в Центральной и Восточной Европе было несовместимо с демократией. Прежде каждый российский правитель предпочитал империю свободе. Либерализация Александра II прекратилась после подавления польского восстания. Хрущевская десталинизация была прервана венгерской революцией, а экономическую реформу Алексея Косыгина остановил разгром Пражской весны. Горбачев стал первым российским правителем, порвавшим с этой национальной политической традицией. Берлинская стена пала.

Начатая им либерализация ожидаемо не поддавалась сдерживанию сверху и превратилась в революцию снизу, возглавляемую, как и все революции в современной истории, городским средним классом. Но, несмотря на это, Горбачев до конца своей жизни считал, что все, что он сделал, было правильно. Он оставался ярким сторонником того, что после недолгой Пражской весны стало известно как «социализм с человеческим лицом». В политической таксономии XX века он присоединился к антисталинским левым Джорджа Оруэлла: тем героическим мужчинам и женщинам, которые выступали против коммунистов во время гражданской войны в Испании, а после Второй мировой войны — в профсоюзах Великобритании, а также в парламентах и на улицах Франции и Италии. Они первыми подверглись репрессиям во время захвата власти коммунистами в Восточной Европе, на Кубе и в Эфиопии точно

так же, как анархисты и социалисты, преследуемые НКВД в Испании, или меньшевики и эсеры после большевистского переворота в России.

Наследие Горбачева называют «противоречивым», используя тот же ярлык, который нетерпеливые западные общества навешивают на любую политику, не дающую однозначно положительных результатов в течение первых пяти минут. Разве наследие какого-то великого освободителя таким не было? Свобода сводит на нет слепое поклонение человеку или государству, которое все уладит и обо всем позаботится. Она влечет за собой сплошные риски, ужасающую необходимость делать выбор и нести ежедневную ответственность за свою жизнь.

*Свобода влечет за собой
сплошные риски,
необходимость делать
выбор и нести ежедневную
ответственность
за свою жизнь*

Как говорит Христу Великий Инквизитор в «Братьях Карамазовых» Достоевского: ты их освободил, а они не хотят освобождаться! «...ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!» Вместо этого людям нужны «тайна, чудо и авторитет». Добавьте немного ностальгии по сверхдержаве, милитаризованный патриотизм, а теперь еще и войну — и вы получите путинскую реставрацию.

Незавершенные, прерванные революции так и остаются революциями. И до конца своих дней Горбачев гордился своей. «Советская модель потерпела поражение не только на экономическом и социальном уровнях; она потерпела поражение на культурном уровне, — сказал он. — Наше общество, наш народ <...> отвергли эту модель, потому что она не уважает человека, подавляет его духовно и политически. <...> Вот почему все самое важное для нас всегда было связано со свободой».

Анна Гин,
блогер, г. Харьков

Вчера вечером я впервые за это лето открыла окна. Дерзко так, настежь, во всей квартире, на своем 17-м этаже. Как когда-то, в той, в прошлой жизни.

Несколько лет назад, когда я искала квартиру, то смотрела только те варианты, которые ближе к небу. Помню, риелтор говорила коллеге по телефону: «У меня тут клиентка, она точно внучка Карлсона, десятый этаж ей низковато».

А мне нравится, чтобы много воздуха, чтобы там, где птицы, чтобы видеть любимый город.

Теперь я вижу линию фронта. Вижу, как летят ракеты. Вижу вспышки и пожары. Когда летали истребители, мне казалось, я видела лица пилотов...

Жаркое, невыносимо душное харьковское лето.

Закрытые, зашторенные, заклеенные скотчем крест-накрест или даже заколоченные фанерой окна. Совершенно нечем дышать.

Я устала прятаться. От взрывной волны, от осколков, от грохота. Я открыла настежь окна и впустила в дом прохладу вечернего августа. Боже, какой же это кайф! Долго сидела на балконе, смотрела на потрясающее звездное небо. Никогда в Харькове я не видела столько звезд.

Это был тяжелый день. Наверное, самый тяжелый в моей жизни.

Я провожала маму.

Но в этот день все было как-то правильно, даже благостно. Без суеты, без перекрестных процессий, когда два горя встречаются в коридорах или на аллеях. Не было ничего фальшивого, пафосного, ритуально нарочитого. Прекрасная погода и такая редкая в городе тишина.

Мы подвезли маму прямо к центральному входу кардиологии, чтобы отец мог с ней попрощаться. «У

нас так не делают, так не принято, чтобы возле корпуса», — фыркнула недовольная санитарка.

Делают. В нашей семье всегда делают так, как велит сердце, а не приличия.

Я никогда не слышала, как рыдает мой отец.

«Жизнь моя. Душа моя. Ты подарила мне шестьдесят лет счастья. Будь проклята война!»

Такая сильная любовь и такая мощная ненависть.

Мама упала с инсультом через пару минут после взрыва очередной российской ракеты в соседнем дворе.

И уже не могла подняться. Никогда.

Да, пап, будь проклята война! Прокляты люди, развязавшие ее и поддерживающие! Прокляты настолько искренне, что не будет им покоя никогда ни на земле, ни на небе!

Я распахнула окна. Я дышала августом и смотрела на звезды.

Полгода войны. Прошла весна — *весна, которой у нас не было.*

Заканчивается лето — *лето, которое у нас отобрали.*

Через несколько дней наступит осень. Пусть это будет *осень, которая принесет нам победу.*

26.08.2022

*Всеволод Бедерсон,
научный сотрудник
Центра сравнительных
исторических и
политических
исследований*

*От пятой колонны к «приводным ремням»: динамика воздействия государства на некоммерческие организации в путинской России**

В июне 2022 года в России был принят новый закон о контроле за деятельностью «иностранных агентов». С позиции сегодняшних дней первая версия «закона об иноагентах» 2012 года кажется вегетарианской. Сегодня иностранные агенты — это и имеющие официальную регистрацию НКО, и неформальные объединения граждан, и СМИ, и физические лица. В 2012–2013 гг. закон в первую очередь критиковали за расширительное определение «политической деятельности», в которую записывали любую публичную активность. Иностранное воздействие при этом фиксировалось понятным наличием на счетах НКО средств, полученных от нероссийской организации. Версия закона 2022 года не только расширяет круг тех, кто может быть признан «иноагентом», но и натягивает расширительную логику и на условия иностранного воздействия — теперь это любого рода «иностранное влияние».

Российский политический режим за время своего существования прошел путь к полному недоверию к любой независимой активности. Попробуем определить, как менялось взаимодействие государства с гражданскими организациями и само сообщество НКО.

В начале 2000-х путинская администрация выбрала в отношении гражданских организаций стратегию «держатъ поближе и демонстративно сотрудничать».

* <https://ridl.io/ru/ot-pyatoj-kolonny-k-privodnym-remnyam-dinamika-vozdjstvija-gosudarstva-na-nekommercheskie-organizatsii-v-putinskoj-rossii/> (26 августа 2022 г.).

Та самая пятая колонна

В 2001 году в Кремле был организован «Гражданский форум». Форум преследовал цель собрать вместе профессиональные региональные НКО, чтобы «выработать механизмы взаимодействия общественных организаций и власти». Смысл этого мероприятия хорошо вписывался в публичный дискурс, который окружал первые годы президентства Путина, — консолидацию усилий для укрепления государства и повышения качества жизни. Форум, участниками которого было 5 тысяч человек, конечно, не выработал конкретных «механизмов взаимодействия», но прощупывал, как новая российская власть могла бы работать с гражданскими организациями. При этом в самом сообществе политическая целесообразность участия в нем ставилась под сомнение.

Демонстрация открытости и попытки заручиться лояльностью лидеров гражданского общества закончились после «оранжевой революции» в Украине и других опрокидывающих режимы событий в Грузии и Кыргызстане. Исследователи отмечают, что критическими для Кремля стали участие и мобилизационный потенциал общественных и, в частности, молодежных организаций в событиях в Украине и других постсоветских странах. После этого режим пересмотрел свою стратегию в отношении общественных организаций, перейдя от сотрудничества к дистанцированию и дискриминации.

В 2000-е гг. власти стремились к тому, чтобы взять под контроль молодежные движения или заместить их профильную активность подконтрольными квазиобщественными организациями (GONGO). В эти годы в противовес немногочисленным, но публично активным Национал-большевистской партии и «Молодежному Яблоку» Кремль создает GONGO на всех флангах идеологическо-активистского спектра. Самым громким молодежным проектом становится движение «Наши». Задачами квазиобщественных движений стало канализирование активности в подконтрольные организационные рамки, купирование поддержки целевой аудиторией оппозиционных структур, а также маргинализация и дискриминация независимой публичной активности.

В это же время распространяется троп пятой колонны. Известная история про «шпионский камень» стала не столько масштабным публичным обвинением государства в адрес конкретных опытных и авторитетных некоммерческих организаций (Московской Хельсинкской группы, движения «За права человека», общества «Мемориал»), сколько создавала пространство недоверия к независимой общественной деятельности, имеющей альтернативные российскому государству источники финансирования. Прямых репрессий в виде закрытия и ликвидации организаций в этот период еще не было — современные автократии заинтересованы в том, чтобы иметь контроль над оппонентами и повышать свой статус через их маргинализацию. Маргинализацией были

заняты провластные организации — в качестве примера можно вспомнить акцию «Наших» с приравнением к фашистским коллаборантам оппозиционеров, включая лидеров гражданских организаций.

В начале 2000-х государство принимает решение стандартизировать деятельность НКО. Контрольная функция закрепляется за Федеральной регистрационной службой (ФРС). Принятый в 1996 году Закон о некоммерческих организациях предусматривал разнообразие форм и не предъявлял жестких критериев к внутренним организационным делам НКО, порядку и формату работы. С появлением ФРС ситуация стала меняться: служба проводила регулярные проверки НКО, ставшие бюрократическим испытанием для гражданских организаций. Исследование практики исполнения ФРС административного регламента по проверке НКО в 2008 году показало, что критерии и форма проверки являются непонятными для некоммерческих организаций, претензии службы носят формальный характер (отсутствие уведомления о смене адреса организации, отсутствие отчета в ФРС об использованном имуществе и др.). Руководители НКО тогда отмечали, что «испытывают усиление административного вмешательства».

Исследования указывают, что юридические или иные организационные барьеры — это распространенный инструмент автократий по установлению контроля над оппозицией и гражданскими ассоциациями. Гилберт и Мохсени отмечают, что такие внутренние юридические рестрикции предпринимаются в качестве ответов на внешние условия. Авторы показывают, что с 1995 по 2015 год организационные барьеры в отношении НКО в авторитарных режимах повсеместно нарастали. Принципиальный рост случился именно после волны «цветных революций»**.

«Иноагенты» и раскол

Первое десятилетие 2000-х, вопреки появившимся юридическим барьерам, можно назвать продуктивным и успешным для российских НКО. В этот период реализовываются масштабные правозащитные проекты, развивается гражданская экспертиза и общественный контроль. Несколько нестоличных правозащитных организаций объединяются в ассоциацию «Агора». А «Голос» разрабатывает и издает проект «Избирательный кодекс РФ». Все это стало возможно благодаря насыщенной среде, сотрудничеству организаций между собой и наличию негосударственного финансирования в масштабах, позволяющих реализовывать такие проекты. Крупнейшими донорами для российских некоммерческих организаций в это время были международные

** Gilbert, L., & Mohseni, P. (2018). *Disabling dissent: the colour revolutions, autocratic linkages, and civil society regulations in hybrid regimes*. *Contemporary politics*, 24(4), 454–480.

неправительственные фонды (Фонд Макартуров, Фонд Форда, Фонд Сороса, Фонд Мотта), а также зарубежные политические фонды (Фонд Бёлля, Фонд Науманна, NED, MATRA посольства Королевства Нидерландов, USAID).

Сама возможность получить грант от зарубежного фонда свидетельствовала о профессионализме и организационной культуре НКО. Подача заявок на гранты и их реализация требовали от НКО наличия профессионального штата квалифицированных некоммерческих менеджеров, качественного делопроизводства и публичной открытости.

Новый этап воздействия российской автократии на гражданские организации связан с законом об «иностранных агентах», фактической ликвидацией иностранного финансирования и многократным увеличением финансирования НКО со стороны Российского государства. Закон об «иноагентах» и последовавший за ним закон о «нежелательных организаци-

Сама возможность получить грант от зарубежного фонда свидетельствовала о профессионализме и организационной культуре НКО

ях» стали настоящим внешним шоком, который решительно переформатировал сообщество НКО. Исследования воздействия закона на общество отмечают, что он повысил риски существования для самих НКО. Многие организации были вынуждены перенаправлять свои внутренние ресурсы от реализуемых проектов и публичной деятельности на внутреннюю безопасность. Приходилось более внимательно отслеживать исходящие потоки, чтобы не давать поводов для включения в реестр «иностранных агентов». Когда первые НКО были включены в список, стало понятно, что основные проблемы связаны не столько со штрафами, сколько с организационной рутинной и возможностью Министерства юстиции как профильного ведомства влиять на эффективность деятельности организации. Попадание в реестр влекло за собой штрафы, повышенное внимание проверяющих органов, более частую и детализированную отчетность.

Репрессивные в отношении НКО законы стали триггером для выбора организациями своих траекторий адаптации. Согласно докладу Общественной палаты, количество НКО в России в 2012–2014 гг. сократилось на 33%. Впервые за долгие годы ликвидация, в том числе по собственной инициативе, стала одним из распространенных способов решения проблем НКО. При этом часть из ликвидированных организаций продолжила свою деятельность без образования юридического лица, чтобы находиться ниже организационного радаров государства. Однако большая часть НКО приняла решение об адаптации к новым условиям и отказалась от зарубежного финансирования. Исследования показали, что наибольшему воздействию закона подверглись активные и заметные региональные организации. Государство продемонстрировало

свою принципиальность в отношении выполнения этого закона. Конфронтационная стратегия отдельных НКО в перспективе плохо на них сказалась. Это стало сигналом для других организаций — скорее принимать новые правила игры. При этом закон не только организационно повлиял на НКО, но и изменил атмосферу в сообществе: само отношение к закону стало маркером лояльности или нелояльности режиму. Бывшие партнеры по общим проектам перестали приглашаться

Новый закон об «иноагентах» и почти полное государственное финансирование способствовало поляризации сообщества

и приходиться на мероприятия друг друга, а взаимные обвинения в продажности или недальновидности стали общим местом в сетевых дискуссиях.

Параллельно с расколом внутри некоммерческого сектора по поводу закона об «иноагентах» произошел раскол и по поводу отношения к государственному финансированию. Государство за десять лет уве-

личило финансирование НКО с 1 млн рублей в 2011 году до 11 млн в 2020-м — и это только по линии Фонда президентских грантов. Видя опасность в независимой активности и финансировании со стороны зарубежных фондов, режим полностью заместил финансирование НКО собой, поставив общественную активность под организационный контроль. Представители некоммерческого сектора отмечали, что «президентский грант» хоть и позволяет реализовывать проект, но формирует при этом зависимость от государства и подконтрольность ему, в том числе в части выбора проблематики для заявки на грант. Президентские гранты или финансирование региональными администрациями сильно повлияли на интерпретацию публичной активности НКО со стороны властей. Публичное выражение позиции, противоречащей административной, стало восприниматься как проявление нелояльности, которое должно сказаться на получении НКО финансирования на реализацию социальных проектов.

Такое положение вещей с законом об «иноагентах» и почти полным государственным финансированием способствовало поляризации общества (Новый закон об «иноагентах» и почти полное государственное финансирование способствовало поляризации сообщества — в другое место): для одних это стало поводом для политизации и публичного выражения нелояльности режиму, другие приняли тактику сотрудничества для реализации проектов и защиты прав своих целевых аудиторий. Большие коалиции НКО, которые существовали до 2012 года и были нормальной практикой взаимодействий внутри сообщества, стали немыслимы ввиду наличия входного барьера в виде отношения к режиму.

Группа «Коллективные действия». Лозунг-1977. 26 января 1977

Квазиактивизм и «приводные ремни»

Новая версия закона об «иноагентах» создает впечатление взятия под полный контроль гражданской активности любого рода, не только НКО. При этом наметились тенденции, которые указывают не просто на использование режимом НКО в своих интересах, но на замещение сообщества гражданских объединений государственным негосударственным активизмом.

Показательные иллюстрации здесь — учреждение детского общественного движения «Большая перемена», наблюдательный совет которого возглавил Владимир Путин, а также реформирование Общества «Знание», наблюдательный совет которого возглавил Сергей Кириенко. Оба примера иллюстрируют, что на текущем этапе воздействия государства на некоммерческий сектор (уже с багажом маргинализации профессиональных НКО, организационного контроля, иноагентских рестрикций и тотального государственного финансирования) задача состоит в замещении гражданского общества подконтрольными институциями, «приводными ремнями». Если в начале 2000-х GONGO соседствовали и конкурировали с реальными НКО, то в 2022 году речь идет о том, что GONGO станут ключевым инструментом государства по управлению гражданским обществом.

Построенная в России политическая система нуждается именно в «приводных ремнях» в силу режимной трансформации. С началом войны в Украине режим начал движение в сторону закрытой автократии, что несет за собой и перестройку в балансе между государством и обществом. Кристиан Херлин писал, что институционально более устойчивые автократии стремятся к замещению общественной активности организациями, которые являются прямыми продолжениями государства. Типичные примеры здесь — Китай и Советский Союз с их разветвленной сетью «приводных ремней» партии в виде профсоюзов, экологических, досуговых, спортивных или волонтерских объединений. Смысл «приводных ремней» — не просто направить в контролируемое русло потенцию общественной активности граждан, но и полностью заместить независимую активность государственным негосударственным активизмом.

Путинский режим исторически испытывает дефицит доверия к НКО, поэтому для большей устойчивости он заинтересован сделать общественные организации прямым своим продолжением. Если «Большая перемена» и «Знание» окажутся не единичными примерами, то в будущем можно ожидать появления других вертикализированных и подконтрольных власти квазиобщественных организаций.

О сценариях будущего*

*Николай Петров,
политолог, старший
научный сотрудник
Chatham House*

Я не буду оригинальным и вначале скажу о том, что объединяет экспертов Школы, — это любовь к Лене, к Юре, к Инне, ко всей Школе, и я надеюсь, что это будет и в будущем. Тем более что Школа сегодня приобретает новую роль — из ячейки, которая ставила целью способствовать развитию «большой» России, она превращается в «носителя огня» и «хранителя очага» России «малой».

Сказав это, я начну с клеймера и дисклеймера. Международной командой мы много лет занимались сценариями будущего развития России, наиболее возможные из которых рассматривались в книге, выпущенной еще перед завершением тандема, примерно в 2011 году.

И самый ужасный сценарий, который там был и который я опасался даже называть так, как он был назван, — «Сталин-лайт». Увы, развитие пошло именно в эту сторону и превзошло самые негативные ожидания.

А в 2014 году, после аннексии Крыма, в дополнение к первой книге мы выпустили другую, где у меня был материал, сравнивающий траекторию развития России с самолетом в штопоре. Тогда мне казалось, что выйти из этого штопора, не меняя режима и не меняя лидера, невозможно. Здесь мое предвидение тоже не оправдалось.

И вообще, я Лену много раз обманывал, говоря о том, что даже если все ужасно, то ненадолго. А сегодня мы видим, что это не совсем так, даже самые ужасные события и потрясения не ставят под угрозу существование режима в том виде, в каком он существует.

* Выступление на семинаре Школы в Стокгольме 1 июля 2022 г.

Содержательную часть своего рассказа я начну с того, что, на мой взгляд, война не была неизбежной (как сейчас модно считать, оглядываясь на 2014 год). Мне кажется, ни с 2014-го, ни даже за неделю, за пару дней до 24 февраля война в том виде, в каком мы ее видим сегодня, не была неизбежной. Может быть, ее и нельзя было предотвратить, но не все усилия, которые нужно было сделать в этом направлении, были сделаны. Проблема не в том, что «лидеры Запада оказались слабыми» (я выношу за скобки Путина как военного преступника) и не смогли предвидеть, или предвосхитить, или предотвратить войну. Дело не в лидерах, а в гораздо более серьезном — в самой политической ситуации, в самой политической системе, в том популизме, который делает любого лидера Запада, как и лидера Украины (в отличие, кстати, от Путина), заложником общественных настроений. А общественные настроения могут очень быстро меняться.

Что мы имеем сегодня? Война идет уже четыре месяца. Она уже совсем другая — это война на истощение. Россия контролирует свыше четверти территории Украины, российская армия отрезала Украину от Азовского моря и в значительной мере от Черного моря. Украина в этом году теряет треть ВВП, то есть ее экономика подорвана. Россия при этом, в силу разницы масштабов и в силу того, что война идет на территории Украины, в экономическом смысле пока выглядит потерявшей существенно меньше.

Понятно, что и судьба войны России с Украиной, и судьба мирового порядка решается тремя главными факторами, помимо того, что происходит на театре военных действий. Это:

- 1) экономика,
- 2) общественное мнение,
- 3) лидеры и политические элиты.

Попробую коротко обрисовать ситуацию с каждым из этих факторов.

В том, что касается экономики, — мы видим санкции. Мы понимаем, что их действие еще скажется. Политэкономическая модель режима будет подорвана, но это произойдет не в ближайшие месяцы и, может быть, даже не в ближайшие год-два. И мы видим реакцию экономистов (я имею в виду и Мовчана, и Иноземцева), которые вначале выступали с абсолютно алармистских позиций, а потом стали говорить о том, что российская экономика удивительным образом устойчива и на те санкции, которые уже наложены на Россию, она не реагирует быстро и негативно. Но надо понимать, что санкции — это действительно «двустороннее оружие». Простые санкции уже давно исчерпаны. А непростые — те, которые бьют и по Западу тоже, — они очень и очень сложны в принятии и реализации и оказывают крайне негативное влияние на общественное мнение на Западе. Не говоря уже о том, что Россия, по всей видимости, готовится к газовой блокаде. И в этом смысле ближе к холодному сезону она может предпринять шаги, которые очень больно ударят по Западу.

Маурицио Каттелан (Maurizio Cattelan). Слепой. 2021

У нас есть каннибализм — это такой термин, который в стратегии развития авиасектора уже как бы стал общепринятым. То есть новых самолетов нет, поэтому будут разбирать (и уже разбирают) существующие — частично для того, чтобы обеспечивать запчастями полеты того парка, который сохраняется. Это, пожалуй, один из немногих примеров моментального действия санкций — санкции в авиасекторе.

Но опять-таки готовится газовая блокада. И в этом смысле санкционная война Россией не проиграна, и если будет проиграна, то не очень скоро.

Общественное мнение. Здесь важны Россия, Украина и Запад.

Что касается России, то мы наблюдаем стабильность в той, по крайней мере, пассивной поддержке, которую большинство россиян оказывают режиму и всему, что режим делает и предпринимает. И ожидания того, что санкции каким-то образом могут это быстро поменять, связаны сегодня с осенью. Но совсем не факт, что осенью это произойдет. В этом смысле российское общественное мнение абсолютно стабильно и не доставляет Кремлю проблем.

В Украине (как мы знаем по одному из недавних опросов) 82% за продолжение войны до победы. И, на мой взгляд, это скорее минус, чем плюс, для тех сценариев, о которых мы сегодня говорим.

На Западе все быстро меняется. И по понятным причинам. И на это делался расчет Кремлем. Расчет на то, что Украина не может много месяцев быть главным предметом беспокойства западного населения. У него есть свои проблемы — выборы, состояние экономики, которая ухудшается. И в этом смысле опрос, который недавно опубликовал European Council on Foreign Relations (Европейский совет по международным отношениям), очень хорошо отражает ситуацию.

Я напомним, что, согласно этому опросу, есть, условно говоря, «партия мира» и «партия справедливости». Партия справедливости — это те, кто выступает за нанесение поражения России, за победу. И поддержку большинства эта партия имеет только в Польше. В остальных же странах, которые были в выборке (там была представлена не вся Европа), доминирует партия мира. Партия мира — это значит «договариваться и прекращать войну на каких-то компромиссных условиях».

Лидеры. Здесь, мне кажется, одна из главных проблем — популизм. Лидеры отражают общественное мнение в своих странах, и это естественно. Что неправильно в этой ситуации? То, что лидеры не имеют никакой степени свободы, и поэтому их позиция довольно быстро меняется. Она была неожиданной для Кремля, когда все увидели консолидированный отпор, но благодаря опять-таки общественному мнению, а не потому что политические элиты на Западе оказались принципиальными, моральными и твердыми.

А сегодня картина меняется.

При этом чуть в стороне стоит Борис Джонсон. Я не разделяю позицию идеалистов, которые считают его борцом за Украину. Скорее, он борется сам за себя — и в данном случае это совпадает. Но это тоже нестабильно.

А Соединенные Штаты? У них пожилой президент, промежуточные выборы, которые еще предстоят, проблемы с экономикой. И соответственно, Украина там тоже не может быть долго во главе угла.

Россия занимает особое положение. На мой взгляд, в России нет политических элит вообще. Есть один лидер, и есть представители номенклатурной системы, которые работают как винтики. И в этом смысле очень показательна та реакция, которую мы видели: какие-то деятели шоу-бизнеса реагировали индивидуально, а вся так называемая политическая, бюрократическая элита, в том числе и из либерального лагеря, в лучшем случае хранила молчание, хотя обычно выражала полную поддержку Кремлю.

За двадцать с лишним лет путинского правления система не только окончательно приняла вид неономенклатурной, но и произвела тщательный отбор и выбраковку кадров. Для них как частей системы выбор прост: либо петь хором, сохраняя свое положение в системе, либо стать предателями, что в военное время рассматривается как измена и соответствующим образом карается.

Мне кажется, что абсолютно неправы некоторые эксперты, которые говорят: «Есть Путин — есть проблема». А без Путина элита будто бы не заинтересована в войне, кроме трех-четырех человек: Патрушева, силовиков, кого-то еще.

Налицо явно патовая ситуация — Россия не может победить, но, будучи ядерной державой, она не может быть и побеждена, как гитлеровская Германия в 1945 году. И раз так, я склоняюсь к позиции, что лозунг «Война до победного конца» дезориентирует, надо добиваться какого-то временного перемирия. Потому что цена, которую Украина платит за войну, — огромная во всех смыслах. И в смысле прямых человеческих потерь, и в смысле разрушения всего организма страны и уклада жизни людей.

Экономически Путин не заинтересован в прекращении войны. И вопрос не в том, чтобы с ним о чем-то договориться, а в том, что Россия экономически заинтересована продолжать эту войну с большей или меньшей интенсивностью.

Экономически Путин не заинтересован в прекращении войны

Происходящая сейчас интеграция оккупированных территорий в Россию — это интеграция двух скоростей. С одной стороны, ЛДНР интегрируется уже как российский регион — туда присылают из России управленческую элиту. А с другой стороны, проводится подготовка к референдумам о «независимости» и в Херсонской, и в Запорожской областях.

Таким образом, сейчас все идет по инерционному сценарию. Как все пойдет дальше, зависит в том числе и от того, какие уроки извлечет для себя цивилизованный мир. Пока работа над этими уроками не особенно заметна, а ведь понятно, что налицо глубокий кризис мировой архитектуры безопасности, всего миропорядка.

И последнее: что делать нам и на что можно надеяться? Где свет в конце тоннеля? Мне кажется, что свет этот, скорее, внутри нас, чем вовне. И думать нам здесь надо не о том, чтобы радикальным образом повлиять на ситуацию в России. Мы не смогли сделать этого, когда были там, и тем более не сможем этого сделать отсюда. Хотя надо все силы прилагать к тому, чтобы вести дискуссии, вовлекая в них возможно более широкий круг россиян, чтобы информировать людей и просвещать их. Но главное — надо помогать Школе быть «хранительницей огня», с тем чтобы та Россия, которую мы представляем, была достойной альтернативой России большой и помогла бы ей в какой-то момент обрести себя.

О реформе ООН*

Игорь Грецкий,
кандидат
исторических наук,
научный сотрудник
Института внешней
политики Эстонии

ООН — это такой институт, от которого все *ждут*. Ждут, что там внутри появится какое-то содержание. И объяснить это можно лишь тем, что изначально все то, что мы знаем об Организации Объединенных Наций — о Совете Безопасности, Генеральной ассамблее, Экономическом и социальном совете и т.д., — все это задумывалось как нечто *временное*. Вот есть страны-победители, и у них есть право вето, и пока мир нестабилен и разрушена экономика — ну, наверное, это будет правильное решение, *а потом* все будет по-другому. Посмотрите на Устав ООН, ведь в нем записано много очень хороших, правильных вещей: например, равенство суверенитетов, равенство прав. Более того, там есть пункт и о том, что в институтах ООН должны быть представители, исходя из принципа географического паритета. А посмотрите теперь на Совет Безопасности: где вы там найдете все это? Этого там нет! Это было временное решение, которое стало *постоянным*.

И где-то с 1950-х годов, то есть практически сразу после образования ООН, постоянно каждые пять-шесть лет начинались разговоры о том, что ООН нужно реформировать. Задавались вопросы: а может ли вообще ООН выполнять свои функции? может ли обеспечивать безопасность на планете? вносить свой вклад в борьбу с бедностью? можно ли с помощью ООН эффективно защищать права человека?

На все эти вопросы пытались ответить в разное время. Создавались экспертные группы, формировавшиеся при Совете Безопасности, при Генеральном секретаре, в них входили десятки светлых умов, которые предлагали свои идеи. Например, о том, как реформировать секретариат. Как сделать так, чтобы

* Выступление на семинаре Школы в Таллине 20 сентября 2022 г.

процедуры, связанные с закупками, расходованием денег, были прозрачными. Что нужно сделать, чтобы можно было преодолеть такую проблему, как демократический дефицит. Вот сидят где-то политики, делегируются на заседание Генеральной ассамблеи, которая уже скоро начнется, а люди где-то «далеко» и *прямого* отношения ко всему этому не имеют. Как преодолеть эту дистанцию?

Вопросы возникали и относительно того, как ООН может реагировать на вооруженные конфликты. Такие конфликты происходят постоянно, и есть Совет Безопасности ООН. Но если в конфликте присутствуют интересы одного из его постоянных членов, то принять решение о направлении миссии миротворцев невозможно. Более того, даже если оно будет принято, пройдет не меньше трех-пяти месяцев (а то и полугодя), прежде чем миссия будет создана, получит мандат, этот мандат утвердят и миссия будет дислоцирована там, где происходит конфликт.

Все эти комиссии готовили доклады, отчеты. Но тут появлялась еще одна проблема: чтобы решение было принято, оно должно устраивать всех. А когда решение принимается так, чтобы оно устраивало всех, — оно выхолащивается, и решения принимаются только для того, чтобы быть принятыми. В итоге никаких реформ не происходило.

Однако ООН существовала и когда распался Советский Союз, было много разговоров о том, что биполярная система рушится, нам нужно адаптировать ООН и его институты под новое мироустройство. Было фантастическое количество предложений. И в частности, Скандинавские страны применили такой фундаментальный подход: сели, посмотрели, провели глубокий аудит и сказали: «Вот смотрите, есть две подкомиссии в Экономическом и социальном совете, есть несколько комитетов, которые можно упразднить. Можно создать единую платформу на уровне министров, которая бы обсуждала вопросы развития, комиссии формировать *ad hoc* и тем самым сокращать финансовые расходы на содержание организации, повышать эффективность. Давайте делать практические шаги!» Но практических шагов не последовало.

Потом была инициатива — хороший, трезвый, разумный доклад шестого Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали в 1992 году. Он прекрасно понимал, что с ООН что-то нужно делать, и предложил развести миротворчество, постконфликтное урегулирование и то, что называется «принуждением к миру». И с тех пор это разделение вошло в академический и экспертный дискурс. То есть предложил сделать так, чтобы в ООН всегда был какой-то небольшой контингент (у него в докладе это было названо *unit*), который можно в срочном порядке направлять в места, где разгорается вооруженный конфликт. И уже только потом садиться и решать, что делать с этим конфликтом.

Ничего из этого по большому счету не вышло. Положили это дело на полку. Бутрос-Гали ушел в отставку, хотя Россия хотела его сохранить на своем посту. Против выступали как раз западные страны. Вашингтон

считал, что доклад хороший, но к нему есть другие вопросы. И был избран новый Генеральный секретарь — Кофи Аннан.

Кофи Аннан — это абсолютно другой тип общественного и политического деятеля. По сути, он был первым Генеральным секретарем, которого ООН взрастила. Это был первый бюрократ-чиновник изнутри ООН. Все остальные были в той или иной степени политики и дипломаты. А Кофи Аннан ни политиком, ни дипломатом не был — он был чиновником. И у него сразу появился очень интересный амбициозный план: реформировать ООН фундаментально.

Возможно, вы помните или наверняка слышали о геноциде в Руанде в 1994 году. Он стал серьезной травмой для тех, кто работал в то время в ООН и наблюдал за беспомощностью организации в этом конфликте. А Кофи Аннан решил для себя, что ООН должна предотвращать такие ситуации. И предложил концепцию *Responsibility to protect*. Она означает следующее: да, конечно, у государств есть суверенитет, они обладают полным правом на проведение любой внутривнутриполитической и внешнеполитической линии, но если государство не может обеспечить фундаментальные права человека — а именно, право на жизнь, — то международное сообщество *обязано* вмешаться. То есть, по сути, нарушить суверенитет и сделать все для того, чтобы защитить жизни людей.

И с этого момента, с конца 90-х, мир поделился приблизительно пополам. Есть страны, которые поддерживают эту концепцию, — страны цивилизованные. А есть те, кто эту концепцию критикует и считает, что она слишком прогрессивная. Среди этих стран, которые делают ставку на суверенитет и отказываются от *Responsibility to protect*, — Китай, Индия и Россия.

Но интересно, как Россия имплементирует эту концепцию и чем она пользуется в своей внешней политике. Когда речь идет о конфликтах удаленных (которые находятся за тем пространством, которое называют «постсоветским» и которое многие в Кремле считают зоной своих, особых интересов), Россия использует подход с упором на суверенитет — дескать, все страны суверенны и имеют право делать что хотят. Но посмотрите, что происходило в Грузии в 2008 году, в Украине в 2014 и 2022 годах. Россия, Кремль свое вторжение, свою агрессивную внешнюю политику обосновывает как раз-таки концепцией Кофи Аннана *Responsibility to protect*: «Мы должны защитить русских. У них там с языком все плохо, их притесняют. Там миротворцев российских убили (в 2008 году, когда якобы напали на миротворцев), не дают спокойно жить осетинам и абхазам!» И при этом нет никакого упоминания о том, что Грузия — такая же страна, с равным суверенитетом, в соответствии с Уставом ООН. Никакого упоминания этих принципов нет.

И вот в такой двойственности и находится внешняя политика России.

Кофи Аннани так и не удалось убедить остальные страны в том, что *Responsibility to protect* — это важно и нужно.

На повестке дня стоит еще один пункт реформы ООН Кофи Аннана: расширение состава Совета Безопасности. Очень давний вопрос: почему, например, Франция в Совете Безопасности, а Германия — нет? Почему Японии нет? Почему Индия за пределами состава Совета Безопасности, как это обосновать? Индия — и с огромным населением, и с достаточно большой экономикой, и с мощнейшими вооруженными силами — почему ей нет места за этим столом? И тут подавляющее большинство стран с постоянным членством в Совете Безопасности и с правом вето, конечно, с этим правом расставаться не особенно хотят. И реформе очень серьезно сопротивляются. Звучат такие высказывания, что если мы начнем реформировать, то вся эта система может посыпаться, и ООН исчезнет. Мы просто в этой «строительной пыли» потеряем себя, потеряем цели, и вообще все станет еще хуже.

Насколько все станет хуже — большой вопрос, но прикасаться к таким вещам постоянные члены Совета Безопасности боятся.

Так что не случайно, когда мы смотрим на реформу ООН, на все вопросы, которые возникают в этом контексте, невольно встает и такой вопрос: а чем вообще является ООН? Является ли она тем фундаментом, на котором стоят международные отношения? То есть является ли ООН надежной организацией, которая защищает мир, которая действительно озабочена вопросами безопасности? Или это только ширма, которая прикрывает хрупкость мира, в котором мы живем?

Кофи Аннана так и не удалось убедить остальные страны в том, что Responsibility to protect — это важно и нужно

Вопросы и ответы

Батыр, журналист, Прага: *Я из Туркменистана. Туркменистан — страна, в которой происходят нарушения прав человека, а ООН закрывает на это глаза! Например, женщинам запрещено сидеть на переднем сиденье автомобиля (сидеть, а не только управлять). Нельзя сидеть в парке на скамейке рядом с мужчиной, если это не муж или отец, при этом нужно иметь подтверждающий родство документ и так далее. Разговоров о демократии в стране давно не слышно, а представительство ООН в Туркменистане есть — огромное здание в центре города. Куда смотрит ООН и почему бездействует?*

И. Грецкий: Хороший вопрос, спасибо! Опять-таки в отношении прав человека действуют две концепции. Есть плюралистический подход, и есть солидаристский подход. Одни утверждают, что права человека — это нечто универсальное, а другие говорят про традиционные ценности, что есть какие-то особенности в этих правах.

Что касается ООН, с этим тоже все достаточно непросто, потому что в ООН входят очень разные страны. Если посмотреть, например, на Human Rights Council, то этот Совет, как правило, рассматривая вопрос о нарушении прав человека, старается избегать конечных, четких, жестких формулировок. На мой взгляд, в данном случае на ООН нельзя рассчитывать как на какой-то ключ, который откроет двери и решит проблему. Здесь очень важно иметь спрос — спрос на демократию, спрос на то, чтобы правами человека пользовались все.

Неделю назад у меня была интересная беседа с молодым человеком, гражданином Венесуэлы. Мы с ним тоже говорили о правах человека. И он рассказал, что окончил университет, стал устраиваться на работу. Но в Венесуэле ему становилось «душно». Повторяю сказанное им: «Бензин — бесплатно, да. Но когда начинаешь говорить о правах, что правительство идет не туда, что отношения с другими странами и гражданами внутри страны должны выглядеть по-другому, начинаются проблемы. В том числе и со своими знакомыми, друзьями, когда объясняю, что не должно быть такого, когда большой город остается без электричества на две недели и никто не выходит на улицы с требованиями».

Если вы не выходите и не говорите, что вам *нужно*, этого не будет. Права и свободы не дают.

Виктория: *Я из Беларуси, сейчас живу в Литве. Как на практике выглядит реализация права Responsibility to protect? Когда происходили события в Беларуси, мы все ждали реакции ООН. И, честно говоря, не очень понятно, потому что люди вышли, высказали свою волю, сами собрали доказательства фальсификации выборов и многочисленных нарушений прав и свобод. А вмешательства не произошло. Можно хотя бы смоделировать и понять, как оно могло бы быть. На что можно было бы рассчитывать со стороны ООН в этой ситуации?*

И. Грецкий: Кофи Аннан считал, что в случае, когда обостряется внутриполитическая обстановка, когда раздаются призывы к насилию, когда усиливается атмосфера ненависти, то либо Совет Безопасности принимает решение о вмешательстве, либо это должна быть коалиция. Коалиция стран, которая берет на себя ответственность и вмешивается, чтобы развести стороны по углам. Не для того, чтобы установить какой-то режим, а для того, чтобы не допустить кровопролития.

А ситуация в Беларуси все-таки, на мой взгляд, не отвечала этим критериям, которые закладывались в концепцию Responsibility to protect, когда есть угроза массового истребления людей по какому-либо из дискриминирующих признаков. Это во-первых.

Во-вторых, мы все видели, что происходило в Беларуси: люди вышли, и Лукашенко ходил с автоматом, показывал, что он решительно настроен.

Маурицио Каттелан (Maurizio Cattelan). Выставка «Страшный суд». 2021

Были репрессии — безусловно, этого никто не отрицает. Но идея Анна-на была все-таки другая: когда ситуация уже выходит из-под контроля, то вмешивается международное сообщество. А на тот момент ситуация была очень странной, нельзя сказать, что «она вышла из-под контроля».

Если бы у оппозиции был опыт самоорганизации, власть ведь явно бы растерялась...

Поэтому никто не думал о применении Responsibility to protect. Тем более это Беларусь, то есть союзник России. У России есть ядерное оружие. Поверьте, до сих пор (и этого нельзя не учитывать), особенно старшее поколение политиков в западных странах, глядя на Россию, видит Советский Союз, 2000 советских ядерных боеголовок.

Поэтому Responsibility to protect здесь бы не сработала.

Наталья Даценко, Киев: *Если ООН является «ширмой», то не нужно ли ее убрать, чтобы решать проблемы иначе?*

И. Грецкий: У меня был опыт бесед с сотрудниками ООН, и все они признавались: «Да, есть проблемы с контролем над средствами, но без ООН до условной Ботсваны ничего бы не дошло. Да, есть какая-то иллюзия,

что ООН чем-то занимается, но вряд ли с исчезновением ООН стало бы лучше». И вот это «да, но...» — оно всегда присутствует, когда мы говорим про ООН.

То есть да, это ширма, но без нее было бы хуже. А что взамен?..

Абдулхамид, Прага: *Учитывая, что в ООН в основном представлены правительства стран, может быть, предложить такое решение: организовать общественные движения в каждой стране под эгидой ООН? И это было бы более эффективно.*

И. Грецкий: Вообще подобные идеи предлагались еще в Хельсинки в 1975 году. Проблема заключается только в том, что даже те страны, которые поставили свои подписи под заключительным Хельсинкским актом, сейчас видят в таких движениях угрозу своему режиму. Когда другие страны напоминают им про то, что «ну вы же как-то согласились с этим — с “третьей корзиной”...», ответ такой: «Это вмешательство во внутренние дела».

Поэтому здесь мы снова упираемся в солидаристский и плюралистический подход. То есть многие страны с авторитарными по сути системами стоят на том, что «да, у нас суверенная страна, не лезьте к нам со своими советами, мы как-нибудь сами разберемся. Да, у нас вертикаль власти, но мы сами...». В других странах поддерживают: это неплохая идея. Почему бы и нет? Там, где нет политической конкуренции, где есть проблемы с независимостью СМИ, ООН была бы хорошим «зонтиком» для тех, кто был бы таким watchdog, мониторил бы ситуацию с правами человека. И к его голосу бы прислушивались.

Так что у вас абсолютно правильная идея. Но в авторитарных странах имплементировать это проблематично.

Идея хорошая, классная. Но она должна быть воспринята. А ее имплементация зависит от элит. И она должна еще быть как-то легитимизирована, преподнесена населению. С тем, чтобы преподнести, наверное, проблемы не будет, потому что все государства — члены ООН. Проблема — в элитах.

Ольга, Минск — Вильнюс: *С 2020 года мы фиксировали пытки: сначала на Окрестина (комплекс мест заключения в Минске. — Прим. ред.), потом в СИЗО, в колониях. Это огромный пласт свидетельств, документации. Была даже попытка ООН создать комиссию, которая бы направилась в пенитенциарное заведение для контроля происходящего. У нас есть человек, который умер в колонии, — Витольд Ашурук, причина смерти не установлена. Вопрос: чего белорусы еще не попробовали и что вообще можно сделать в рамках миссии ООН? Мы очень много всего собираем, но применить это не можем, к сожалению. Понятно, что в Беларуси никого не пустят, но делать ведь что-то нужно.*

И. Грецкий: Я здесь с вами абсолютно согласен: делать что-то нужно. Но без согласия правящего режима миссия ООН в пенитенциарное заведение никогда не попадет. Усилить давление на режим, который фактически самоизолирован или изолирован другими странами, оказать серьезное давление не получится. Вооруженное вмешательство исключено.

Есть группа стран, для которых пытки «не являются проблемой». Они поддерживают друг друга и постоянно ссылаются на то, что «есть суверенитет».

Я все-таки считаю, что о пытках прежде всего нужно продолжать говорить. Нужно, чтобы это было на виду. Это делегитимизирует власть режима.

Это единственное, что можно сейчас сделать. И говорить об этом на форумах ООН в том числе.

Саша Гущина, Минск — Вильнюс: *Вы сказали, что в ООН избегают каких-то категоричных, точных формулировок, стараются формулировать обтекаемо, чтобы можно было по-разному интерпретировать.*

Тема нашей беседы — реформы. Может быть, пришло время начинать реформы с того, чтобы, грубо говоря, «отвечать за базар» и все-таки использовать какие-то категоричные формулировки и брать за них ответственность? Не смещать акценты на то, что «мы не можем оказать помощь Беларуси, потому что вы там недостаточно выходили и недостаточно обозначили и вас там пытали немножко, но недостаточно».

Может быть, все-таки пора начинать делать какие-то точные формулировки и планировать какие-то действия, исходя из них? Может быть, все-таки пытать своих граждан дубинками в тюрьме или врываться в другое суверенное государство и убивать там тысячи людей — это все-таки должно иметь какие-то последствия на мировой арене?

И. Грецкий: Очень хороший вопрос. Я на него ответил бы так. Во-первых, ООН не является рецептом для всех ситуаций. ООН не является таким универсальным средством, когда можно было бы сказать: «Беларусь, вы являетесь членом ООН, вы взяли на себя обязательства, и правительство должно это дело соблюдать!»

Вот создали Международный уголовный суд. Не все страны ратифицировали его устав. Это проблема. Проблема, как привлечь к ответственности. Причем компетенция у этого суда очень узкая. Вот вы как раз говорили про геноцид — там все это есть. Но если страна не ратифицировала устав, то привлечь ее к ответственности в рамках Международного уголовного суда невозможно. Потому что будет нарушен принцип состязательности судебного процесса. Сторона, которая обвиняется, должна принимать участие в судебном процессе. Если она не

ратифицировала устав и вообще не является участником этого суда, отказывается присутствовать на заседании — как ее судить?

Внутри ООН нет всех тех возможностей, которые были бы способны решать проблемы ответственности правительства за все те действия, которые оно совершает. К сожалению, этого нет.

Юрий Таубкин, Беларусь — Вильнюс: *Мои соотечественницы уже задали достаточно очень хороших вопросов. У меня вопрос такой: есть какие-нибудь успешные кейсы ООН в подобных ситуациях?*

И. Грецкий: Справедливый вопрос. ООН всегда говорит о миротворческих операциях и гуманитарных миссиях, направляемых, как правило, в небольшие страны Африки, Латинской Америки, в бывшую Югославию. На Ближнем Востоке не так много успехов.

Босния и Герцеговина. Сомали. В Ираке есть миссия ООН. Это те кейсы, которыми ООН гордится. Однако когда дело касается интересов пяти постоянных членов, давайте честно скажем: успехов нет.

Дмитрий Пискунов, Россия: *Подразумевается ли под концепцией Responsibility to protect принятие решения о начале операции в обход Совета Безопасности? Почему Responsibility to protect сработала в Ливии, притом что там вроде тоже есть интересы у постоянных членов Совета Безопасности? Почему это не сработало, например, в Мьянме? И как принималось решение по Ливии, то есть долго ли, мучительно ли?*

И. Грецкий: По поводу Ливии есть нюансы. Это не совсем то, что имел в виду Кофи Аннан. Он считал, что как раз главной проблемой и препятствием на пути принятия решений является столкновение интересов постоянных членов. И чтобы не затягивать, не терять время (здесь Кофи Аннан явно следует за Бутросом Бутросом-Гали), должен быть какой-то постоянный контингент, который можно направлять в зону конфликта. Он должен был, по идее, состоять из добровольцев, чтобы у них связь со своим государством была минимальной, условной. Не так чтобы министр обороны, скажем, Шойгу напутствовал: «Сейчас вы будете направлены в горячую точку, но не особенно там вмешивайтесь!» Или наоборот: «Старайтесь как-то себя проявить!»

Чтобы этого не было, чтобы связь с государством, повторяю, была бы формальной, этот контингент должен был формироваться на добровольческой основе.

И второй момент по Ливии. Там все-таки не совсем Responsibility to protect была. Там были использованы другие нарративы. Причем Россия их оспаривает, заявляя, что та резолюция, которая была принята, не совсем давала мандат на то, что произошло. Когда режим в итоге свергли и страна, по сути, распалась, о чем наши дипломаты говорят и по сей

день: «Посмотрите, во что вы превратили Ливию! Там 138 племен, и все друг с другом враждуют! А была единая страна. Да, были недостатки. Но мы на это не подписывались! Это не Responsibility to protect».

У Кофи Аннана идея заключалась в том, что как раз решение о вмешательстве должно было приниматься без участия Совета Безопасности.

И. Берёзкина: Я позволю себе комментарий. ООН, которая есть сейчас, — это ООН, которую мы заслужили. Потому что ООН создавалась как абсолютно уникальный институт и как шаг человечества вперед, чтобы не было войн, бедности, как институт, который должен был служить человечеству. И если она бюрократизировалась, то это цена, которую платит общество, воспринимавшее работу этого института как должное, но не участвовавшее в этой работе и вообще не очень интересовавшееся тем, что там происходит. Поэтому процесс бюрократизации и эрозия здесь кажутся мне абсолютно естественными.

Я не могу не сказать снова про кампанию, о которой мы упоминали вчера. Школа поддержала кампанию «We the Peoples». Это глобальная гражданская кампания, в которую уже включилось более 200 гражданских организаций по всему миру и 133 представителя парламентов разных стран, требующая реформы ООН.

Завтра в рамках недели ООН будет круглый стол, который мне выпал жребий вести. Этот круглый стол можно будет потом посмотреть в записи. В нем будут участвовать Democracy International, CIVICUS, Democracy Without Borders, Coalition for the UN We Need, гражданские организации, которые являются ее движущей силой. И Школа — одна из таких организаций.

Ю. Сенокосов: Я думаю, наше упование на Организацию Объединенных Наций, как и наше упование на Бога, должно быть настолько полным, чтобы не оставалось надежды на их участие в наших делах. Но не забывая, что надежда на Бога равносильна при этом двум другим добродетелям — вере и любви.

Е. Немировская: А я хочу сказать искреннее спасибо Игорю за выступление. Я слушала внимательно и вдруг поразились: ведь на самом деле ООН отражает все неравенство разнообразного мира, который она призвана объединять, не забывая о правах человека.

*Андреас Буммель,
соучредитель
и директор организации
«Демократия без границ»*

*По направлению к глобальной политической интеграции: время Всемирной парламентской ассамблеи**

Современная система международного права и межгосударственных институтов не соответствует уровню решений, которые требуются на глобальном уровне для ответа на общие для человечества острые вопросы XXI века. Для осуществления Великого перехода к социально справедливому и экологически устойчивому миру необходимо обсуждение смысла федеративного мирового правительства, а также утверждение необходимости его демократической природы. Только всемирный парламент способен обеспечить демократическую легитимность и «планетарную перспективу» для учреждения мирового правительства. Создание такого нового института зависит от взаимоотношений между культивируемым чувством глобальной гражданственности и распространением демократизации на национальном уровне, а также от дерзновенных общественных движений, выступающих за демократическое мировое правительство.

Состояние мира

Впервые в истории сложная, разветвленная сеть взаимосвязей и взаимозависимости объединила в наше время человечество в единую мировую систему.

Наше сегодняшнее коллективное благополучие основывается на надежном предоставлении общественных благ и регулировании глобальных систем, таких как снабжение продовольствием, торговля, финансы, климатическая стабильность, профилактика заболеваний, мир и безопасность. В то же время

* https://greattransition.org/images/GTI_publications/Toward-Global-Political-Integration.pdf

получение необходимых средств для достижения этих целей стало проблемой глобального масштаба, усугубляемой в том числе уклонением от налогов со стороны крупных компаний и лиц с большими личными состояниями посредством международных налоговых убежищ и анонимных подставных компаний, что само по себе способствует увеличению разрыва между сверхбогатыми и неимущими.

Однако человечество едино не только в задачах, но и в своих чаяниях. В результате индустриализации и модернизации (наряду с повышением уровня жизни и образования) укореняются ценности, стимулирующие стремление людей к самоопределению, свободе, терпимости и демократии. В обществах с высокими доходами нарождается культурная тенденция к постматериалистическим ценностям. Взаимозависимость и взаимосвязанность всех жителей планеты, наряду с растущим осознанием общих проблем и факторов риска, способствуют формированию «планетарной перспективы», чувства гражданской позиции в мире и глобальной солидарности.

Постепенно формируется планетарная цивилизация, но эволюция социально-политического и правового порядка все еще остается на «пред-планетном» уровне. Исходя из парадигмы суверенных территориальных государств, существующая система международного права и межправительственных учреждений, по сути, неспособна к принятию решений и управлению в планетарных масштабах. Преодоление этого опасного несоответствия представляется жизненно важной частью Великого перехода к устойчивому, жизнеспособному, справедливому и мирному глобальному порядку.

Международное право и мировое право

Вестфальская система межгосударственных отношений, основанная на принципе суверенных государств, представляется недейственной и бесплодной в решении наиболее актуальных вопросов формирующейся планетарной цивилизации. Некоторое время после Второй мировой войны концепция федерального мирового правительства пользовалась значительной общественной и интеллектуальной поддержкой, но исчезла из дискуссий на международном уровне с наступлением холодной войны. Принимая во внимание глобальную природу стоящих перед человечеством проблем, сегодня можно ожидать возобновления дебатов о развитии и строении мирового правительства.

Процесс формирования планетарного государства, развитие наднациональной системы управления и возможные формы мирового правительства — это поистине сложные вопросы. Однако создание глобального парламентского органа может по двум причинам оказаться наиболее значимым элементом стратегии управления такими процессами. Во-первых, глобальный парламент представляет собой неотъемлемую часть институциональной архитектуры всемирной политической

интеграции. Во-вторых, он может стать ключевой силой и культурной инновацией, которые необходимы для осуществления последовательной политической интеграции.

В настоящее время международное право не имеет официальной правовой базы. Не существует общеобязательной системы законотворчества, не существует действенного механизма урегулирования споров

в судах, равно как и средств обеспечения соблюдения норм права и правоприменительной практики — тех самых элементов, которые бы характеризовали всемирное право в отличие от современного международного права. Международное право основывается на межправительственных договорах, к которым вольны присоединиться государства, тогда как всемирное право будет иметь универсальную обязательную силу для госу-

дарств, а также (в принципе) для отдельных лиц и корпораций. Как отметил в 1966 году Гренвилл Кларк, слово «закон» подразумевает право всемирного органа власти, которое было бы единообразно применимо ко всем странам и всем гражданам¹. Структура глобального процесса принятия решений — процедуры, участники, сфера применения — будет определять степень демократического охвата, подотчетности и эффективности такого органа власти. Мировое право требует определенной степени легитимности, которая достижима только через законодательный орган, демократически избранный гражданами мира.

Мировое право основывается на идее мирового гражданства, которая подразумевает, что все люди признаются в качестве равных юридических субъектов, наделенных основными правами и обязанностями. Право голосовать на свободных и справедливых выборах во всемирный парламент представляется определяющей чертой такой концепции и ее наиболее символическим выражением. В международном праве преобладают национальные интересы, в то время как в мировом праве речь идет о планетарных интересах. Мировое право предполагает единство человечества как естественного коллектива всех людей и соотносится не только с индивидуальным благополучием, но и благополучием и выживанием всего человечества как вида и его естественной среды обитания. По мере развития социальных и экологических условий орган демократически избранных представителей всего мира стал бы механизмом выявления насущных интересов человечества.

Следовательно, распределение мест (и полномочий) в глобальном парламенте в конечном итоге должно подчиняться принципу «один человек, один голос», а решения должны основываться на квалифицированном большинстве, так чтобы они были обязательными к исполнению нормами мирового права. Глобальная законодательная система,

Мировое право требует определенной степени легитимности, которая достижима только через законодательный орган, демократически избранный гражданами мира

вероятно, должна быть двухпалатной и состоять из избранного гражданами парламента и органа, представляющего государство, аналогично сегодняшней Генеральной ассамблее ООН; обе палаты обязуются соблюдать нормы, установленные большинством в две трети голосов. Возможно, порог должен быть установлен на еще более высоком уровне.

ПА ООН станет первым шагом на долгом пути к образованию всемирного парламента.

Нормотворчество в международном праве, напротив, основано на консенсусе и принципе «одно государство, один голос». Международные договоры зачастую неэффективны, поскольку они представляют собой, так сказать, наименьший общий знаменатель национальных интересов. Принятие решений на основе консенсуса означает, что одна сторона может заблокировать решение, и поэтому должны быть согласованы интересы всех сторон. Кроме того, ратификация международных договоров зачастую происходит медленно, а государства-участники нередко принимают их с оговорками.

В системе международного права уже можно обнаружить зачатки мирового права. К ним относится, например, универсально обязательный характер решений Совета Безопасности Организации Объединенных Наций; концепция общего наследия человечества в морском праве; механизм урегулирования споров во Всемирной торговой организации; Международный уголовный суд, который осуществляет судебное разбирательство в отношении лиц, подозреваемых в совершении особо тяжких преступлений, и формирующийся принцип обязательства по защите, который обеспечивает основу для вмешательства международного сообщества в дела о геноциде и других нарушениях прав человека.

Развитие всемирного парламента

Очевидно, что развитие мирового права и учреждение всемирного парламента — это достаточно длительный процесс. Когда после окончания холодной войны вернулась к жизни идея Парламентской ассамблеи ООН (ПА ООН), таковая рассматривалась не как конечная цель, а как первый шаг на долгом пути к образованию всемирного парламента. За рамками ООН выдвигались и другие концепции, однако они в целом недостаточны с точки зрения широты подхода, требуемого для ПА ООН². Международная кампания за ПА ООН, которая поощряет расширение дискуссий о возможных путях к всемирному парламенту, пользуется поддержкой широкого круга отдельных лиц и учреждений более чем в 150 странах, причем среди сторонников Парламентской ассамблеи 1500 действующих и бывших членов парламента и ведущих ученых в различных областях знания³.

На первом этапе ПА ООН будет в основном совещательным органом, состоящим из членов национальных парламента. Парламентская

ассамблея может быть учреждена Генеральной ассамблеей ООН в качестве вспомогательного органа без изменения Устава ООН или же создана для решения конкретных вопросов (например, в области климатической политики) под эгидой Ассамблеи государств — участников Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Так или иначе, сфера компетентности и полномочия, а также демократическая легитимность Ассамблеи будут со временем расширяться.

Богатым источником наглядных примеров в этой связи может служить история Европейского парламента, выросшего из учрежденной в 1952 г. Общей ассамблеи Европейского объединения угля и стали. Пять лет спустя, когда были основаны Европейское сообщество по атомной энергии и Европейское экономическое сообщество, Общая ассамблея была преобразована в состоящий из национальных парламентариев Европейский парламент, выступавший общим органом трех европейских сообществ. По мере расширения полномочий европейских сообществ возрастала и необходимость повышения их демократической легитимности. Частично эта задача была решена путем укрепления Европейского парламента. В 1975 г. Европейский парламент был наделен полномочиями определять бюджеты Европейского сообщества. Наконец, в 1979 г. были введены прямые выборы. Вместе с Советом ЕС Европейский парламент выступает сегодня законодательным органом Европейского союза.

Конечно, европейская интеграция никогда не была линейным процессом. История объединенной Европы знает множество кризисов. Последней неудачей стал недавний референдум по Брекзиту, во время которого, в силу небольшого перевеса голосов евроскептиков, было принято решение о выходе Соединенного Королевства из ЕС. Несмотря на исследования, показывающие, что в среднем 67% европейцев считают себя гражданами Европейского союза, остается проблематичным доверие к ЕС как к институту. Например, только 43% европейцев доверяют Европейскому парламенту. Однако доверие к *национальным* парламентам еще ниже — последний показатель составил в среднем только 31%⁴. Следует заключить, что без демократической легитимности, обеспечиваемой Европейским парламентом, интеграционные процессы за последние три десятилетия не могли бы продвигаться так далеко.

В решающие минуты истории Европейский парламент не раз помог преодолеть кризис, способствуя решению задач посредством голосования квалифицированного большинства. ПА ООН сможет играть аналогичную роль в глобальных делах. Как и в Европейском парламенте, члены Ассамблеи будут группироваться в зависимости от их политических взглядов, а не от географического происхождения. Участие меньшинств и членов оппозиции в деятельности Ассамблеи поможет преодолеть критику дефицита демократии со стороны межправительственных органов.

Проект новой глобальной архитектуры управления и мирового права подлежит обсуждению и утверждению на демократическом, открытом, инклюзивном глобальном форуме. Поучительным примером может служить Конгресс о будущем Европы, на котором в период 2002–2003 гг. публично обсуждался проект Договора о Европейской конституции. Участниками конгресса были не только представители правительств, но и национальные и европейские парламентарии. В глобальном масштабе ПА ООН могла бы стать как движущей силой такого процесса, так и одним из его ключевых компонентов.

Элементы переходного сценария

Создание институтов и формирование социальной сплоченности и идентичности — это взаимозависимые процессы: один не может развиваться без другого. С одной стороны, планетарная перспектива может стать предварительным условием для развития Всемирной парламентской ассамблеи. С другой стороны, такая Ассамблея предстает важнейшим средством возникновения и распространения планетарной перспективы. В конце концов ПА ООН станет первым институтом в истории человечества, призванным представлять граждан мира как таковых. Избранный всемирный парламент придаст осязаемую реальность и смысл понятию мирового гражданства. В качестве важного, пусть и не единственного, шага на избранном пути ПА ООН могла бы способствовать укреплению планетарной перспективы, что в свою очередь создало бы предпосылки для призыва к укреплению ПА ООН и так далее.

Граждане, как представляется, более прогрессивны в международных вопросах, чем их собственные правительства

Международные опросы свидетельствуют, что для первых шагов в указанном направлении уже существует достаточная поддержка населения стран мира, которая сохраняется, несмотря на новую волну ксенофобии и националистических сил на правом фланге. Препятствия в основном чинят национальные элиты, особенно бюрократы министерств иностранных дел. Граждане более прогрессивны в международных вопросах, чем их собственные правительства. Недавние исследования общественного мнения показали, что большинство граждан во всех странах поддерживают жесткое регулирование торговли оружием, международную ответственность по защите граждан от серьезных нарушений прав человека со стороны правительств, ликвидацию ядерного оружия (в том числе граждане ядерных держав), увеличение государственных расходов на борьбу с голодом и нищетой в мире и активизацию усилий по смягчению последствий изменения климата⁵.

В опросе, проведенном в 2004–2005 гг. в восемнадцати странах, который охватил 61% населения мира, в среднем 63% респондентов

поддержали «учреждение нового парламента ООН, который состоял бы из представителей, непосредственно избранных гражданами, и обладал полномочиями, сопоставимыми с полномочиями современной Генеральной ассамблеи ООН»⁶. Недавний опрос показал, что фактически каждый второй из респондентов в четырнадцати странах (49% опрошенных) видит себя скорее гражданином мира, нежели гражданином тех или иных стран⁷.

Автор трудов по теории демократии Роберт Даль упоминает о трех больших трансформациях в истории демократии⁸. Первый переход произошел около 500 лет до Р.Х., когда автократические города-государства в

*Существенно важно
закладывать фундамент
будущего сообщества в
контексте осведомленности,
ценностей и политики*

Греции превратились в первые политические системы с элементами демократического принятия решений. Следующие две тысячи лет демократия отождествлялась с небольшими городами-государствами и непосредственным участием граждан в общественных делах. Положение изменилось со второй трансформацией, в XVIII

веке. В ходе американской и французской революций принцип демократии был расширен до крупных территориальных государств с идеей демократического представительства. С тех пор демократия продолжает движение именно по этому пути.

В наши дни назревает третья трансформация. По мере роста глобальной взаимозависимости, когда суверенным государствам, действующим по отдельности или даже совместно, все сложнее или даже невозможно решать критически важные вопросы, характер традиционных правительств и нормотворчества должен меняться. Транснациональные правительственные сети уже выполняют функцию системы мирового управления. Демократия должна быть расширена до масштабов планеты.

Главное политическое препятствие для третьей трансформации заключается в том, что вторая трансформация еще не завершена. Демократические выборы во всемирный парламент пока невозможны в странах, которые не следуют процедуре демократических выборов в свои национальные парламенты. Полноценный всемирный парламент и демократическая система мирового права зависят также и от достижения приемлемого уровня демократического управления во всех крупнейших странах.

Создание Всемирной парламентской ассамблеи и успешный переход к демократической системе мирового права будут зависеть от сложного взаимодействия различных факторов, таких как рост планетарного мировоззрения, возрастающее значение постматериалистических ценностей и развитие глобального среднего класса. Исследования показали, что по мере повышения уровня жизни отдельные граждане и общества

Никита Кадан. Работа с выставки «Кости перемешались». 2016

обращают все больше внимания на «эмансипативные» и «неэкономические» ценности, в большей степени принципам демократии, экологической устойчивости и социальной справедливости⁹.

Движение за всемирный парламент нуждается прежде всего в постоянной политической и информационной поддержке. Правительства вряд ли станут придерживаться такого вектора, не увидев без достаточной народной вовлеченности, включая массовые петиции, адресованные правительствам и политическим лидерам. Дело глобальной демократизации и создания всемирного парламента может оказаться в средоточии общественных движений, играя ведущую роль в массовых протестах и демонстрациях. Подобное предположение не надуманно. Во время протестов в Сиэтле в 1999 г. одним из лозунгов было требование «Нет глобализации без представительства». Мобилизация народной поддержки и обеспечение высокого общественного внимания к нашему предмету — основная задача глобального движения граждан.

Кроме того, развитие всемирного парламента должно быть положительно воспринято просвещенными и прогрессивными элементами глобальной элиты. Мотивация представителей элиты может выходить за рамки узких личных интересов (например, стремления избежать критических нарушений в мировой системе), отражая изменения ценностной парадигмы на индивидуальном уровне. Следует ожидать, что рано или поздно некоторые части мировой элиты воспримут подлинно планетарную перспективу.

Невозможно исключить и тот факт, что к историческому прорыву приведут события катастрофического характера. Сложно сказать, какими могут быть обстоятельства — очередной глобальный финансовый кризис, непредсказуемые и экстремальные климатические изменения, террористический акт или ядерный инцидент. Существенно важно закладывать фундамент будущего сообщества в контексте осведомленности, ценностей и соответствующей политики, что позволит предпринять необходимые шаги в правильное историческое время и вне зависимости от сочетания сил и факторов, нарушающих статус-кво.

Примечания

¹ Grenville Clark and Louis Sohn, *Introduction to World Peace Through World Law: Two Alternative Plans*, 3rd ed. (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966), xv.
² Dieter Heinrich, *The Case for a United Nations Parliamentary Assembly* (1992; repr., Berlin: Committee for a Democratic UN, 2010).

² Так, Ричард Фальк (Richard Falk) и Эндрю Штраус (Andrew Strauss) полагают, что всемирный парламент может сформироваться на основе напрямую избранной ассамблеи в соответствии с международным соглашением представительной группы из примерно тридцати демократических государств. См. сборник трудов: *A Global Parliament: Essays and Articles* (Berlin: Committee for a Democratic UN, 2011).

³ См. www.unpacampaign.org. Кампания началась в 2007 г. К числу учреждений, выразивших поддержку целям кампании, относятся многочисленные организации гражданского общества, парламенты, международные парламентские ассамблеи и партийные сети. Например, резолюцию в поддержку приняли Панафриканский парламент, Европейский парламент и Латиноамериканский парламент, равно как и Социалистический интернационал, Либеральный интернационал и Глобальные зеленые. На личном уровне кампанию поддерживают также Ричард Фальк и Эндрю Штраус, выступающие за альтернативный подход к формированию Ассамблеи.

⁴ European Commission, *Standard Barometer 83: European Citizenship* (Brussels: European Commission, 2015), 15; European Commission, *Standard Barometer 83: Public Opinion on the European Union* (Brussels: European Commission, 2015), 66, 103.

⁵ См. Council on Foreign Relations, ed., *Public Opinion on Global Issues: A Web-Based Digest of Polling from Around the World* (New York: Council on Foreign Relations, 2009); Steven Kull, "Listening to the Voice of Humanity," *Kosmos Journal* (Spring–Summer 2010): 26–29.

⁶ Council on Foreign Relations, ed., *Public Opinion on Global Issues*, 7.

⁷ GlobeScan Incorporated, "Global Citizenship A Growing Sentiment Among Citizens Of Emerging Economies: Global Poll," press release, April 27, 2016, <http://www.globescan.com/news-and-analysis/press-releases/press-releases-2016/383-global-citizenship-a-growing-sentiment-among-citizens-of-emerging-economies-global-poll.html>

⁸ Robert Dahl, *Democracy and Its Critics* (New Haven, CT: Yale University Press, 1989), 311ff.

⁹ О «процессе расширения прав и полномочий», основанном на результатах социологического исследования ценностей (World Values Surveys), см. Christian Welzel, *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation* (New York: Cambridge University Press, 2013).

Поэзия мышления*

Два десятилетия спустя после начала XXI века приходится признать, что современный мир в очередной раз оказался на пороге глубокого кризиса. Многообразные формы всего того, что воспринимается нами в качестве переживающего кризисное состояние, можно перечислять очень долго: экологический кризис, пандемия, усугубляющаяся дестабилизация мировой финансово-экономической системы, кризисное состояние демократии, рост этнического и религиозного радикализма, кризис образования...

Все это находится в разительном контрасте с теми ожиданиями, с которыми еще не так давно мы встречали очередной, XXI век, в этот раз совпавший с наступлением нового, третьего тысячелетия.

И следует отметить, что основания для этих ожиданий, казалось бы, выглядели более чем достаточными. Позади осталась холодная война, которая на протяжении многих лет сопровождалась рискованной конфронтацией двух мировых систем, разрушились вековые скрепы колониализма, произошло объединение Германии, на руинах распавшегося Советского Союза во вновь образованных на его территории государствах возникли ожидания позитивных социальных преобразований. В дополнение ко всему впечатляющие технологические достижения, невиданные до сих пор и столь радикально трансформирующие нашу жизнь, внушали нам уверенность в том, что мир находится на пороге нового этапа своего, столь издавна ожидаемого прогрессивного развития...

Крайне тревожным и печальным, однако, является то, что в очередной раз мы оказываемся перед обстоятельствами, которые застigli нас врасплох, описываем и комментируем происходящее, в то же время по-прежнему наивно уповая на неизбежность

*Анатолий Михайлов,
основатель Европейского
гуманитарного
университета*

* Статья написана на основе выступления на семинаре Школы в Вильнюсе 16 июля 2022 г.

преодоления вызовов, с которыми сталкивается современная цивилизация, при этом применяя средства, которые и способствовали современному тревожному положению дел в мире.

Возникает вопрос: как произошло, что Европа и западный мир в целом так и не сумели извлечь должных уроков из многочисленных предостережений выдающихся мыслителей и, которые предвидели опасные симптомы истощения и постепенной деградации великой культуры,

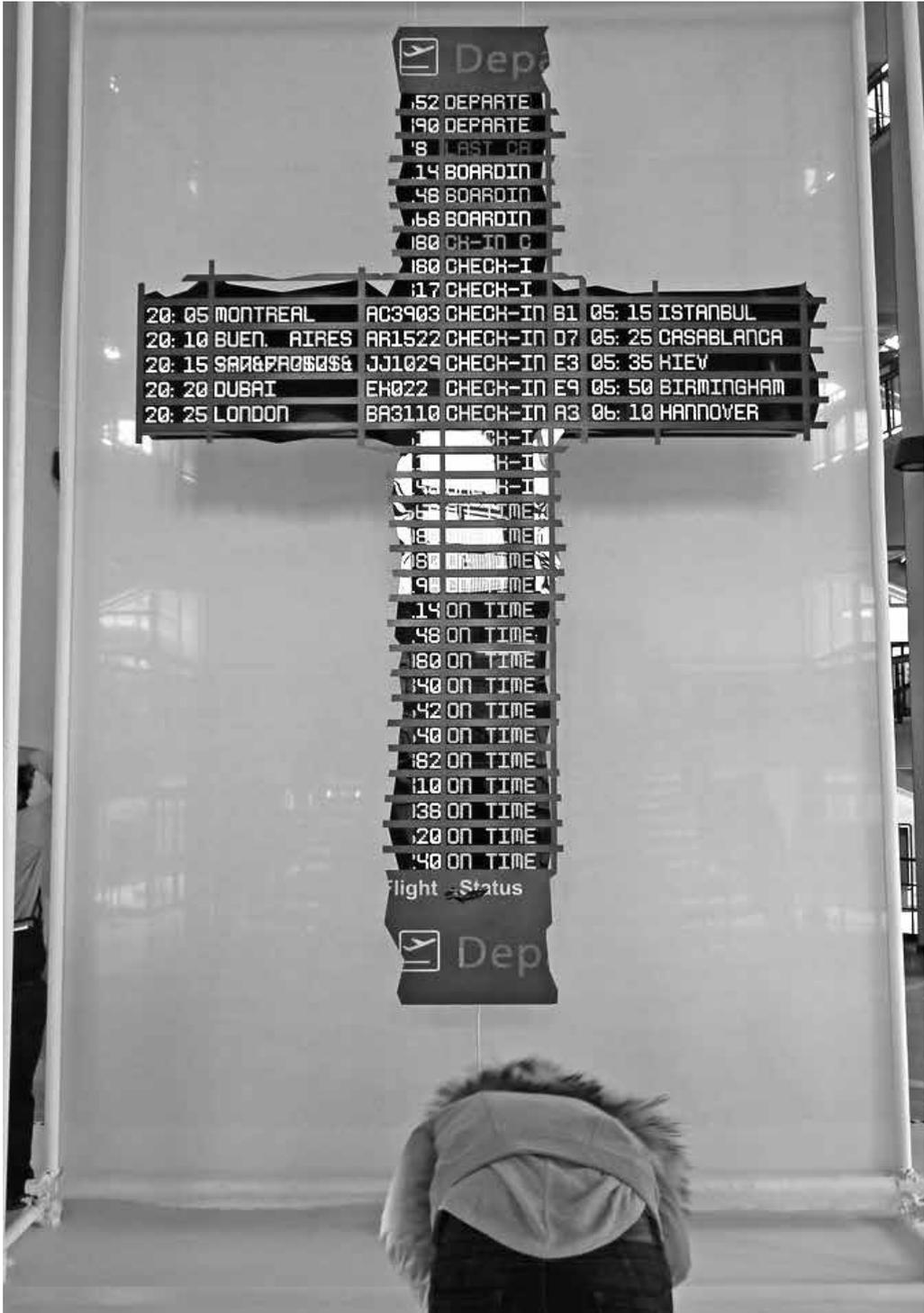
Как произошло, что Европа и западный мир в целом так и не сумели извлечь должных уроков из многочисленных предостережений выдающихся мыслителей и предотвратить наступившие Европу в XX веке катастрофы?

насчитывающей более двух с половиной тысяч лет и явившей миру замечательные образцы науки, техники и искусства, тем не менее, как известно, не сумевшей предотвратить наступившие Европу в XX веке катастрофы? По-видимому, одними из причин, почему такого рода уроки не были извлечены к началу XXI столетия, являются не только иллюзии, связанные с трансфор-

мациями, которые произошли в начале 90-х гг. прошлого века и были связаны с распадом Советского Союза и прекращением холодной войны, но и утрата способности самой интеллектуальной традиции как таковой, обращенной к осмыслению нашего существования в мире, быть критичной по отношению к своему собственному состоянию. В результате этого столь желанные события последнего десятилетия прошлого века лишь усугубили наши чрезмерные и неоправданные ожидания: они были истолкованы в качестве неизбежности триумфа демократического образа жизни, который с этого момента, как предполагалось, должен был быть распространен и в глобальных масштабах. При этом в значительной мере был игнорирован тот факт, что сама европейская интеллектуальная традиция уже к началу прошлого, XX века стала осознаваться в качестве нуждающейся в своем радикальном обновлении — процессе, который, несмотря на свой неизбежно болезненный характер, является всегда условием существования и выживания культуры как таковой.

Цена такого рода интеллектуальной беззаботности и отсутствия чувства ответственности по отношению к причастности каждого из нас за все происходящее вокруг может оказаться непомерно высокой, и существует реальная угроза того, что чувство безысходности и парализующий наши волевые усилия пессимизм, которые сменили неоправданно восторженные ожидания совсем недавнего времени, могут одержать верх.

Между тем утрата прежних иллюзий и ожиданий обретает все более тревожные черты. Можно ли было себе, например, представить в последней четверти XX века появление книг с такими апокалиптическими

Аристарх Чернышев и Алексей Шульгин. Большой говорящий крест. 2011

и вызывающими широкий резонанс названиями, как, например, «Конец Запада» (The End of the West, 2011) Дэвида Маркванда или «Странная смерть Европы» (The Strange Death of Europe, 2017) Дугласа Мюррея? Тем самым в XXI веке вновь возрождается настроение, столь радикально выраженное в известном произведении Освальда Шпенглера «Закат Европы», столетие выхода в свет которого отмечается в 2022 году.

Определенным этапом обозначения критического состояния европейской интеллектуальной традиции был XIX век, который посредством гегелевской системы спекулятивного мышления выразил вековую надежду человечества на возможность конечного рационального преобразования действительности. Вместе с тем уже к концу того же века стала постепенно осознаваться иллюзорность этих ожиданий, потрясению которых прежде всего в значительной мере способствовали такие мыслители, как Серен Кьеркегор, Фридрих Ницше и Анри Бергсон. Именно в этом контексте становится понятным столь привлекательный в конце XIX — начале XX в. лозунг возврата к Канту, причем содержание этого лозунга выходит далеко за пределы рамок философии и свидетельствует о признании драматизма самой природы нашего разума, который, как отмечал Кант в первых строках предисловия к первому изданию «Критики чистого разума», осаждают вопросы, «от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума»¹.

Такого рода вопрошание, отмечает Ортега-и-Гассет, присуще только человеку: «Для растения, животного, звезды жить — значит не испытывать ни малейшего сомнения по поводу собственного бытия. Ни один из них не должен каждый миг решать, чем он будет потом. Поэтому их жизнь не драма, а... эволюция»².

Гениальный рассказ Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича» является собой не что иное, как яркую иллюстрацию такой жизни, отличительной особенностью которой было отсутствие потребности задавать вопросы. Сходные ощущения отсутствия способности задавать вопросы даже в тех случаях, когда они касаются важнейших жизненных проблем, возникают при нашей встрече с миром Франца Кафки, в частности, в его рассказе «Превращение», а также в притче из романа «Процесс» — «Перед законом».

В своей статье, посвященной творчеству Мопассана, Лев Толстой подводит итог такой жизни: «И люди живут так поколениями, прикрываясь различными теориями, сочиненными не для того, чтобы узнать истину, а для того, чтобы скрыть ее. И рядовым, в особенности тупым людям, хорошо».

¹ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. М.: Наука, 2006. Т. II. Ч. 2. С. 11.

² Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 447.

Но есть и другие люди — их мало, они редки — такие, каким был Мопассан, которые сами своими глазами видят вещи, как они есть, видят их значение, видят скрытые для других противоречия жизни и живо представляют себе то, к чему неизбежно должны привести их эти противоречия, и вперед уже ищут разрешений их. Ищут их везде... И тщетно стараясь сами одни найти эти разрешения, приходят к убеждению, что разрешений этих нет, что свойство жизни заключается в том, чтобы нести всегда в себе эти неразрешимые противоречия»³.

Это состояние природной недостаточности человека, потребности всякий раз определять нам самим то, кем мы должны стать, притом что, как отмечает Кант, человеку присуща «некоторая порочность», предъясвляет серьезные вызовы к содержанию духовной традиции, способной содействовать формированию «человеческого» в человеке.

В ответ на осознание этих вызовов, с предельной остротой ощущаемых европейской культурой уже в последней четверти XIX века, уместно вспомнить о том, что известный феноменологический принцип Эдмунда Гуссерля *zurück zu den Sachen selbst*, не вполне адекватно выраженный на русском языке как «назад к вещам самим», провозглашенный в самом начале XX века, помимо всего прочего, выражает насущнейшую потребность в обретении нового языка обращения к осмыслению реальности в противовес утратившему свою прежнюю жизненную силу и способному «называть вещи своими именами». При этом речь идет не о каких-то абстрактных «вещах», осмысляемых посредством традиционной теории, подобно тому как это происходит в сфере естествознания, но о насущных экзистенциальных проблемах человеческого существования.

Тем самым феноменология Гуссерля, преодолевая рамки традиционной дисциплинарной философии, свидетельствовала о необходимости радикального переосмысления состояния всей европейской интеллектуальной традиции⁴.

Иными словами, речь идет о духовном мужестве и готовности к преодолению стереотипов мышления с его длительной историей и существующим богатейшим арсеналом понятий, которые уже к началу прошлого века стали осознаваться в качестве скорее заслоняющих и искажающих реальность, чем способствующих столь насущному ее постижению. Это тревожное положение дел в свое время хорошо охарактеризовал еще Ф. Ницше: «Хаос понятий, в котором мы живем, не в переносном, а в буквальном смысле есть тюрьма или сумасшедший дом»⁵.

Как известно, Гуссерль приступает к реализации своей программы трансформации мышления с философии, некогда, при своем

³ Толстой Л. О литературе. М.: Художественная литература, 1955. С. 290–291.

⁴ См. в этой связи примечательный сборник текстов «Называть вещи своими именами».

⁵ Ницше Ф. Полное собрание сочинений. М.: Культурная революция, 2010. Т. 10. С. 140.

возникновении представлявшей собой *целостный* способ не только теоретического постижения мира, но и практического отношения к нему, — опыта *переживания* мира и *поведения* человека в нем, — тем самым философии, еще не превратившейся в сугубо академическую дисциплину.

С предельным драматизмом и горечью Гуссерль был вынужден признать факт утраты философией своего жизненного содержания и ее некогда непререкаемого авторитета, в том числе применительно к тому, что происходило в начале XX века в немецкой философии, не без основания известной своим богатым и выдающимся наследием.

В одном из писем своему коллеге Генриху Риккерту от 25 января 1910 года Гуссерль пишет: «Вообще я испытываю настоящий ужас перед всем тем, что называется философским журналом, то есть в отношении журнальной литературы (особенно немецкой). Когда я перелистываю новый, вышедший в свет номер, я постоянно *испытываю стыд* за то, что выдается здесь за “научную работу”. И я с горечью должен признать определенную правоту плохо скрытого пренебрежения, с которым представители “точных” наук обходятся с философией»⁶.

Нельзя не признать, что современная «дисциплинарная» философия других национальных культур и языков, а также отделившиеся от нее впоследствии отдельные виды гуманитарного знания, претендующие на постижение специфической социальной «реальности», само обозначение которой как в немецком, так и в русском языках (*Wirklichkeit* — действительность) указывает на ее особенный, представляющий собой продукт человеческих действий *неприродный* характер, пребывают в наше время в существенно более тревожном состоянии, чем это имеет место в случае богатейшей по своему характеру немецкой интеллектуальной традиции. Стоит ли в этом случае лишний раз говорить о том, что престиж такого рода «знания», на которое мы все еще вынуждены полагаться, разительно уступает поистине фантастическим достижениям современных естественных наук? И наконец, в какой мере на такого рода «знании» может основываться современное гуманитарное образование?

Инициированный феноменологией Гуссерля процесс радикального реформирования европейского мышления отнюдь не ограничивает себя рамками философии, он являет собой попытку духовного обновления европейской культуры в целом, которая уже более не воспринимается в качестве способной обеспечить само выживание цивилизации.

Продолжающий эту традицию переосмысления фундаментальных оснований европейской культуры и способствующий его выражению в еще более радикальных формах, Мартин Хайдеггер отмечает, что мы

⁶ Гуссерль Э. *Избранная философская переписка*. М.: Феноменология-Герменевтика, 2004. Т. 1. С. 164.

⁷ Heidegger M. *Gesamtausgabe. Band 80.2. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2020. S. 681.*

сталкиваемся в этом случае «с вопросом, предельно обнаженным по своей сути: или *спасение* Европы, или ее разрушение»⁷.

Хосе Ортега-и-Гассет, выдающийся мыслитель, автор пророческих предвидений, все еще недостаточно оцененных нами до сих пор, таких, как «Восстание масс», «Человек и люди», «Идеи и верования», «Вокруг Галилея», отмечает в середине прошлого века, что значительное количество проблем, «терзающих ныне Запад, проистекает из глубокой уверенности человека в надежности своего собственного положения, возникшей — впервые — в XIX столетии»⁸.

Одним из бедствий нашего времени Ортега-и-Гассет считает чудовищное несоответствие между насущнейшими проблемами развития общества и «путаницей и неразберихой, которая царит в людских головах». По его мнению, такие понятия, как закон, право, государство, международные отношения, коллективность, власть, свобода, справедливость и т.д., — те, посредством которых мы проясняем суть общества и общественных отношений, — оказываются в действительности непроясненными и пустыми. Причем, как отмечает Ортега-и-Гассет, неспособность сказать что-либо вразумительное по поводу этих насущнейших вопросов «свойственно не только простым людям. В такой же ситуации находятся и ученые»⁹.

«Никогда не забуду изумления и стыда, — отмечает он, — испытанных много лет тому назад, когда, осознав свое невежество и надеясь все-таки докопаться до сути, я обратился к книгам по социологии. Разочарование было поистине безграничным: во всех трудах по социологии мне так и не удалось найти ни одного вразумительного слова о том, что же такое общество и общественное. Их авторы нимало не позаботились дать читателям ясные представления; больше того, они, по-видимому, вообще не задавались целью разобраться в простейших социологических понятиях...»¹⁰.

Вот как описывает Ортега-и-Гассет состояние тревоги и смятения, которые характеризуют атмосферу европейского сознания середины XX века: «И в газетах, и в кругу друзей, в кафе и в барах люди не просто беседуют, а горячо спорят, вступая друг с другом в острейший конфликт, отстаивая реальности, стоящие за словами. Подобные сражения порой бывают губительными: идет истребление сотен, тысяч, миллионов.

Такие понятия, как закон, право, государство, международные отношения, коллективность, власть, свобода, справедливость, оказываются в действительности непроясненными и пустыми

⁸ Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды*. М.: Весь мир, 1997. С. 491.

⁹ Там же. С. 481.

¹⁰ Там же.

Наивно думать, что сказанное относится к какому-то одному народу. Прежде всего потому, что чудовищные события не ограничиваются отдельными регионами. Нет и нет — эти процессы универсальны. И нарастают они столь стремительно, что в скором времени лишь весьма незначительному числу стран Старого и Нового Света удастся избежать их пагубного влияния»¹¹.

По истечении двух десятилетий XXI века приходится признать, что эти тревожные пророчества обретают в наши дни свои, еще более опасные контуры. Мы живем в эпоху, когда формирующееся массовое «сетевое» сознание становится все менее поддающимся пониманию того обстоятельства, что нынешний мир в эпоху глобализации становится все более утрачивающим возможность воспринимать подлинную серьезность тех вызовов, с которыми сталкивается современное человечество.

Эта уверенность в возможность решения невиданных до сих пор проблем, столь глубоко укорененная, что ее не смогли поколебать даже трагические потрясения XX века, не позволяет нам свести дело к традиционной интеллектуальной полемике и соблазну противопоставить тому, что воспринимается в качестве несостоятельного, нечто иное, альтернативное, более убедительно и основательно аргументированное.

Иными словами, речь идет о необходимости обращения к истокам становления человеческой культуры и обнаружении в них живительных начал, которые в силу определенных обстоятельств утратили свою силу.

Известный с эпохи Античности призыв познания самого себя при всей своей очевидной непреложности в действительности крайне редко находит свое подлинное практическое воплощение. Нам очень трудно соотнести его с признанием своей собственной несостоятельности, от рождения предопределяемой отсутствием фиксированного генетического кода, достаточного для реализации нашего существования, и прийти к осознанию того, что каждый из нас лишь *потенциально* обладает определенными шансами для компенсации этой природной недостаточности. Это означает, что каждый из нас сталкивается с проблемой реализации себя лишь посредством необходимых и предельных по своей напряженности для этого усилий. Иными словами, мы не просто «есть», подобно тому как существуют вещи природного мира, того, что в Античности обозначалось посредством понятия *physis* и являлось предметом единой науки — физики; присущий каждому из нас способ существования требует иных, в отличие от научного познания, средств постижения, которые никогда не находятся в готовом для нашего использования распоряжении.

Вместе с тем «познанию» самого себя предшествует в качестве безусловного необходимого требование «увидеть» самого себя в том

¹¹ Там же. С. 480.

фактическом состоянии, в котором мы неизбежным образом находимся, испытывая на себе воздействие не зависящих от нас обстоятельств внешней среды. Нельзя не признать, что такого рода усилие слишком часто рискует быть уподобленным, в силу своей потенциальной тщетности, известным попыткам барона Мюнхаузена, пытавшегося вытащить самого себя за волосы из болота, и оно неизбежно сопряжено с риском дестабилизации нашей привычной уверенности в достаточности своего собственного комфортного состояния. Именно на это обстоятельство обращает внимание Фридрих Ницше в своей книге «Так говорил Заратустра», задавая вопрос: «Разве смотреть в самого себя не значит смотреть в пропасть?»

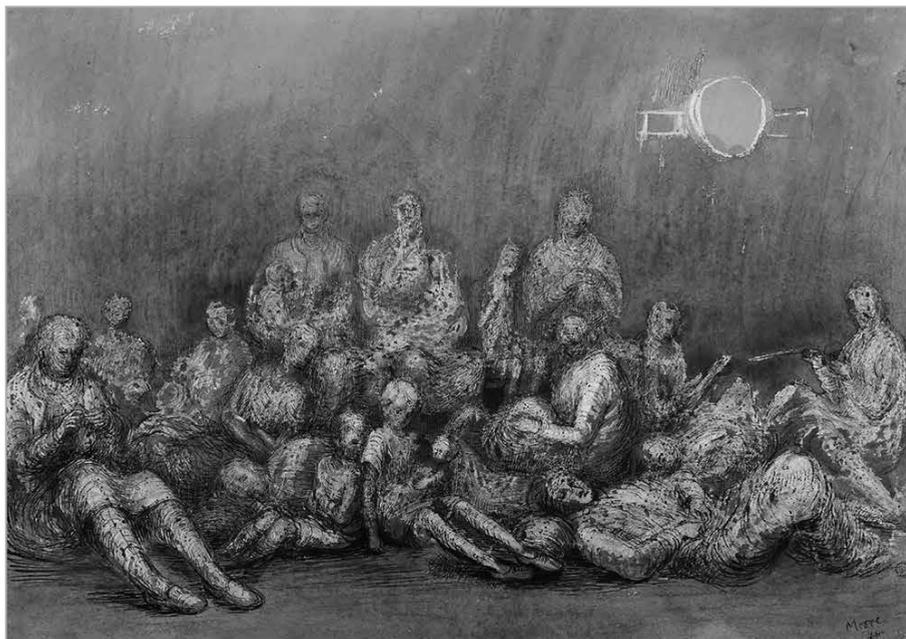
Таким образом, само восприятие жизни с античных времен осознается в европейской традиции, в то время формировавшей себя как результат взаимодействия различных факторов культуры Древнего Египта, Вавилона и Востока в целом, по отношению к которым Греция обнаружила свою удивительную восприимчивость в качестве *задачи и вызова*, по отношению к которым человек никогда не обладает необходимым оснащением, данным ему от природы. Именно поэтому уже в античную эпоху понимали, что подготовка человека к реализации себя перед лицом потенциальных жизненных трудностей и невзгод требует существенно большего времени и усилий, чем это имеет место в случае любого живого существа, что находит свое выражение в особой длительности процесса воспитания и образования. В основе известного высказывания Софокла — «Не родиться совсем — удел лучший» — лежит глубокое понимание своего рода «демонического» характера жизни, неподвластной человеческим желаниям и планам, о чем с такой убедительностью свидетельствует богатое наследие греческой трагедии¹².

Такое восприятие человеческой жизни свидетельствовало о том, что вызовы, с которыми сталкивается человек, зачастую являются для него непосильными.

Драматическое описание последних минут жизни Сократа в платоновском диалоге «Федон» завершается странными на первый взгляд последними словами Сократа, в которых он просит своего ученика Критона отдать богу врачевания Асклепию петуха, что, согласно античной традиции, должно означать выражение благодарности за освобождение от земных невзгод.

Таким образом, мы имеем дело с пониманием жизни как вызова, предъявляющего человеку требования, с которыми он сам, своими собственными силами совладать не в состоянии и для способности ответа на которые он нуждается в содействии и помощи, оказываемые ему воспитанием и образованием.

¹² См. подробнее: Krell D. F. (1992). *Daimon Life. Heidegger and Life-Philosophy*. Bloomington: Indiana University Press.

Генри Мур. Убежище. 1940

Вместе с тем нельзя не признать, что в наше время, спустя более двух с половиной тысяч лет, отношение к пониманию самого характера нашего существования в мире претерпело радикальные изменения в существенной мере под воздействием впечатляющих успехов и поистине фантастических достижений научного знания. Это способствовало, однако, формированию глубокого и до сих пор бытующего заблуждения, в основе которого лежит неправомерное предположение о том, что научное знание в его современном состоянии, в том виде, в котором оно получило импульс своего развития начиная с эпохи Античности, обладает необходимыми инструментами постижения, в том числе и специфической реальности человеческой жизни.

Такого рода убеждение укоренилось настолько глубоко, что в самих структурах европейских языков то знание, которое обращено к осмыслению человека и общества, неизбежным образом выражается в качестве предполагающего его «научность» — гуманитарные науки, *Geisteswissenschaften*, *sciences humaines*, *human* или *moral sciences*.

Это привело к тому, что те радикальные трансформации, которые произошли в европейском мышлении на рубеже XIX–XX веков и которые способствовали самоопределению гуманитарного знания, при всей глубине прозрений слишком часто по-прежнему осуществлялись в соответствии с парадигмой представления о знании, предопределяемого духом научности.

В результате этого обстоятельства, связанного с осмыслением специфики гуманитарного знания, такие мыслители, как В. Дильтей, и многие из его последователей — М. Вебер, Р. Арон, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и другие — оказываются приверженцами позитивистской интерпретации того опыта, посредством которого мы осмысляем реальность человеческой жизни.

В своей книге «Человеческое понимание» Ст. Тулмин отмечает, что представления о знании и природе человеческого понимания в XX веке все еще покоятся на научных и исторических предпосылках XVII века. «Эти предпосылки, — отмечает он, — уже устарели лет триста».

По его мнению, их суть можно выразить в трех не вызывающих сомнения аксиомах:

«1. Естественный порядок устойчив и стабилен, и разум человека приобретает интеллектуальное господство над ним, размышляя в соответствии с принципами понимания, которые также устойчивы и универсальны.

2. Материя, по существу, инертна, и активным источником или внутренним вместилищем рациональной, самопроизвольной деятельности является абсолютно отличный от нее дух или сознание, в котором локализируются все высшие интеллектуальные функции.

3. Геометрическое знание обеспечивает исчерпывающий стандарт, не требующий поправок точности, по которой можно судить обо всех остальных требованиях к познанию»¹³.

За всем этим скрывается огромная проблема — феномен, который Пол Фейерабенд называет «тиранией науки»¹⁴.

Тем самым известное высказывание Хайдеггера — «Наука не мыслит» — отнюдь не означает демонстрации обскурантизма и обесценивания значимости научного знания. Речь идет о том, что природа нашего мышления не сводится к его уподоблению научному знанию.

Преодоление такого рода ориентации на непреложный авторитет научного знания, все более обнаруживающего свою недостаточность применительно к постижению реальности человеческого бытия, происходит на всем протяжении XX века на путях восстановления целостности опыта отношения к миру, который начиная с эпохи Античности неправомерно обесценивал чувственность как нечто недостоверное и существенно уступающее по своей значимости теоретическому, понятийному мышлению. Это находит свое выражение, в частности, в возрождении античного «поэтического» (poietic) отношения к миру как способности человека к творчеству, в том числе и сотворению самого себя.

Природа нашего мышления не сводится к его уподоблению научному знанию

¹³ Тулмин Ст. *Человеческое понимание*. М.: Прогресс, 1984. С. 34–35.

¹⁴ См. Feysabend P. (2011). *The Tyranny of Science*. Polity Press.

По существу, мы имеем дело с восстановлением в своих правах традиции, в силу определенных причин оказавшейся на периферии по отношению к доминирующей тенденции рационализма, берущей свое начало в Античности и не без труда воспроизводящей себя в наше время. Одним из ее представителей, в частности, является итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико, которого так высоко ценил Гете.

В разделе «О поэтической метафизике» своей, все еще недостаточно оцененной нами книги «Основания новой науки об общей природе наций» Вико пишет: «Человеческая природа, поскольку она обща со звериной, обладает тем свойством, что чувства оказываются единственными путями, на которых она познает вещи»¹⁵. «Следовательно, — пишет он, — Поэтическая Мудрость — первая Мудрость Язычества — должна была начинаться с Метафизики, не рациональной и абстрактной Метафизики современных ученых, а с чувственной и фантастической Метафизики первых людей, так как они были совершенно лишены рассудка, но обладали сильными чувствами и могущественной фантазией... Такая Метафизика была их настоящей Поэзией, а последняя — естественной для них способностью (ведь они от природы были наделены и столь сильными чувствами и такой же фантазией), порожденной незнанием причин; незнание было для них матерью удивления перед всем... Такая Поэзия первоначально была у них Божественной: они представляли себе причины ощущаемых и вызывающих удивление вещей, как Богов...»

Вико отмечает, что античные люди «делали это с такой поражающей возвышенностью, что она крайне потрясала самих воображающих и творящих, почему последние и были названы Поэтами, что по-гречески значит то же, что и “творцы”»¹⁶.

Неукротимая чувственная природа основателей языческой культуры противостояла возникшей позднее способности абстрагирования от воспринимаемых предметов, когда возник язык, переполненный огромным количеством абстрактных слов, — язык, трансформированный искусством письма и спиритуализированный применением чисел. В итоге по отношению к природе формируется «огромнейший лживый образ», пустота, которым не помогает даже Фантазия: «Теперь нам самой природой закрыт доступ в неукротимое Воображение первых людей; сознание которых было совершенно лишено абстрактности, не утончено, не спиритуализировано, так как они были целиком погружены в чувства, возбуждены страстями, погребены в Телах. Поэтому... теперь с трудом можно понять и совершенно нельзя себе представить, как мыслили Первые люди, основавшие Языческую культуру»¹⁷.

Речь идет, естественно, не о возможности воссоздания того состояния культуры, от которого нас отделяют многие века.

¹⁵ Вико Дж. *Основания новой науки об общей природе наций*. М., Киев, 1994. С. 131.

¹⁶ Там же. С. 132.

¹⁷ Там же. С. 134.

Аристарх Чернышев. Античная голова. 2020

Крайне болезненные процессы переосмысления фундаментальных оснований европейской интеллектуальной традиции, доминирующие в XX веке, характеризуются усилиями по осознанию произведения искусства, понимаемого в самом широком смысле как высшей формы человеческого творчества (*poiesis*), и восстановлению в своих правах специфического и несводимого к научному знанию экзистенциального опыта бытия человека в мире.

При этом нам необходимо преодолеть глубоко укоренившуюся тенденцию отношения к поэтическому творчеству и произведению искусства как интерпретируемую посредством особой дисциплины — эстетики как «науки», наделяющей себя особыми привилегиями по отношению к тому, что вообще не подлежит выражению при помощи языка научного знания.

На поставленный им самим вопрос: «Что такое поэзия?» — Иннокентий Анненский отвечает: «Этого я не знаю. Но если бы я и знал, что такое поэзия, то не сумел бы выразить своего знания или, наконец, даже подобрал и сложив подходящие слова, все равно никем бы не был понят. Вообще есть реальности, которые, по-видимому, лучше всего вовсе не определять»¹⁸.

¹⁸ Анненский И. Книга отражений. М.: Наука, 1979. С. 201.

По существу, мы имеем дело с принципиально иным способом выражения человеком самого себя, которое при этом обладает поразительной способностью воздействия на нас.

Очень хорошо это удалось выразить Михаилу Лермонтову:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Отдавая себе отчет в невозможности традиционного, логического определения поэзии, Борис Пастернак начинает свое известное стихотворение, которое так и называется — «Определение поэзии», со следующих строк, из которых следует, что поэзия вообще не поддается такому определению:

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок...

Тщетными являются также наши попытки обнаружить в поэтическом произведении содержание, к восприятию которого мы привыкли, имея дело с научными высказываниями или сообщениями, транслируемыми обыденной речью.

И тем не менее мы сталкиваемся с тем, что в этом случае мы имеем дело с постижением смыслов, не выражаемых иными способами и в то же время обладающих необычайной силой и энергией своего воздействия. Именно на это обращает свое внимание Осип Мандельштам: «Поэтическая мысль вещь страшная, и ее боятся... Подлинная поэзия перестраивает жизнь»¹⁹.

Тем самым мы сталкиваемся с опытом выражения человеком себя, который по своей сути обладает удивительными возможностями пробуждения в человеке духовной энергии, слишком часто заглушаемой в нас стандартными, расхожими стереотипами абстрактного мышления, способствующего опасной утрате человеком экзистенциального выражения себя по отношению к миру.

Об этом пишет в своей удивительной по богатству прозрений книге «Философия имени» протоиерей С. Булгаков: «Поэтическое сочетание слов... есть явление природы, по-своему столь же непреложное как Ниагарский водопад». Сам поэт не осознает, почему он употребляет то или иное слово или выражение, и его не следует об этом спрашивать: «Если только он действительно поэт, если он присутствовал при рождении

¹⁹ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб.: Академический проект, 1997. С. 68.

²⁰ Булгаков С. Философия имени. Париж: Утца-Press. С. 148.

этого стихотворения, а вовсе не выдумал его, в каком-то смысле не есть даже его автор, — оно само себя сочинило»²⁰. Он отмечает также, что «в слове как заклинательной формуле, по смыслу сказанного, действует космическая сила, которая становится ощутима через посредство слова... в известном смысле трансцендентная по отношению к феноменальному миру и слову в обычном значении».

Как полагает Булгаков, слово является символом и представляет собой выражение энергии, «которая имеет корни в той же глубине, из которой истекает и реальность, не только “разум”, но и “чувственность”, т.е. весь вообще опыт»²¹.

В этом случае «важное отличие слова в поэзии от слова в прозе заключается, между прочим, в том, что в поэзии ощущается жизнь самого слова, оно рождается и несет в себе непосредственную свежесть космического своего рождения. То, что происходило на заре рождения языка, когда слова говорили себя в душе, возникали в ней с элементарной силой, как голос природы, ощущались в своей мощи, самобытности и красоте, имели напевность и заклинательную силу, это теперь, хотя в слабой степени, сохраняется лишь в поэзии. Поэт, настоящий поэт... сам со священным удивлением созерцает рождающееся в нем слово (как дикарь в положительном смысле этого слова, или как дитя, или как первобытный человек), и для нас совсем по-новому, по-иному... звучат его образы. Они завладевают, покоряют нас, и независимо от прямого смысла своими обертонами и сопутствующими звуками в них, точнее, с ними, звучат для нас голоса Вселенной, слышно звучание космоса. В поэзии слово перестает быть только знаком, который употребляется для сигнализации смысла, “понятий”, здесь оно является самим собой, т.е. символом, и волны от него расходятся космической зыбью. Кажется, еще мгновение, и лира Орфея будет укрощать зверей, переставлять горы — слово получит свою действенность, ибо оно касается корней бытия. Поэзия непосредственно граничит с магией слова; она в известной степени уже есть магия в том смысле, что магическим является всякое мощное слово»²².

Как уже отмечалось, в данном случае мы имеем дело далеко не с проблемами сугубо академического характера, решение которых находится в сфере теоретических дискуссий. Речь идет о насущных процессах трансформации самого нашего отношения к драматически меняющемуся миру и нашей собственной ответственности за все происходящее в нем.

²¹ Там же. С. 148.

²² Там же. С. 142.

Владимир Жбанков.
Спичка, стихи. —
Laurus, 2022 — 34 с.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Владимир Жбанков. Спичка

Стихотворение, открывающее книгу, впервые прозвучало на семинаре Школы гражданского просвещения в апреле 2022 года. Все тексты написаны в марте.

Владимир Жбанков

Спич

Дорогие друзья, физически я на презентации книжки в Киеве отсутствую, но я с вами!

Поздравляю нашего друга Владимира Жбанкова — поэта, автора символической книжечки «Спичка».

Почему «спичка»? Судя по словарям, это слово образовалось когда-то, века два назад, в русском языке после заимствования немецкого слова «спица». Отсюда и уменьшительное «спичка» — заостренная палочка, кончающаяся зажигательной головкой.

А если без двух последних букв? Тогда появится новое, но уже английское слово «спич» — короткая застольная речь.

Имеет ли оно отношение к названию книжечки? Имеет. Причем самое прямое, о чем свидетельствует русское слово, о котором я невольно вспомнил, перечитывая изданную книжечку.

Я вспомнил, что в детстве, после Второй мировой войны, когда мне было лет семь или восемь, я услышал от отца слово «кресало». Тогда я не задумывался о его смысле, так как часто видел не только в отцовских руках свернутую папиросу и камень, о который железной плашкой курящие мужчины высекали огонь на подставляемый фитиль, лежавший на камне, а сейчас в Толковом словаре Владимира Даля читаю: кресать — высекать, рубить огнем из кремня; воскрешать, оживлять.

Дорогой Володя, твоя «Спичка» — это древнее кресало, с помощью которого люди когда-то высекали огонь, а ты наперекор огню войны Словом высекаешь свет, подобно фаворскому свету, и я повторяю вслед за тобой:

Нет речи более настойчивой,
Нет речи более доходчивой,
Без удивления и мистики

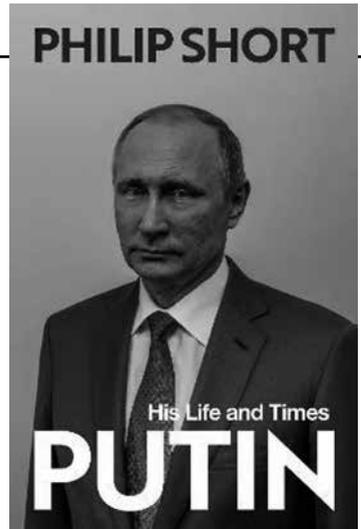
.....
Механизированные выстрелы.
Без звука, чтобы не было этого звука.
Простого, понятного, внятного стука.

Сердечно,
Юрий Сенокосов

Герой нашего времени

Читатель этой книги, как мне кажется, не должен впадать в ступор оттого, что ее автор прежде писал биографии столь выдающихся деятелей, как Мао Цзэдун и Пол Пот. Тут, что называется, ничего личного: его вдохновляло не какое-то извращенное тяготение к беспримерному злодейству, а сугубо человеческая любознательность — стремление понять, что же сделало азиатских титанов XX века теми личностями, какими они стали. (Кстати, реплика в порядке успокоения: в круге авторских интересов не только Азия — Шорт написал и биографию Франсуа Миттерана.) Приступая к жизнеописанию еще одного великого деятеля — на этот раз не дистиллированного европейца или несомненного азиата, а выраженного евразийца, — он спешит подтвердить собственную непредвзятость. Словно уподобляясь славному философу-оптику с его заветом «не плакать, не смеяться, а понимать», автор на первых же страницах заявляет о том, что его дело не имеет касательства к осуждению или одобрению: он просто хочет выяснить, что сделало Владимира Путина Владимиром Путиным. «Цель этой книги не в том, чтобы демонизировать Путина, который и сам запросто умеет демонизироваться, а также не в том, чтобы найти оправдание его прегрешениям, — заявляет автор в предисловии. — Она в том, чтобы постичь его личность, понять, что мотивирует его и как он стал тем лидером, каким стал». Это отличная целевая установка; она позволяет надеяться, что вам не подsunут политическую клюкву вместо серьезного и, главное, объективного исследования.

Беспристрастность, несомненно, можно отнести к числу основных достоинств этой биографической работы. Филип Шорт многие годы работал корреспондентом британской радиовещательной корпорации в Москве, Пекине, Вашингтоне и других столицах, а в ВВС, как известно, с неизменной почтительностью относятся к ее величеству истине — даже в эпоху постправды. При этом, повторюсь, книга не имеет ничего общего с апологетикой. Следуя за подтвержденными фактами, а не за досужими мнениями, автор без колебаний оправдывает своего героя там, где навет на него противоречит здравому смыслу и имеющимся свидетельствам. Например, британский журналист ничуть не обходит вниманием подзабытую в России тему многоэтажек, взорванных в разных городах страны вместе с жителями накануне воцарения нынешнего

Philip Short.
Putin: His Life and Time.
New York: Vintage Books,
2022. — 864 p.

вождя. Излагая в этой связи теории злого умысла, господствующие в оппозиционном дискурсе, он выносит им однозначную оценку: это безосновательная чушь. По логике автора, КГБ конца 1990-х годов в силу общей разболтанности и хаотичности эпохи элементарно не располагал

*Беспристрастность
можно отнести к числу
основных достоинств этой
биографической работы*

техническими возможностями для подготовки подобных акций, а даже если бы и располагал, то за тридцать лет кто-нибудь из причастных неминуемо проговорился бы. С этим трудно спорить. Тем не менее в других ситуациях он, заметив малейшее пятнышко на безупречной

биографии великого человека, столь же безапелляционно говорит: из песни слов не выкинешь — что было, то было, напраказничал. В частности, Шорт без колебаний связывает покушение на Алексея Навального, ставшее «первой за всю послесталинскую эпоху попыткой властителя устранить соперника», с нынешним хозяином Кремля. «Табу было слишком сильным, чтобы его можно было нарушить без авторизации со стороны Путина», — считает он. Разумеется, мы очень хотим надеяться, что британский журналист не прав; лет через пятьдесят, надеюсь, все разъяснится.

Хорош или плох Путин для России? В произведении нет ответа на этот вопрос, и, как мне кажется, его трудно было ожидать. Но это, однако, никак не помешало коммерческому успеху книги, которая стала первой биографией российского президента, выпущенной после начала украинской кампании. Зарубежная публика, естественно, сразу же заинтересовалась: мол, мы и не подозревали, что наш сосед по планете, с виду обычный человек, оказался таким вот. Надо сказать, что тема Украины далеко не в центре повествования, но в последнем разделе книги она, конечно же, широко и подробно освещается. Если обобщить, то автор считает, что решение об операции было огромной ошибкой, сделанной лично Путиным, точнее говоря, речь идет о целом наборе недооценок и переоценок, большая часть из которых сегодня на слуху. Но путинское решение тем не менее Шорт рассматривает как естественное для такого лидера, как он, руководствующегося нормами европейской политики прошлого и позапрошлого столетий — стереотипами, крепко усвоенными его родной страной, его бывшей партией, его прежней спецслужбой. В целом, заключает автор, «на Западе сложился широкий консенсус по поводу того, что Путин допустил фатальный просчет». Тем не менее, добавляет он, не стоит впадать в примитивизм: далеко не все в сложившейся ситуации оказывается настолько очевидным, каким видится на первый взгляд.

Первоначально, напоминает автор, американцы и англичане преподносили нынешний конфликт в плоскости «Россия против всего мира». Позже, однако, выяснилось, что из десяти крупнейших мировых держав

безоговорочно поддержала Украину лишь одна: Соединенные Штаты Америки. Остальные, представляющие более половины мирового населения, либо молчаливо поддержали Россию, либо предпочли избегать оценочных суждений. Попытавшись изобразить войну как столкновение «тирании» и «свободы», Вашингтон, по мнению Шорта, поступил глупо — он оттолкнул даже те авторитарные режимы, которые прежде стойко на него ориентировались: например, Саудовскую Аравию и страны Персидского залива. Даже позицию стран НАТО трудно считать монолитной: если «молодые» члены типа Эстонии или Польши исходят из того, что русские понимают только силу, то «старые» члены в лице Франции, Италии или Испании предпочли бы переговоры. После февраля 2022 года западный мир раскололся, говорит автор, а это, кстати, было одной из путинских целей.

В итоге же Филип Шорт оставляет читателя перед, образно говоря, «разбитым корытом». Он не знает, каким окажется будущее. Некоторые вещи, однако, для него вполне очевидны. Я, например, очень солидарен с автором в том, что «роковые решения, предопределившие русское будущее, были приняты в 1990-е годы». С одной стороны, освободив себя в 1993-м от благотворного парламентского контроля, Борис Ельцин заложил основы монархической по сути системы, которую он завещал своему преемнику. Для превращения в «национального лидера» — эвфемизм никому не подотчетного правителя — Путину, вооруженному ельцинской Конституцией Российской Федерации, и делать, собственно, ничего не пришлось. С другой стороны, в то же десятилетие, по мнению Шорта, ряд серьезнейших упущений, сбивших Россию с правильной дороги, позволил себе консолидированный Запад. И главнейшим из них стало инспирированное Соединенными Штатами расширение НАТО за счет бывшего восточного блока. Автор называет это «политической близорукостью», и он прав: курс на изоляцию ослабшей после развала СССР России явно способствовал последующей порче российского политического режима. «Америка, доминирующая глобальная держава, убеждена в том, что ее роль — быть ведущей. Но Россия отказывается быть ведомой», — отмечается в книге. Исходя из этого, заключает автор, с уходом Путина, неотвратимо приближающимся с каждым годом, проблемы, с которыми сталкивается Запад во взаимоотношениях с Россией, в обозримом будущем едва ли куда-то исчезнут.

Андрей Симбирцев

Владимир Зелинский, священник, религиозный писатель, публицист, протоиерей (с 2015 г.), настоятель основанного им православного прихода «Всех скорбящих радость» в г. Брешия (Ломбардия, Италия)

О наследии Христовом и «репрессивной ментальности». Задумываюсь

23 августа 2022 г.

Полвека в Церкви, больше двадцати лет в сане — и вот задумался. И как-то оторопел. Столп и утверждение истины нашей? Речь не о книге о. Павла Флоренского, а о Писании и Предании. Предание — это и есть Писание, истолкованное Отцами Церкви, раскрывшееся во времени, прожитом и преображенном Церковью. Живое Евангелие, которое, как обещано, «напомнил» и продолжает «напоминать» Дух Святой, дышащий в истории. Так определяют его (в вольном моем изложении) о. Мейендорф и о. Станилоэ. И Христос там, и здесь, и вовеки Тот же. «Не может и не должно быть разрыва между Священным Писанием и Преданием» (о. С. Булгаков). «В жизни Церкви Весть вечно обновляется (о. Г. Флоровский). Это и есть Предание. Азбука православной веры.

Но что делает Христос в Писании? Как доносит Весть о Царстве, которое приблизилось? Проповедует и исцеляет. Глухой от рождения, паралитик, 38 лет ждавший чуда, вдова, потерявшая единственного сына... К одному возвращается речь, другой выздоравливает, умерший мальчик воскресает лишь силой одного Его слова. Вот оно в этом и приблизилось: во встрече с Иисусом, которая приносит добро тому, кто в добре нуждается. Не только духу, но и телу возвращается его целостность, восстанавливается полнота жизни. «Ты освобождаешься от недуга своего». Ты снова тот, кем ты был создан, каким хочет видеть тебя Господь. Благая Весть — обетование о спасении от греха, но и рука, протянутая немощным, а через них всему недужному человечеству. Возвещение Царства и исцеление в Евангелии нераздельны.

Люди, которым Он помогал, для Него свои. Кем бы они ни были — римский сотник, сиропфиникиянка, мытарь, самарянка, — у Него нет чужих. Каждому встречному дается не только врачевание, но и дарение Себя. Если Он и говорит кому-то «не знаю вас», то не инаковерам, а лицемерам, тем, кто, возлагая бремена неудобноносимые, пальцем не пошевелил. Тем, кто мог, но не накормил, не напоил, не одел, не посетил...

Какие слова высвечивают главное в Его наследстве? Надежда, вера, мужество, радость... «любите друг друга», «идите научите все народы...». Быть ближним, близким каждому, своим. Наследство это потом не смогли поделить, вокруг него всегда кишели и налипали лицемерие, преступления, приспособления, искажения — всего и не перечеистишь. Однако под всей этой тяжестью мирского, греховного, страстного, даже мифического, христианство не рухнуло, как рухнул на наших глазах коммунизм; его несла, держала мощная, то широкая, то порой невидимая для глаз река... правды, той, что могла опереться на «свет, который в тебе». «Любовь не перестанет», — сказал апостол. И не перестает. Каждая страница нашего календаря полнится святыми, апостолами, епископами, молитвенниками, мучениками, миссионерами, аскетами, учителями веры, праведниками, положившими душу «за други своя»... За ними толпится еще сонм никому не ведомых, не замеченных, просто забытых. Все это живо, не исчезло из мира, каким бы он ни был безбожным, плоским, глобализированным.

И в то же время с самого начала в недрах самой этой любви, в глубине ее — как сказать? — свила гнездо ненависть. Она тоже есть (почти) священная часть Предания, хотя чаще предпочитала в этом не признаваться. Пела на разные голоса про любовь, но легко умела отводить ее в сторону от здесь стоящего человека, если стоит он неправильно. Вражда к чужому «инвестировала» любовь в защиту веры под видом любви. Все началось с простого и даже оправданного разделения с теми, кто к пшенице правого исповедания примешивал еретические свои плевелы. Плевелы стали выбрасывать вместе с породившими их, чего Христос делать до Суда не велел. Церковь в историческом своем странствии отставала, строила себя, выбираясь из болота лжеучений. Ереси отсекались просто словом, затем словом-проклятием носителю их, но едва христианство перестало быть гонимым, соединилось со светской властью, дошла очередь и до тел.

Именно плоти с ее мышцами, кожей, кровью и нервами надлежало первым делом отвечать за блуждания духа. Человеческое тело, подобное тому, которое Христос исцелял, теперь во имя Христа могло подвергаться муке: оно пыталось, калечилось, растягивалось на дыбе, ослеплялось, сжигалось, иной раз и перепиливалось пилой. Ввергалось в «гари» (сожжения и самосожжения староверов), как когда-то бывало у нас. По меньшей мере тысячелетие все это считалось вполне нормальным; оскорбитель правой веры не заслуживал иной участи. Что он при этом

испытывал, в каком аду была его душа, что отразилось в его последнем взгляде, мало кого касалось, ни на каких весах не взвешивалось. Ведь в аду, куда его отправляли с земли, ему будет заведомо хуже.

Однако евангельские исцеления не просто возвращали телесное здоровье, они несли и свое послание. «Имеющий уши» мог бы, пожелав, и услышать. Бог хочет видеть человека восстановленным в его целостно-

*«Репрессивная ментальность»,
говоря современным языком,
осталась, растворившись в
наших правилах, нравах
и образе мысли*

сти, как духовной, так и физической. Каждое исцеление говорит: пусть это тело, которое Я сотворил, будет свободным от греха и недуга. Предупреждая о грядущем мученичестве, Господь мук не налагает ни на кого. Тем более не убивает. «Из тех, кого Ты мне дал, Я не погубил никого».

Следуя букве и духу Нового Завета, всякое покушение на физическую целостность человека прямо идет против заповеди о любви к врагам. Однако где-то с V века мученичество, предназначенное врагу, «отбившемуся от стада», стало частью нашего исповедания. Как бы само собой разумеющейся частью. Ценность истинной веры была безмерно весомее хрупкости отдельной человеческой жизни. Всякой жизни, в том числе и своей, потому что насилие над другим часто неотделимо и от насилия над собой, ибо «Царство Божие силою берется...». Но лишь той силою, которая применялась к себе. Насилие над другим во имя спасительной веры во Христа было, по сути, прямо противоположным тому, чему учил и что делал Христос. Но стало нормой, и надолго.

В смягченном виде это остается нормой и сегодня. Мы ее унаследовали и забыли покаяться в бессердечии наших предшественников. Конечно, никакие религиозные структуры в наши дни в принципе не могут посягать на тело другого для религиозного вразумления духа — светские законы сегодня им этого не позволят. Но светские эти законы сами откуда взялись? Не застыл ли в них последний всплеск волны, откатившейся от Евангелия? Сегодня Церкви могут наказывать только своих и, как правило, только одним способом: отсечением от себя, временным или вечным. Но «репрессивная ментальность», говоря современным языком, осталась, растворившись в наших правилах, нравах и образе мысли. Еретик, раскольник, схизматик, попираатель канонов, изменник истине как родине и родине как истине; не тело, а душа отсекается теперь от источника жизни клеймом и прозвищем. Или всего лишь угрозой, но постоянно висящей.

Из такого отсечения не выветрился запах «гарей», все еще дымящих в авторитарности духовенства, уверенного, что имеет «прямую линию» с Господом, в почти крепостном статусе священников, зависимых от владык, их, священства, владычества над мирянами в преподании таинств, особенно причастия и исповеди, даже в агрессивно-суетливом радении

пожилых скандальных церковниц о тех, кто случайно зашел в храм в джинсах и без платка. Словом, у кого какая есть ко власти страсть, пусть и малая совсем, тот не преминет ее разжечь.

25 августа (окончание)

Но бывает дело серьезней, как в наши дни, когда интересы церковные сливаются с державными почти до неразличимости. Как в этой смердящей войне, когда кесарем или национальным лидером с ущемленным имперством назначенный враг уже и небесам недруг, и само небо посылает на его голову ливень бомб и ракет. Раз он вычеркнут из списка ближних, его не то что любить, ему и жить незачем. Ибо мы со святой уверенностью исходим из того, что истина, которую отстаиваем, — наше извечное достояние, она давно определена, изложена в старых книгах, списанных с них проповедях и заключена в государственных границах. Она не только целиком наша, но и мы сами уже часть этой небесно-национальной истины. Всякий же уклоняющийся от ее текста, даже просто о нем не ведающий, заведомо виновен и не избежит наказания. Степень наказания может быть разной: от презрения, отлучения до выдаваемой гарантии вечной гибели. Последнее особенно популярно.

Такого нет, если отойти от горестного сегодняшнего дня, как ни странно, в иудаизме, где есть понятие «греха Адама», последствия которого ложатся на всякого человека, но никто не должен отвечать за то, что не сумел родиться в народе, принявшем откровение Моисеево. Бог не требует от язычника исполнения всех (числом 613) заповедей Талмуда. Достаточно честного соблюдения семи заповедей Ноя, но определяющих не исповедание твое, а путь жизни, который Господь оставил для всех. Никто из иноплемеников заведомо не виноват в том, что он не еврей. А в христианстве, в исламе, в общем, так: если ты не узнал истинного Бога, предпочтительно на Его территории, неважно почему, по времени и месту рождения, по незнанию, по греховной еретической воле, даже если ты умер до крещения, не исповедуя спасительной религии, то, как ни смягчай, виноват. На какое оправдание ты можешь надеяться на Страшном суде? Вот Грузинская церковь уже в наши дни ни смягчать, ни увилить не захотела, заявив во всеуслышание: некрещенные младенцы не спасутся. Сказано вполне по Преданию, явно с вызовом либеральному, гуманистическому, безбожному миру сему, но ведь бывают случаи, когда хорошо и промолчать.

Католичество после Второго Ватиканского собора и протестантские конфессии, кроме самых маргинальных и фундаменталистских, в силу естественной эволюции всю эту неотвратимость «вне Церкви нет спасения», где в прошлом под Церковью подразумевалась каждая из них, сильно смягчили, практически свели на нет. Твердое же православие осталось неколебимым в своем отвержении всякого, кто «не сего двора».

Алёша (Алексей Потупин). Объект. 2015

Оно, как монастырь Эсфигмен на Афоне (если взять самое радикальное наше согласие), живущий под лозунгом «Православие или смерть!», ощущает себя последним островом в океане язычества, еретичества и мутной экуменической апостасии. Едва ли оно намеревается кого-либо обращать и от смерти спасать. Коли идете на вечную гибель, так и идите широкой, протоптанной вашей дорогой, нам-то что. Сколько же таких островов с тем же лозунгом плавает в человеческом океане? Да и зачем кого-то еще обращать, когда на дворе «последние времена»?

Трудно принять, что именно такую веру, какой бы ни была она жертвенно героической, нам оставил Христос. Да, безусловно, это вера в Бога, жесткая, непримиримая, прямая, но и вера сама в себя, в свою крепость, нерушимость, укорененность, литургичность, я бы сказал, в свою видимую телесность. Тот, кто невидим и непостижим, запирается в видимом, понятном, тысячелетиями обжитом духовном жилище, и чтобы никогда не быть оттуда выпущенным, на двери дома вешается крепкий замок, и он обносится высоким забором. Бог пребывает только здесь и нигде больше, за забор Ему возбранено выходить. Да и могло ли

быть иначе с тех пор, как наследие Христово стало мировоззренческой повинностью, единоверием, установленным властью? Возможен ли был иной путь, на котором всякий человек был бы дороже Богу того, что он о Боге думает или что думает за него его религия? На котором слово «свобода» было бы свободно и не выводилось исключительно только из борьбы с бедами, осаждающими душу, оставляя все прочее на усмотрение бесов мира сего.

Трудно принять, что именно такую веру, какой бы ни была она жертвенно героической, нам оставил Христос

Ныне бесполезно спрашивать; отцы наши выбрали этот путь, иного, целиком свободного от насилия прошлого у нас за плечами нет. А начинать все с нуля могут только харизматические секты; они, кстати, размножаются и растут куда быстрее институциональных церквей. Но задуматься мы все же еще можем. Как соединить правоту веры, не утратив того, что было когда-то создано молитвенным подвигом и выпестовано Преданием, с тем, кого Августин назвал «славой Божией, живым человеком»? Не отсекая его за то, что он овца из чужого стада, не следуя, пусть и не до конца сознательно, «репрессивной ментальности» — а она бывает не только охранительной, но из либеральных либеральнейшей, — но встречая, узнавая, удивляясь ему во Христе. Ибо только Он открыл нам то, «что есть человек и что есть Сын человеческий», которого посещает Господь.

«Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются», — уже 3000 лет обещает Псалом (84:11). Сегодня это упование лишь на подступе, мы еще на самом дальнем пороге такого сретенья. Но спрошу с простодушием св. Франциска: за тысячелетием угроз, прощений и наказаний не зреет ли подспудно иное тысячелетие, где Бог наш будет встречаем и узнаваем не в одном лишь Его тождестве с истинной Церковью (со всем великолепием ее догматики, литургики, икон, распевов, сакрального языка, календаря...), но и в добром самарянине, нагнувшемся над случайным встречным, от разбойников пострадавшим?

Ответа не знаю. Но задумываюсь.

Собирался обойтись коротенькой заметкой, а оно вот почти целой статьей обернулось.

Денис Яковлев, психолог, журналист

*Теории личности: от Фрейда и Юнга – в наши дни**

*Наша наука — это капля, наше невежество — море.
Уильям Джеймс, американский психолог*

Пожалуй, из всех проблем, с которыми сталкивались ученые, наиболее сложной, запутанной, увлекательной и до сих пор до конца не разрешенной остается природа и содержание человеческой личности от самого определения до ее структуры и методов оценки. Как бы ни расширялись горизонты научного поиска с 1879 года, когда Вильгельм Вундт открыл первую в мире психологическую лабораторию, исследователи, кажется, не очень-то продвинулись в выработке сколько-нибудь *единого* мнения о том, что же такое личность. Но предложили несколько небезынтересных теорий.

Является ли личность совокупностью разнообразных черт, или же каждый из нас принадлежит к определенному типу личности (это подразумевает относительно ясно очерченные поведенческие характеристики) — вот, пожалуй, одно из основных различий существующих сегодня теорий. Особняком, конечно, стоит **психодинамическая теория** Зигмунда Фрейда. Впрочем, Фрейд смотрел на человека настолько своеобразно, что вписать психоанализ в какие-то рамки вообще вряд ли возможно. Между тем именно Фрейд впервые в мире создал относительно целостную теорию личности, хотя вряд ли специально ставил перед собой такую задачу.

По Фрейду, личность состоит из трех компонентов (он рассматривал их не как некие неизменяемые структуры, а, скорее, как процессы): *Ид* (id, Оно), *Эго* (ego, Я) и *Супер-Эго* (super-ego, Сверх-Я). *Ид* — наиболее

* *Republic*. 18 августа 2022 г.

простая часть личности, руководствующаяся принципом удовольствия и биологически обусловленными побуждениями — в основном сексуальными и агрессивными. Эго — это компонент, ответственный за принятие решений и обеспечивающий безопасность и самосохранение. Эго подчиняется принципу реальности, и если темное Оно побуждает человека к немедленному удовлетворению потребностей, то Эго, «понимая», что желаемое не всегда достижимо или вообще допустимо, способно его отсрочить или заместить социально приемлемыми действиями.

И, наконец, *Супер-Эго* — это индивидуальная версия общественных норм, ценностей и запретов; компонент личности, формирующийся позже всех остальных в процессе родительского воспитания и социализации. Чувство вины, самооценка и оценка других — это все результат развития *Супер-Эго*, которое тормозит негативные, по мнению общества, импульсы и желания, и не будь его — человек вряд ли сохранился бы как вид, писал Фрейд в книге «Недовольство культурой».

Список претензий к психодинамической теории невероятно широк — от невозможности эмпирического подтверждения до чрезмерного упрощения структуры личности. Сегодня от теории Фрейда способен не оставить камня на камне даже способный студент психфака, не говоря уже о серьезном академическом исследователе. Фрейд кабинетным ученым не был и основывался на клинических наблюдениях. Но их было слишком мало (достоверно известно всего о четырех десятках), чтобы делать настолько широкие выводы, а метод свободных ассоциаций — краеугольный камень психоанализа — подвергается вполне обоснованной критике.

Однако вряд ли в истории психологии есть кто-то оказавший настолько серьезное влияние на развитие гуманитарных наук, что каждый следующий за Фрейдом (которому в свое время удалось продать всего 600 экземпляров фундаментального «Толкования сновидений») исследователь вынужден или соглашаться с ним в той или иной степени, или опровергать его.

Основная заслуга Фрейда в том, что он подчеркнул роль бессознательного в мотивации, хотя и понимал ее, возможно, слишком упрощенно. В соответствии с представлениями Карла Юнга — видимо, самого известного после Фрейда психоаналитика — личность состоит из трех компонентов: *эго, личного и коллективного бессознательного*.

Эго — это мысли, чувства, воспоминания и ощущения, позволяющие ощущать свою целостность и вообще воспринимать себя как людей; в некотором смысле эго — это сознание. Юнгианское представление о личном бессознательном в целом напоминает теорию Фрейда с той разницей, что оно не столько является источником инстинктов, сколько вмещает в себя неосознаваемые и подавленные воспоминания и внутренние конфликты.

Групповое фото перед Университетом Кларка. Сидят: Фрейд, Холл, Юнг; стоят: Эбрахам А. Брилл, Эрнест Джонс, Шандор Ференци. 1909

Коллективное бессознательное — это глубинный пласт психики, в котором, по словам Юнга, «содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума». Стремясь «свести многочисленные различия между человеческими индивидуальностями к определенным категориям», Юнг разработал **теорию психологических типов**. Он был уверен, что, «несмотря на огромное разнообразие сознательных побуждений и склонностей, могут быть выделены определенные группы индивидов, характеризующиеся удивительным сходством в мотивации».

Юнг полагал, что человек обладает четырьмя психологическими функциями — мышлением, ощущением, чувством и интуицией. Как может доминировать интроверсия или экстраверсия, так и одна из этих функций определяет поведение человека. «Экстраверсия — интроверсия» и психологические функции образуют в сочетании **восемь типов личности**, обладающих устойчивыми особенностями.

«Я не рассматриваю классификацию типов согласно интроверсии и экстраверсии и четырех базовых функций как единственно возможную», — писал Юнг.

Юнгианский подход позже был вульгаризирован и упрощен. Пример — созданные на основе теории Юнга типология Майерс — Бриггс

и система психологического тестирования Myers-Briggs Type Indicator, пользующиеся чрезвычайной популярностью в Северной Америке, несмотря на то, что данные о надежности и валидности метода крайне противоречивы. Вместе с тем это едва ли не единственная (хоть и не очень удачная) возможность подтвердить или опровергнуть хотя бы часть теоретических положений Юнга. Впрочем, сам Юнг не заботился об эмпирической проверке своей теории, черпая научное вдохновение в мифах и снах — порой даже своих собственных.

Если Карл Густав Юнг и многие другие известные ученые — Эрик Эриксон, Эрих Фромм и Карен Хорни, например, — так или иначе опирались на психодинамическую теорию Зигмунда Фрейда, то американский психолог Гордон Олпорт, полагая, что «стоило бы сначала полностью прояснить явные мотивы, прежде чем исследовать бессознательные», разработал **теорию черт личности**, основываясь на почти полном отрицании психоаналитического подхода.

Черта личности в понимании Гордона Олпорта — это достаточно стабильная предрасположенность вести себя сходным образом в разных ситуациях. Таким образом, черты, обеспечивая сходные реакции на разные внешние стимулы, придают поведению относительное постоянство. Это не означает, что человек поступает одинаково в любых ситуациях: доминирование как личностная особенность может проявляться, когда человек находится вместе со своими детьми, и не демонстрироваться на работе. Черты личности — определяющий элемент поведения, они не могут рассматриваться изолированно от остальных и различаются по степени выраженности.

При этом наиболее ярких характеристик личности (в поздних работах Олпорт называл их центральными диспозициями) не так уж много: от пяти до десяти. Таким образом, личность, по Олпорту, это совокупность достаточно стабильных и влияющих друг на друга относительно стабильных во времени диспозиций, определяющих поведение человека.

Психологически зрелый человек характеризуется **шестью чертами**: он имеет широкие границы «Я» и способен посмотреть на себя со стороны, готов сопереживать и отличается дружелюбием в социальных отношениях, принимает себя и может справляться с чувством вины (это не означает, конечно, что его человек не испытывает), ставит перед собой реалистичные, выполнимые цели, имеет четкое (насколько это субъективно возможно) представление о своих сильных и слабых сторонах и отличается четким набором жизненных ценностей, которые становятся основой его жизни. Поведение незрелой личности, напротив, определяется неосознанными мотивами, проистекающими из детских переживаний.

Критики теории черт уверяют, что на поступки людей ситуационные факторы оказывают значительно большее влияние, нежели черты или

диспозиции. Так, из исследования Уолтера Мишела следовало, что изменение внешних или внутренних условий модифицирует человеческое поведение, а Рей Карлсон, проанализировав 220 работ по психологии личности в рецензируемых журналах, пришел к выводу, что психологи скорее изучают не личность и ее черты, а социальное поведение.

Структурная теория черт личности Реймонда Кеттелла, в отличие от большинства других, основана не на клинических наблюдениях или умозрительных выводах, а на строгих эмпирических методах, в основе которых лежал факторный анализ. Кеттелл считал, что основополагающая структура личности образована шестнадцатью исходными чертами, или, как он их называл, «личностными факторами», описанными в континууме, например, «жесткость — мягкость», «смелость — робость» или «рассудительность — беспечность».

Черты могут быть как конституциональными, так и сформированными под влиянием среды; общими, которые есть в различной степени у всех представителей одной и той же культуры, и индивидуальными. На поведение людей значительно влияют группы, к которым они принадлежат, — семья, сверстники, коллеги, а его теория, полагал Кеттелл, позволяет описать и спрогнозировать поведение не только отдельных людей, но и целых социальных групп.

Разработав невероятно сложную математическую процедуру — многопрофильный абстрактный вариантный анализ (Multiple Abstract Variance Analysis, MAVA), оценивающий степень обусловленности черт генетическим влиянием или воздействием окружающей среды, он сделал вывод: около двух третей черт определяется влиянием окружающей среды и одна треть — наследственностью. Например, влиянием генетических факторов в оценках интеллекта обусловлены примерно 65–70% вариаций, а невротизм, который может пониматься как психологическая нестабильность, — наполовину меньше.

«Самым выдающимся персонологом нашего времени» называют Кеттелла Ларри Хьелл и Дэниел Зиглер. Теория личности Кеттелла привлекла куда меньше сторонников, нежели теории Фрейда или Олпорта — в значительной степени из-за сложности. Однако 16-факторный личностный опросник (Sixteen Personality Factor Questionnaire, 16PF), разработанный Кеттеллом в 40-х годах прошлого века, до сих пор успешно применяется в психодиагностической практике.

TABLE OF CONTENTS

No. 4 (87) 2022

ON THE 30-YEAR ANNIVERSARY OF THE SCHOOL OF CIVIC EDUCATION

In Lieu of an Afterword: A few questions
for the Founders about the people and ideas
associated with the School
Yuri Senokosov, Lena Nemirovskaya 5

THEME OF THE ISSUE

The Democratic and Authoritarian
Achievements of post-Soviet Politics:
An Epitaph on the Grave of an Era
Mykhailo Minakov 10

Karinna Moskalenko: “The most typical civil
rights violations in Russia are inhuman
treatment and unfair trial” 32

HISTORICAL EXPERIENCE

Mikhail Gorbachev: “Nuclear weapons
saving the world” is a dangerous myth
in dangerous times 43

Central and Eastern Europe in the 21st
Century: Historical Perspective
Vasily Zharkov 46

Arguing About Germany: A Russian Remake
Andrey Kolesnikov 53

IN MEMORY OF MIKHAIL GORBACHEV

Dmitry Muratov: “He Gave Us 30 Years
of Peace” 58

Leon Aron: “Freedom obliterates the blind
worship of any person or state” 60

WAR DIARIES

Six Months of War
Anna Guin 64

STATE AND SOCIETY

From “The Fifth Column” to “Drive Belts”
Vsevolod Bederson 66

INTERNATIONAL AFFAIRS

On Future Scenarios
Nikolai Petrov 73

On the UN Reform
Igor Gretskey 78

Towards the Political Integration: Time
for the Global Parliamentary Assembly
Andreas Bummel 88

SOCIETY AND PERSONALITY

The Poetry of Thinking
Anatoli Mikhailov 97

ANNOUNCEMENT

Matchstick
Vladimir Zhbakov 112

Speech
Yuri Senokosov 112

BOOKS

A Hero of Our Time
Andrey Simbirtsev 113

NOTA BENE

On Christ’s Legacy and “Repressive
Mentality”: I Reflect
Vladimir Zelinsky 116

Personality Theories: From Freud and
Jung to the Present
Denis Yakovlev 122

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2022 год

К ЧИТАТЕЛЮ

Юрий Сенокосов, Лена Немировская
К 30-летию Школы гражданского просвещения (№ 1)

Юрий Сенокосов
Вызовы и угрозы жизни (№ 2)

К 30-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ

Юрий Сенокосов
Встреча (№ 3)

Юрий Сенокосов, Лена Немировская
Вместо послесловия: ответы основателей Школы на вопросы авторов книги о людях и идеях Школы (№ 4)

ТЕМА НОМЕРА

Викторас Бахметьевас
Заявление в знак солидарности с Украиной (№ 1)

Александр Гольц
Откуда берутся и как распадаются империи (№ 3)
Каким бывает нейтралитет и на что ориентироваться Украине (№ 2)
Интервью Владимира Зеленского российским журналистам (№ 2)

Андрей В. Колесников
Изобретение мира (№ 1)

Михаил Минаков
О новой после-постсоветской эпохе (№ 3)

Демократические и авторитарные достижения постсоветской политики. Эпитафия на могиле эпохи (№ 4)

Каринна Москаленко
«Самые типичные нарушения прав россиян — это бесчеловечное обращение и несправедливый суд» (№ 4)

Рене Нюберг
Война на Украине — Каин и Авель (№ 1)

Славомир Сераковский
Рост популизма и возрождение демократии (№ 2)

Альваро Хиль-Роблес
«Путин прямо ответил, что не доверяет никому и никогда» (№ 1)

ОПЫТ ИСТОРИИ

Валдис Биркавс
Почему именно демократия (№ 2)

Сергей Большаков
Политический реализм в свете христианского богословия и теории международных отношений (№ 3)

Эрнест Выцишкевич
Заключительное слово на семинаре (№ 1)

Марк Гамса
Китай и Россия сегодня: сравнение (№ 3)

Михаил Горбачев: «Ядерное оружие спасло мир» — это опасный миф в опасном мире (№ 4)

Василий Жарков
Вестфальская система в начале XXI века: старые вызовы и новые ответы (№ 3)

Центральная и Восточная Европа в XXI веке: историческая перспектива (№ 4)

Кишиитоф Занусси
«Я бы больше хотел говорить о ценностях» (№ 1)

Андрей Zubov
Охота на Гутерриша (№ 2)

Андрей В. Колесников
Споры о Германии. Ремейк в России (№ 4)

Станислав Кучер

О вероятности войны
с Западом (№ 2)

Анатолий Михайлов

Человек в мире (№ 1)

Юрий Сенокосов

О философских изобретениях (№ 2)

Юрий Слѣзкин

Священные писания, литературные
каноны (№ 2)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Александр Морозов

О политическом конфликте (№ 2)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Андреас Буммель

По направлению к глобальной
политической интеграции: время
Всемирной Парламентской
ассамблеи (№ 4)

Игорь Грецкий

О реформе ООН (№ 4)

Николай Петров

О сценариях будущего (№ 4)

ПАМЯТИ ГОРБАЧЕВА

Леон Арон

«Свобода сводит на нет слепое
поклонение человеку
или государству» (№ 4)

Дмитрий Муратов

«Он подарил нам тридцать лет мира»
(№ 4)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Всеволод Бедерсон

От «пятой колонны» к «приводным
ремням» (№ 4)

ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ

Анатолий Михайлов

Поэзия мышления (№ 4)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Анна Кулешова, Олег Грешинев

Новая этика: информационные
технологии и верховенство права (№ 1)

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Томас де ла Куадра-Сальседо

Верховенство права (№ 3)

Альваро Хиль-Роблес

Европа в кризисе (№ 3)

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Владислав Иноземцев

О меняющейся экономике войны (№ 3)

Йеспер Роин

Почему мы заботимся об
экономическом развитии (№ 2)

СОЦИОЛОГИЯ

Алексей Левинсон

Где обрести надежду (№ 1)

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Анатолий Ахутин

Война и интеллект (№ 2)

Война и интеллект (№ 3)

Анна Гин

Полгода войны (№ 4)

Александр Фукс

«Города центра и запада Украины
будут разрушены...» (№ 2)

НАШ АНОНС

Ю.П. Сенокосов

30 лет гражданского просвещения.
Доверие к универсализму (№ 3)

Владимир Жбанков

Спичка (№ 4)

Юрий Сенокосов

Спич (№ 4)

КНИГИ*Андрей Захаров*

Русская беда (№ 1)

Ретроградные физиономии (№ 2)

Андрей Симбирцев

Конституционный террор (№ 3)

Герой нашего времени (№ 4)

Дмитрий Травин

Контрапункт (№ 1)

Контрапункт (№ 2)

Контрапункт (№ 3)

NOTA BENE

Бодрийяр расшифровывает «Матрицу»

Почему этот фильм восхищает
философов (№ 3)*Илзе Дзеновска*

59-й день войны (№ 2)

*Владимир Зелинский*О наследии христовом и «репрессивной
ментальности». Задумываюсь (№ 4)*Виктория Матисон*

Слова победы (№ 2)

*Люсьен Февр*Освальд Шпенглер: величие и
немошь пророка (№ 1)*Чулпан Хаматова*Совесть, благородство
и достоинство (№ 2)*Дэвид Чалмерс*«В ситуации виртуализации
практически невозможно отличить
предсознание от сознания» (№ 3)*Денис Яковлев*Теории личности: от Фрейда и
Юнга в наши дни (№ 4)**НАШ АРХИВ***Гарольд Берман*Условия для создания надежной
и действенной правовой системы
(№ 4)*Кристофер Коукер*

Почему мир воюет (№ 3)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

30 ЛЕТ ШКОЛЕ

Наши авторы:

Ян Альбрехт

Армаз Ахведиани

Андреас Буммель

Игорь Грецкий

Армен Закарян

Вальтер Кауфман

Сильви Кауфман

Андрей Колесников

Сергей Лагодинский

Соня Лихт

Арндт Фрейтаг фон Лорингхофен

Джон Ллойд

Михаэль Мертес

Михаил Минаков

Доминик Моизи

Нил Муйжниец

Лена Немировская

Диана Пинто

Михаэль Сульман

Ральф Фюкс

Джек Ханнинг

ISSN 2592-897X